

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

**всяк
на свой
манер**

Как наряжались в старину
русские крестьяне

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ИСТОРИЯ

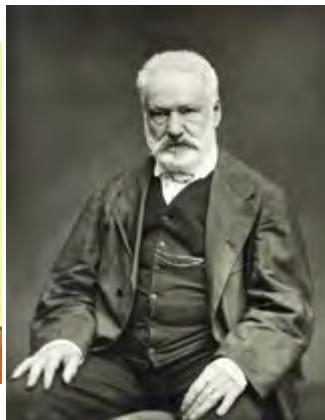
ИНТЕРВЬЮ

04 Вспоминая о русском Харбине

10 Жидовствующий накануне апокалипсиса

18 Русский взгляд Виктора Гюго

НАСЛЕДИЕ

26 «Вас издадут, и вы должны быть к этому готовы»

32 Человек со свечой

38 Книжный магнат

КУЛЬТУРА

46 Языки ангельские и человеческие

ТРАДИЦИИ

52 Узорочье русской набойки

60 На свой манер

МУЗЕИ

66 Звонкая история

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Повелитель пчел

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

80 Сретенка. Налево-направо

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Папуасы большого города

Председатель правления фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ИВИНА
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Наталья РАЗУВАКИНА
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Дмитрий УРУШЕВ
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (+499) 519-01-68

Сайт журнала:
[https://rusmir.media](http://rusmir.media)

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.
Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

АНТОНИЙ (СЕВРЮК А.Ю.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.
Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.
Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.
Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕФЁДОРОВ И.С.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.
Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЯН М.С.
Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.
Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ВСПОМИНАЯ О РУССКОМ ХАРБИНЕ

БЕСЕДОВАЛА

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СКЛОНЯЯ НАЗВАНИЕ РОДНОГО ГОРОДА, ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ АБРАМОВ ДЕЛАЕТ УДАРЕНИЕ НА ПОСЛЕДНЕМ СЛОГЕ – ТАК ГОВОРЯТ ВСЕ ХАРБИНЦЫ. БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА ОН ПРОСЛУЖИЛ АКТЕРОМ В ОМСКОМ ТЮЗЕ, СОЗДАЛ АРХИВ ТЕАТРА, ПРОДОЛЖАЕТ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ДЕЛАХ ОРГАНИЗАЦИИ «ОМСКИЕ ХАРБИНЦЫ». В БЕСЕДЕ С «РУССКИМ МИРОМ.RU» ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ВСПОМИНАЕТ О РУССКОМ ХАРБИНЕ.

— И

ГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ, КАК
в ваши родители оказались
в Харбине?

— Отец моей матери, Максимилиан Терешкевич, дворянин из Бреста, приехал на строительство КВЖД в 1907 году. Он работал на станции Мянндухэ, где и встретил свою будущую жену, Анастасию Костину. Ее родители были переселенцами из Екатеринославской губернии. Архип Костин служил подпрапорщиком в 1-м железнодорожном батальоне Заамурской пограничной стражи. Он перевез семью в Китай и остался крестьянствовать на станции Мянндухэ. В 1911 году Терешкевича перевели в Харбин — бухгалтером в Центральное управление железной дороги. И моя мама, Людмила Максимилиановна Терешкевич, родилась в 1913 году в Харбине. А отец, Владимир Семенович Абрамов, эмигрировал в Харбин из СССР. Он родился в 1899 году в Москве в купеческой семье, его отец, Семен Абрамов, был личным почетным гражданином города. После революции семья перебралась в Томск. В 1917-м отец окончил гимназию с серебряной медалью и поступил в Томский технологический университет. В 1919 году он добровольцем вступил в армию Колчака. Был контужен, попал в плен. Помоему, полтора года отсидел в тюрьме, по амнистии по случаю пятилетия Октябрьской революции был освобожден и мобилизован в Красную армию. Но через несколько месяцев был, так сказать, отслежен и изгнан из армии чекистами. Поняв, что в Советском Союзе с его биографией делать нечего, эмигрировал в Харбин. В 1934 году он женился на моей маме, в 1935-м родился я.

— Чем ваш отец занимался в Харбине?

— Да много чем занимался. Он был членом харбинского Русского клуба, был знаком со многими

известными эмигрантами. В основном перебивался случайными заработками, пока не было создано Бюро по делам российских эмигрантов. Отец стал работать там в отделе по связям с японской администрацией, успел выучить японский язык, ездил в командировку в Японию. В итоге стал агентом для поручений при начальнике Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

У нас в доме бывали видные деятели белого Харбина: генералы Бакшеев, Власьевский, Кислицын. Генерал Кислицын был на дне рождения у отца, кажется, в 1943 году. Я сидел у него на коленях и требовал, чтобы мне налили из той бутылки, из которой они все пили за столом. Отец сказал: «Налейте ему генеральскую рюмку, может, генералом станет». Мне налили немного, я выпил, очень обиделся на всех и ушел к себе в комнату

— Как в Харбине жила русская диаспора?

— До того как пришла Красная армия — кто как. Были и очень зажиточные люди — коммерсанты, адвокаты. Актеры, как всегда, перебивались с хлеба на квас. Мы вот жили неплохо: у отца была зарплата или, как тогда говорили, наградные, причем приличные. Тем не менее мы не могли позволить себе жить в центре города. Мы поселились в Сунгарийском городке, в пристрочии именуемом Нахаловкой (поскольку это был нахально возведенный самострой). На 2-й Псковской улице, которую китайцы называли «Андаотзе», мы снимали трехкомнатную квартиру в одноэтажном кирпичном доме на два крыльца. В соседней квартире жили хозяева-китайцы. Перпендикулярно нашему стоял еще один дом — там жили родственники хозяина, а также одиночная русская вдова и две японские семьи. Одна семья гражданская, муж все время был в разъездах

Личный почетный гражданин Москвы
Семен Петрович Абрамов с супругой
Верой Ивановной. Москва. 1897 год

Супруга бухгалтера КВЖД
Анастасия Архиповна
Терешкевич (Костина)

Максимилиан Николаевич
Терешкевич, бухгалтер КВЖД.
Харбин. Начало XX века

дах. Глава второй японской семьи был самураем. Он ходил с мечом, с горделиво-отсутствующим видом. Однажды во время дождя его жена выставила на улицу фикус, и наша коза, каким-то образом сорвавшаяся с привязи, его обгладала. Самурай был взбешен. Он выскочил из дома с мечом, размахивая им, носился по двору и что-то выкрикивал. Но все окончилось благополучно. Самурай никого не убил, даже козу не тронул. Покричав, успокоился и ушел в дом.

Наш район в основном был заселен русскими семьями и небольшим числом китайцев. В Харбине был отдельный китайский район – Фудзядян. Помню китайские похороны: умер хозяин дома, в котором мы жили. Во дворе стоял большой гроб красного цвета. И были фигурки из бумаги – дом, лошадь, что-то там еще – то, что вместе с ним уходило в загробный мир, сжигалось на кладбище. Еще помню, как по дворам ходил лекарь-китаец, занимавшийся иглоукалыванием. Носил скатанную циновку, в которой, как в колчане стрелы, были иглы. Кто-то из китайцев в нашем дворе согласился на эту процедуру. Прямо на земле расстелили циновку, человек лег – натыкали иголок, как дикобраз стал... Ходил мастеровой, который чинил посуду, торговцы ходили. Вот, скажем, на Троицу у нас был обычай устилать травой полы в доме. И перед праздником приходит китайский торговец – у него коромысло, на нем две здоровые корзины, там пучки травы. Китайцы в этом плане очень предприимчивый народ. У них все было поставлено четко. Если, скажем, вечером нам хотелось попить чайку, то для этого совсем не обязательно было растапливать печь. Можно было взять пустой чайник и сходить в китайскую лавку, где за символическую плату его наполняли кипятком.

– А вы все говорили по-русски?

– Мы, дети, общались на какой-то смеси языков, но вполне понимали друг друга. Китайцы знали какие-то русские слова, мы – некоторые китайские. В русской среде, разумеется, говорили на русском языке. Но заимствовали слова из китайского. Вот, например, слово «чифанить». «Чифан» – по-китайски «есть». У нас говорили: «Когда будем чифанить?» Еще – названия еды. «Тёзы» – пельмени. Водка китайская называлась «ханша». Китайский коричневый сахар – «пейтан». Китайская редька – «лоба». И, конечно, «фингтёза» – лапша. Сейчас ее называют «фунчоза», но мы говорили «фингтёза».

Китайский язык нам преподавали в старших классах, но... Несколько десятков иероглифов мы выучили – во всяком случае, вывески я мог читать. И на этом все закончилось.

– А что для вас в детстве было самым вкусным в Харбине?

– Обыкновенные липучки – палочки, сделанные из клейкой сладкой массы, обсыпанные кунжу-

Юнкер
Владимир
Абрамов
во время
обучения
в учебной
команде
при Первом
Томском
кадровом
артиллерийском
дивизионе.
Томск. Осень
1918 года

том. Китайское мороженое пинго – это замороженная вода с какой-то эссенцией. Нравились танхулы – замороженные яблочки, их продавали только зимой, они были все во льду, и это было очень вкусно. Вот идет торговец, у него на палке намотано сено, из него торчат палочки, на них – эти яблочки... Пельмени китайские, конечно, любил – там мясо, капуста, черемша, чеснок, а выглядели они как вареники. Мы часто с уроков сбегали в район Фудзядян, где шли в какую-нибудь «харчевку» есть пельмени. Еще помню вкусные китайские блины – таньбин. От русских они отличались тем, что делались из кукурузной или рисовой муки.

– Русские эмигранты воспринимали китайские традиции?

– Какой-то серьезной ассимиляции не было. Это ведь совершенно другая раса, другая религия, другие традиции. Русские семьи очень крепко держались своих традиций. Отмечали православные праздники. В Харбине было 29 русских церквей. Китайцы ничему не мешали: ни строительству церквей, ни отправлению богослужений. Религия объединяла нас. Общая молитва, причастие, Рождественская неделя, Страстной четверг – весь город в огньках, все несут зажженные от Святого огня свечи, прикрывая их ладонями, банками, стаканами – главное, чтобы свеча не погасла.

На свои 87 лет
Игорь
Владимирович
совершенно
не выглядит...

– Чем занимались в Харбине русские, как зарабатывали?

– Многие служили на КВЖД – до того, как Хрущев подарил ее Мао Цзэдуну. На заслуженный отдых работники КВЖД уходили обеспеченными людьми. Они получали пенсию, а помимо этого им выдавалось выходное пособие, на которое можно было, к примеру, купить квартиру или построить дом. Женщины работали в основном продавщицами. В Харбине был магазин «Чурин», владельцем которого был Иван Чурин – основатель торговой империи от Забайкалья до Владивостока. В Харбине этих магазинов было три, сейчас остался один – «Чурин-гоцы», то есть «Магазин Чурин».

– Что собой представляли харбинские школы?

– В Харбине было четыре русские школы. Еще был колледж Святой Ursulines при Конвенте Ursulinok. Там обучались девочки. Был русский дом-интернат для мальчиков.

До четвертого класса я занимался в частном детском саду Александры Дмитриевны Тороповой. Там мы учились читать, писать, учили японский язык, читали стихи, басни, разыгрывали довольно большие спектакли. Хорошо помню один из них – по сказке в стихах немецкого писателя Вильгельма Буша. В ней рассказывалось про двух хулиганов, начиналась она так: «Макс и Мориц шалунишки, невозможные мальчишки». Я играл одного из этих хулиганов...

А в школу я пошел в сентябре 1945 года и заканчивал четвертый класс уже по советским программам.

– Изменилась ли жизнь в Харбине, когда Красная армия освободила Маньчжурию?

– Хорошо помню, как из Харбина исчезли японцы. Их в одну ночь словно сдуло: вчера были, а сегодня – их уже нет. И нет больше ни Маньчжоу-Го, ни императора Пу И. В городе появились советские солдаты. Отца арестовали за сотрудничество с японцами. Однажды он ушел из дома и не вернулся, и девять лет мы ничего не знали о его судьбе. Мы с мамой и бабушкой оставались в Харбине. С 1945 по 1949 год был очень тяжелый период: пока не установилась Китайская Народная Республика, власти никакой не было. Была анархия, все выживали как могли. Мама с бабушкой пекли и сдавали в магазин выпечку. На вырученные деньги жили. Повсюду орудовали банды, вечерами опасно было выходить на улицу. По городу ходили вооруженные патрули, все мы обязаны были иметь при себе специальные удостоверения. Возвращаешься откуда-нибудь поздно, вдруг из-за угла патруль: «Хо!» Достаешь бумажку, офицер ее проверяет – и можешь идти дальше. В 1954 году отец передал через какого-то железнодорожника записку, сообщил, что жив и через год освобождается. Я отчetalivo помню этот момент. Во двор зашел человек в форме железнодорожника

и спросил: «Абрамовы здесь живут? Я говорю: «Да, я Игорь Абрамов». Он спрашивает: «Мать замуж не вышла?» Я: «Нет, не вышла». «Проводи меня к ней». Он передал маме записку, которая все решила. А мы уже собирались эмигрировать в Австралию...

— *А как случился ваш театральный дебют в Харбине?*

— Театра как такового в Харбине не было. Все спектакли шли или в отеле «Модерн», или в Коммерческом собрании. У моего отца в «Модерне» была персональная ложа. Родители брали меня с собой на вечерние постановки, и я посмотрел много спектаклей. Особенно запомнился мне «Совет в Филях», где Кутузов и его военачальники решали судьбу страны. В углу стояла русская печь, на которой лежала девочка и слушала все, о чем говорят полководцы. И я страшно завидовал этой девочке. Мне очень хотелось оказаться на ее месте...

В городе работала частная театральная труппа или, как бы сейчас сказали, антреприза Василия Ивановича Томского. Они еженедельно давали новый спектакль. В 1947 году при Обществе граждан СССР — оно заменило Бюро по делам российских эмигрантов — создали так называемый Коллектив работников сценического искусства (КРСИ), который был призван знакомить харбинцев с советской драматургией и года полтора существовал параллельно с труппой Томского. Потом два театра объединились. При КРСИ был создан Юный драматический коллектив (ЮДК). Я тогда увлекался авиацией, а в ЮДК меня позвал друг, который там занимался. После просмотра меня утвердили на роль пионера Андрюши в пьесе Михалкова «Смех и слезы» на сюжет итальянской сказки «Любовь к трем апельсинам». Три года мы занимались в ЮДК, а после окончания школы пять человек, в том числе и я, были приняты в театр. Первая моя роль была в спектакле «Дети Ванюшина» по пьесе Найденова. Томский играл Ванюшина, а я — его сына Алексея.

— *Вы росли на классической русской литературе?*

— Да, я рос на Чехове, Гоголе, Толстом. При Коммерческом собрании была богатейшая библиотека. Была еще одна частная библиотека, хозяин выдавал книги за небольшую плату. Кроме того, он вырезал из журналов романы и повести с продолжением, переплетал их и тоже выдавал — это было едва ли не самое увлекательное чтение. Я читал за поем. В Харбине издавались и книги местных авторов. Был, к примеру, натуралист Арсений Байков, он описывал природу Маньчжурии. У папы были его книги с дарственными надписями, но мы их не смогли взять, когда уезжали в Советский Союз.

— *Что вы смогли взять с собой и что запрещали везти в СССР?*

— Разрешали брать литературу, не запрещенную в СССР. Пластиинки не разрешали брать, но люди их провозили. Досмотр был поверхностный. Жи-

вотных брать с собой не разрешали, но в вагоне, в котором мы ехали, был породистый красавец-сеттер. Перед досмотром на границе мы передвинули вещи и спрятали пса за ними. Когда пограничник вошел и стал осматривать чемоданы, пес выглянулся из-за них. И вот они смотрят друг на друга: собака — на пограничника, пограничник — на собаку. Все замерли. Пограничник улыбнулся и сделал вид, что ничего не заметил.

— *Что вас поразило в СССР в первые дни?*

— Всеобщий мат. В Харбине нецензурной лексики на улицах не было слышно. Мальчишки в школе знали, конечно, все подобные слова, но никогда их не употребляли. Это было неприлично. Кроме того, поразило пьянство. Мне было непонятно, как люди в обеденный перерыв выпивают стакан водки и идут дальше работать. В Харбине дед с отцом по воскресеньям за обедом по рюмочке выпивали — и все.

«Я очень рад, что могу что-то сказать о моем любимом Харбине...»

Владимир
Абрамов
в Маньчжу-Го.
Харбин. Конец
1930-х – начало
1940-х годов

– А что вам до сих пор вспоминается, когда вы думаете о Харбине?

– Конечно, детство. Лапта – это была наша любимая игра. Как гоняли в футбол после уроков. У бережной Сунгари стояли лодки, на которых китайцы за небольшую плату перевозили на другой берег всех желающих. Почему-то все лодки были названы русскими именами: на бортах было написано «Наташа», «Аня», «Вася». Летом мы с мальчишками переправлялись на этих лодках к нашей любимой протоке, до вечера купались и загорали на песочке.

– Как сложилась судьба вашей семьи после возвращения в СССР?

– Мы подали заявление на выезд в СССР, в район освоения целинных и залежных земель, наш вагон был приписан к хакасскому совхозу «Абаканский». Но в вагоне ехала целая группа актеров. И, очевидно, у нашего руководителя Юрия Львовича Хороша была договоренность с советским консульством, потому что пока мы шесть часов стояли в Красноярске, нас из ведения Министерства сельского хозяйства переоформили в ведение Министерства культуры. Актеров распределили между минусинским и абаканским театрами. Меня взяли в минусинский театр, так что мы обосновались в Минусинске. В августе 1955 года отец вышел на свободу, и мы воссоединились. Он прожил еще двенадцать лет, работал бухгалтером в конторе «Заготзерно».

– Трудно было привыкать к жизни в Советском Союзе?

– Мне трудно говорить за старшее поколение. А я привык легко, потому что был молод. Все, за исключением мата и пьянства, меня устраивала.

ло. Хотя на нас, харбинцев, на улицах Минусинска смотрели как на инопланетян: мы приехали в элегантных костюмах индивидуального пошива, в красивой обуви. Присматривались с интересом. А какие именно эмоции мы вызывали у местного населения – не знаю... Нам же было удивительно видеть на улицах только русские лица. Это было непривычно, но приятно.

– Вы вернулись по семейным обстоятельствам. Как думаете, почему вернулись те, кто мог бы и не возвращаться?

– Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Все харбинцы помнили отъезд первых групп в 1937 году, и все знали, что судьба уехавших была печальной: почти все были расстреляны. И тем не менее поехали. Наверное, потому, что у нас был культ Родины, культ России. Все харбинцы прекрасно знали русскую историю. Может быть, повлияла пропаганда, повлияло кино – ведь советские фильмы идеализировали ту жизнь...

Но в Россию вернулись не все, многие харбинцы уехали в Австралию или в Канаду. В школе я сидел за одной партой с князем Микой Мещерским. «Ваше сиятельство» я его не называл, я его называл «Мишка». У него дома висела карта мира, на которой Советский Союз был аккуратно замазан тушью. Черное пятно. Для него СССР не существовал, он жил старой Россией. После школы наши пути разошлись, как сложилась его судьба, мне неизвестно...

– Часто ли собираются омские харбинцы?

– У нас есть традиция собираться на главные церковные праздники – на Рождество и на Пасху. Отмечали свои юбилеи – 50 и 60 лет приезда в Советский Союз. Когда нас было много, отмечали очень широко. Сейчас в организации омских харбинцев числится менее сотни человек, а приходят на встречи уже человек 15–20.

– Вы бывали в нынешнем Харбине?

– Был в 2015 и в 2017 годах. Там все изменилось. Коренных харбинцев в Харбине сейчас нет – все или уехали, или умерли. Русское кладбище, к сожалению, ликвидировали, осталось только воинское захоронение. Но сохранились некоторые здания. Например, гостиница «Модерн». Правда, внутри ее реконструировали: театр и кинотеатр, которые раньше занимали первый этаж, исчезли. Дом, в котором жила наша семья, не сохранился. Из прежних русских храмов остался только Софийский собор – там сейчас находится городской музей Харбина. Восстановили Иверскую военную церковь – там в свое время на стенах были записаны имена георгиевских кавалеров... Жаль, что русский Харбин закончился – это был своего рода феномен. Во многом он остался неизвестным: не описанным, не познанным, не переданным. Остались только старые фотографии и наши воспоминания... ☺

ЖИДОВСТВУЮЩИЙ НАКАНУНЕ АПОКАЛИПСИСА

РИСУНОК ВАРВАРЫ ЛАВРОВОЙ

АВТОР
ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ЕРЕСИАРХ, ЧЕРНОКНИЖНИК, КРИПТОГРАФ, ВЫДАЮЩИЙСЯ ДИПЛОМАТ, БЛИЖАЙШИЙ СОВЕТНИК ПЕРВОГО ЦАРЯ И СОБИРАТЕЛЯ ЗЕМЕЛЬ ВСЕЯ РУСИ ИВАНА III, ПРИЧАСТНЫЙ К СОСТАВЛЕНИЮ ПЕРВОГО ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАНЫ – СУДЕБНИКА. ОН ЖЕ – АВТОР ПОВЕСТИ О КРОВОЖАДНОМ КНЯЗЕ ДРАКУЛЕ И ДРУГИХ СОЧИНЕНИЙ, РОДСТВЕННИК АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО СОХРАНИЛСЯ ДАЖЕ ПОДПИСАННЫЙ ИМ МИСТИЧЕСКИЙ ТРУД – «ЛАОДИКИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ». ОДНАКО О ДЕЛАХ И ЖИЗНИ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА КУРИЦЫНА МЫ МОЖЕМ СУДИТЬ ЛИШЬ ПО ПРОКЛЯТИЯМ ВРАГОВ И ПОСОЛЬСКИМ ОТЧЕТАМ.

ГОДЫ СПУСТЯ ПОСЛЕ его смерти, которая случилась, судя по всему, не из-за каких-то опал или осуждений, преподобный Иосиф Волоцкий писал о нем с неизбытной ненавистью и раздражением. Родной брат Курицына взошел за это на костер. Его анафематствовали в церквях в неделю Православия («Торжество Православия» – празднуется в первую неделю Великого поста. – Прим. ред.) вплоть до середины XVIII века. О наследии думного дьяка написаны монографии, но его биография ограничивается лишь общими словами. И, несмотря на это, трудно спорить с тем, что Федор Курицын был выдающейся личностью и знаменательным культурным явлением своего времени.

СЛАВНЫЕ ПРЕДКИ

По одной из версий, его предок, Гаврила Олексич, был сподвижником Александра Невского и отличился в Невской битве 15 июля 1240 года. Житие святого князя сообщает, что этот храбрец верхом влетел по сходням на вражеский корабль, где бился с самим шведским «королевичем». Его вместе с конем сбросили в воду, но он выбрался и продолжил бой. Еще раз ворвавшись на корабль, он снова оказался в самой гуще сражения: «бися с самем воеводою середи полку ихъ». Гаврила Олексич тогда выжил и принял достойные почести. Впрочем, это родство – позднейшая легенда целой группы родов, возводящих свою историю к единому предку – некоему Ратше (Ратыше), «мужу честну», который в XIII веке якобы перешел на русскую службу «из немец». Своим родоначальником Ратшу

считают Челяднины, Свибловы, Булгаковы, Бутурлины, Пушкины, Мусины-Пушкины, Волковы, Замыцкие, Чертовы, Чулковы, Коровины, Чешихины, а также Каменские и Курицыны.

Летописи известен знатный новгородец Ратьша, погибший в эпохальной Раковорской битве 18 февраля 1268 года (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2021 год, статья «Забытая победа». – Прим. ред.). Его сопоставляют с другим современником, известным как Ратишка (Ратешка), упоминаемым в 1255 году в качестве лидера «перевета», сообщившего князю Александру Невскому о бегстве его брата Ярослава. Он предстает членом просудальской группировки новгородцев, близкой к великокняжескому двору.

Родовые сказания называют Гаврилу Олексича внуком Ратьши, что хронологически затруднительно. Возможно, все было наоборот, но через столетия забылось и перепуталось.

Через какое-то время Ратишичи перешли на службу в Тверь, а потом – при Иване Калите – осели в Москве, где вошли в круг старейшей столбовой знати. Записи об истории семей появились лишь к XVI веку.

БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА

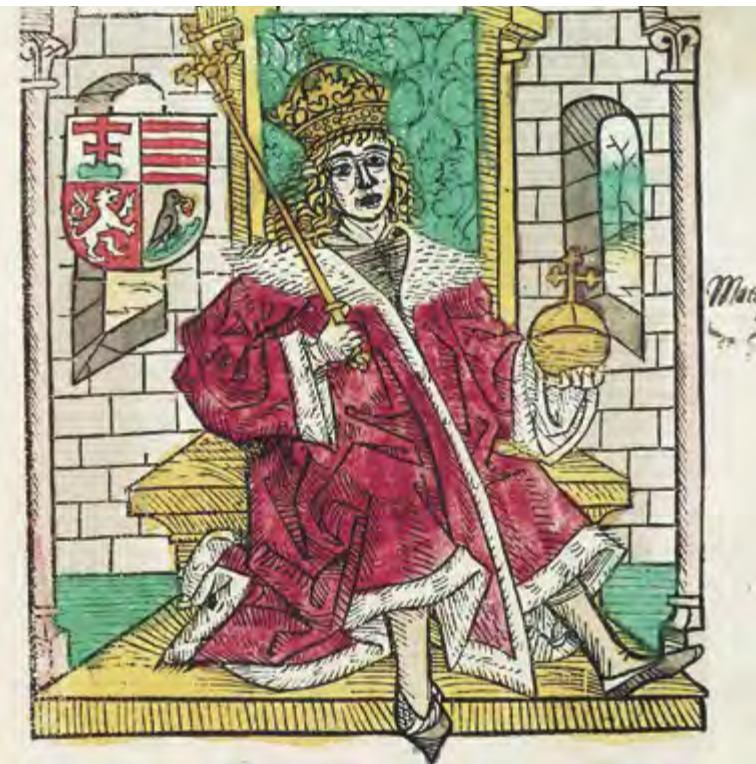
В XV веке Курицыны имели владения в Дмитровском, Рузском и Владимирском уездах. Об их службах в то время ничего не известно. Первым представителем фамилии, оказавшимся на видной великокняжеской службе, был именно Федор Васильевич. И мы узнаем о нем сразу как о главе важного посольства. В 1482 году по поручению Ивана III он отправился к венгерскому королю Матьяшу Корвину с миссией, целью которой было создание союза против Габсбургов и Польши. Переговоры увенчались успехом. К августу 1485-го Курицын вернулся домой с соответствующим договором: «взя великому князю докончание, братство и любовь». Матьяш тогда чуть ли не грозил перейти в православие, лишь бы избавиться от давления римского папы и правящих в Священной Римской империи Габсбургов. Вскоре он подписал мир с Османской империей, с которой Москва тогда тоже не враждовала. В состоянии войны с турками осталась только Молдавия, у которой османы вскоре отобрали Аккерман (ныне – Белгород-Днестровский). Именно там и был задержан Курицын, возвра-

щавшийся из Венгрии. Однако русскому послу ничего не угрожало. Новые правители региона – крымские ханы – сами искали дипломатических контактов с Москвой. Курицын и здесь оказался на передовой.

В 1489 году мы узнаем о нем как об участнике переговоров с представителем Священной Римской империи. Посол императора Фридриха III бестактно предложил Ивану III королевскую корону, на что Курицын зачитал ему от лица великого князя гневную отповедь: «Мы божию милостию государи на своей земле иззначала, от первых своих прародителей... а поставления как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». Суверенные права русского государя не требовали каких-либо иностранных подтверждений.

В том же году в Россию прибыл венгерский посол, дьяк Иван (Янош), который призвал москвичей активнее противодействовать польскому королю Казимиру IV, просил «о почине и наступе», согласно союзным обязательствам. Курицын тогда выкрутился, указав на то, что Москва в 1485 году захватила Тверь, союзником которой были поляки. Венгры всячески подталкивали Ивана III к войне с Польшей, но русские уклонялись.

В 1490 и 1492 годах Курицын участвовал в переговорах с германским послом Юрием Делатором (Giorgio della Torgo). Он же в 1492 году писал наказ посланнику в Крым Константину Заболоцкому. В 1493-м встречал эмиссара князя Конрада Мазовецкого, а в 1494 году принимал ганзейских послов Готшалька Реммелинкраде и Томаса Шрове. В тот момент Священная Римская империя подталкивала немецкое купечество к торговой войне, которая привела к серьезному кризису рынков на Балтийском море. Московские власти также провели ревизию традиционных правил ганзейской торговли в Новгороде. Был изменен порядок взвешивания, «колупания» и «наддач», что фактически ликвидировало много вековые привилегии ганзейцев.

Король Матьяш
Корвин. Хроника
Яноша Турови.
XV век

Именно эти вопросы решал тогда Курицын, именно он стал гробовщиком Русской Ганзы. Переговоры в Москве в 1495 году, которыми он руководил, привели к закрытию Немецкого подворья в Новгороде, прервав его историю, насчитывающую к тому времени более трехсот лет.

В 1497 году Курицын участвовал в переговорах с посланниками ногайского хана, а в 1500-м, судя по всему, встречал посла кафского султана (правителя Кафы – провинции Османской империи, возникшей после исчезновения княжества Феодоро в Крыму. – Прим. ред.). Также в 90-е годы XV века в его ведении находились взаимоотношения с Литвой – он многократно представлял интересы царя на таких переговорах. В марте-мае 1494 года он сопровождал князя Василия Ивановича Косого (Патрикеева) и Семена Ивановича Ряполовского, которые везли дочь Ивана III, Елену, к ее суженому – великому князю Литовскому Александру (Ягеллончику). Этот брак должен был надолго прекратить войны на востоке Европы, но прервал их едва ли на пять лет. Москва тогда интенсивно расширяла свои владения, в том числе за счет небольших удельных княжеств на западной границе. Уже в 1500 году это привело к новой войне. Но Курицын к этому уже не имел отношения. После 1500 года известия о нем исчезают.

Итак, в конце XV века Курицын фактически руководил дипломатией Московского государства. Но не только. Он сопровождал великого князя в поездках по стране, а также прикладывал руку к важнейшим актам внутреннего управления. Уже в 1488–1490 годах он визировал владельческие записи государевых детей – княжичей Ивана Молодого и Василия. Он же подписывал жалованые грамоты самого государя: например, грамоту 19 ноября 1490 года на Вымские и Вычегодские земли пермскому епископу Филофею. Согласование Курицына встречается на многих велико-княжеских документах того времени. Анализируя содержание

Немецких купцов отправляют из Новгорода в Москву. Лицевой летописный свод. XVI век

первого русского общегосударственного свода законов – Судебника 1497 года, – академик Лев Владимирович Черепнин пришел к выводу, что думный дьяк Курицын определенно участвовал в его составлении.

Всего этого достаточно, чтобы назвать его выдающимся государственным деятелем своего времени. Но это только одна из его ипостасей.

БОРЬБА С ЕРЕСЬЮ

Мы не знаем ни даты рождения Курицына, ни даты его смерти. Сведения о нем пропадают из источников после 1500 года. Впрочем, позднейшие косвенные упоминания подсказывают, что ни серьезной опале, ни репрессиям он не подвергся. Судя по всему, он до конца сохранил доверие Ивана III. При этом современники именно с Курицыным упорно связывали развитие ереси «жидовствующих», осужденной вскоре на церковном соборе.

Об этом движении сохранились противоречивые сведения. Наиболее полная версия известий представлена в сочинении преподобного Иосифа Волоцкого «Просветитель», которое он составил уже после разгрома отступников в 1502–1504 годах и дополняя позднее. Также важны послания новгородского архиепископа Геннадия, первым выявившего итакомысле.

Возникновение «секты» возводят к 1471 году, когда в Новгород из Киева прибыл некий еврей Схария, свративший вскоре в свою «ересь» некоторых местных священников. Судя по

Александр (Ягеллончик) и Елена Ивановна. Гравюра XVI века

всему, речь не шла о переходе адептов в иудаизм или об обрезании, само наименование «жидовствующий» – полемически заостренная условность, принятая современниками. Все эти «еретики» сохраняли свои статусы в русской церковной иерархии, клялись в православии, более того, нашли приверженцев при московском дворе и даже какое-то время пользовались симпатиями великого князя. Законченного религиозного учения, кажется, они не транслировали, критикуя отдельные элементы действующих практик и правил. Вольнодумство касалось церковных обрядов и богословских трудов и, скорее, было отголоском европейского гуманизма и зари протестантизма. Есть указания, что «жидовствующие» не признавали служб по умершим, поскольку праведники без того спасутся; что отказывались поклоняться иконам, кроме образа Спасителя; что отрицали монашество; что не были согласны с божественностью Христа и отвергали Святую Троицу. Геннадий полагал их близкими «месалианству», то есть манихеями, богоилами. Возможно, они склонялись к дуализму и признанию самостоятельности зла, чуть ли не равновеликого Богу.

Точно известно, что новгородские и московские «еретики» конца XV века особое внимание уделяли новомодной «научной магии» – астрологии, каббали, числовым манипуляциям, предсказаниям и прочей мистике. В «Просветителе» преподобный Иосиф писал о Схарии, что «был он орудием диавола – был он обучен всякому злодейскому изобретению: чародейству и чернокнижью, звездочетству и астрологии». Так же Геннадий отзывался о Курицыне, который оказался во главе московского кружка религиозных оппозиционеров. В ожидании конца света, который предполагался в год седьмого тысячелетия от Сотворения мира, то есть в 1491–1492

Преподобный
Иосиф
Волоцкий.
Икона XVI века

годах от РХ., такие увлечения не были редкостью.

Полагают, что в Венгрии в 1482–1484 годах Курицын мог встречаться с гуситами или слу-

шать речи сочувствующих им. Он привел тогда в Москву цепный караван иноземцев, прежде всего мастеров, которые приступили к реконструкции Кремля. В их числе, конечно, могли быть вольнодумцы. Известно, что к таковым относился спутник Курицына, некий «угрянин» Мартынка, который активно содействовал распространению «жидовства».

Первое время это движение развивалось в Новгороде, но вскоре перекинулось в столицу. В 1480 году великий князь перевел в Москву влиятельных «еретиков» – попа Дионисия, обосновавшегося при Архангельском соборе, и попа Алексея, ставшего протопопом в Успенском соборе Кремля. Они оказались в ближайшем окружении государя, привлекая к «ереси» все больше адептов, включая наследника престола, Ивана Молодого, с супругой Еленой Волошанкой.

Первым забил тревогу архиепископ Геннадий. Он буквально засыпал митрополита своими посланиями и достиг успеха. Сначала он искоренил нечестивцев в Новгороде, откуда отправил виновников в Москву, где их били «на торту кнутъем» весной 1488 года. Потом добился созыва собора. Ситуацию немного осложняла смена церковных властей. В 1489 году умер митрополит Геронтий, которого сменил Зосима. Кроме того, некоторые «еретики» не дожили до репрессий. Как писал преподобный Иосиф, «спустя немного времени после смерти Геронтия в 1489 году, ученик [ересиарха] Алексея дьякон Истома, соучастник дьявола, пес адов, был пронзен уздой Божьего гнева: гнусное сердце его, вместилище семи лукавых духов, и утроба его загнили». Обезумевший Истома «позвал к себе некоего врача, и тот, посмотрев, сказал, что болезнь его – Божий гнев, поэтому она неизлечима человеческими

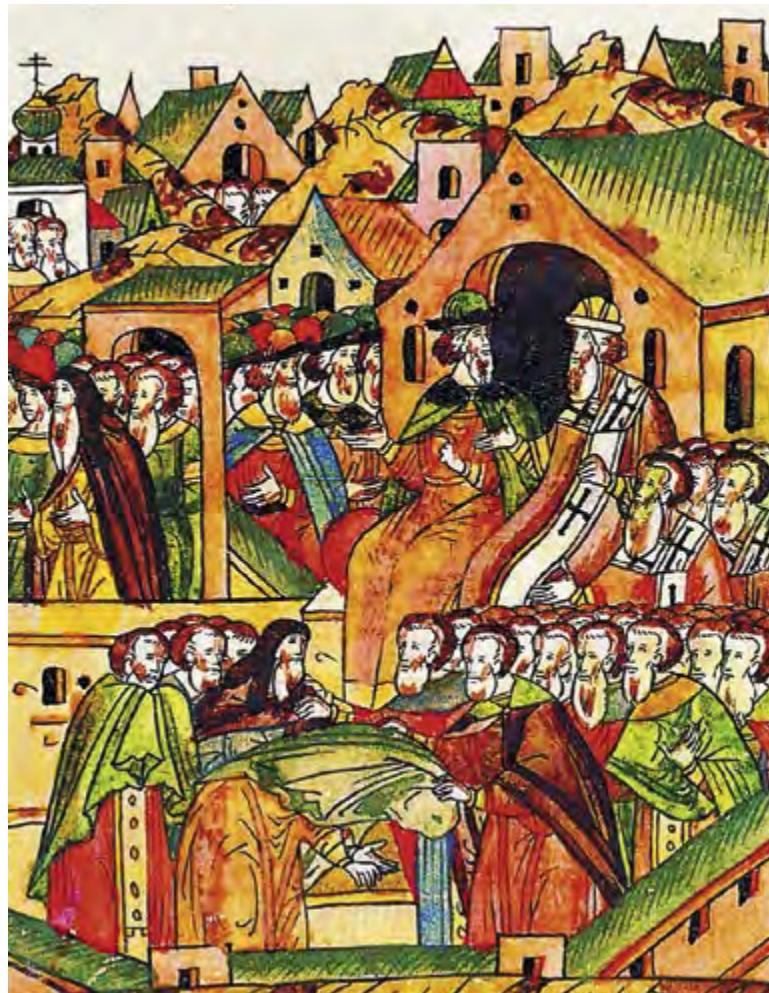
Новгородский архиепископ Геннадий. Лицевой летописный свод. XVI век

средствами». «Так в тяжелых му-
чениях Истома испустил свой
нечистый дух». Вслед за ним
протопоп Алексей, «окаянный
поборник сатаны, дикий кабан
дьявола, набежавший из поля
и опустошивший виноградник
Христов» «заболел тяжкой болезнью и был поражен мечом
Божьего суда». Он испустил дух,
отправившись «в лапы сатаны».
Именно Алексей перед смер-
тью «околдовал великого кня-
зя» ради того, чтобы «тот поста-
вил на великий святительский
престол гнусного поборника
дьявола, которого Алексей на-
поил ядом жидовства, – нечи-
стого Зосиму».

Зосима довольно быстро рассо-
рился с наиболее влиятельны-
ми борцами за благочестие – и с
Геннадием, и с Иосифом Волоц-
ким. Конфликтовал он также с
другими иерархами, а потому к
1494 году вынужден был поки-
нуть митрополичью кафедру.
Но первое время священно-
служители были едины. В октя-
бре 1490 года состоялся церков-
ный собор. «Жидовствующие»
были отлучены и прокляты, но
не казнены. Для исполнения
приговора их отправили к Ген-
надию в Новгород. Тот провел
специфический ритуал: осуж-
денные в шутовских нарядах
были посажены на коней задом
наперед «яко да зрят на запад
уготованный им огнь», посколь-
ку ад, как это и сейчас понятно,
на Западе. На головах отступ-
ников были берестяные остро-
конечные колпаки с надписью
«Се есть сатанино воинство!».
Так их провели по Новгороду
при криках толпы, поношени-
ях и надругательствах. А потом
колпаки на головах были со-
жжены. Все осужденные тогда
выжили. И это, кажется, возму-
щало Геннадия, который требо-
вал более жестких мер.

В своем послании собору в ок-
тябре 1490 года Геннадий тре-
бовал «их казнити – жечи да
вешати!». Он был убежден,
что перед ним инфернальные
«жиды» и бесноватые, один из
которых, Денис, во время ли-
тургии «за престолом плясал».

Собор 1490 года.
Лицевой
летописный
свод. XVI век

ИСПАНСКИЙ ОПЫТ

Геннадий указывал Зосиме на
иноzemные практики инкви-
зиций: «Ано фрязове по своей
вере какову крепость держат!
Сказывал ми посол цесарев про
шпанского короля, как он свою
очистил землю! И яз с тех речей
и список к тебе послал. И ты
бы, господине, великому кня-
зю о том пристойно говорил,
не токмо спасения ради его, но

и чести для государя великого
князя».

Дело в том, что летом 1490 года
через Новгород проезжал посол
«короля римского» Максимилиа-
на I (с 1508 года император Свя-
щенной Римской империи. –
Прим. ред.) Юрий Делатор,
рассказавший об успехах цер-
ковных следователей в Испа-
нии. Геннадий так восхитился,
что все записал. Этот текст, из-
вестный под названием «Речи
посла цесарева» и содержащий
подробное описание испанской
инквизиции, был отправлен ми-
трополиту и сохранился.

Делатор происходил из Гори-
ции – региона Фриули, грани-
чащего со Словенией, где насе-
ление говорит на славянском
языке. Судя по всему, Делатор
довольно хорошо изъяснялся
на языке, близком к русскому.
При этом его сопровождал мос-
ковский посол Юрий Трахани-
от – грек, знавший итальянский.

Сожжение
еретиков.
Гравюра из
«Нюрнбергской
хроники»
Х. Шеделя.
1493 год

У Геннадия не должно было быть проблем с переводом. Трибунал священной инквизиции для Испании папа Сикст IV разрешил сформировать своей буллой в 1478 году. В 1480-м были выбраны инквизиторы. В следующем году начались гонения. Первыми жертвами стали местные «жидовствующие» – обращенные в христианство иудеи (*conversos*). Был раскрыт вооруженный заговор против инквизиторов, что подстегнуло активность церковников. Костры запылали в Севилье в 1481 году. Их стали называть аутодафе – от *auto-de-fé* («акт веры»). Были вскрыты чудовищные случаи ереси и злоказненных исповеданий. Потребовалось усиление мер. В феврале 1482 года папа назначил еще семь инквизиторов для Испании, в их числе легендарного Фому де Торквемаду – доминиканца, бывшего духовника королевы Изабеллы. Были учреждены отдельные трибуналы для особенно опасных регионов с плотным населением «жидовствующих» – в Кордове и др. В 1483 году был создан совет для координации их работы. Его возглавил Торквемада, принявший титул «великий инквизитор». Основной проблемой испанских ревнителей тогда были *conversos*, которые якобы приняли христианство, но тайно сокрытия иудейства и проводили соответствующие ритуалы. Радикализация борьбы с ними закончилась в 1492 году королевским указом об изгнании евреев из Испании.

На собрании инквизиторов в Севилье в ноябре 1484 года Торквемада огласил свои 28 принципов для руководства в работе. Еретикам дали 30 дней на то, чтобы заявить о себе и покаяться. В противном случае им грозила публичная казнь и конфискация имущества. Материальный вопрос, кажется, играл не последнюю роль – испанская казна требовала пополнений. И Геннадий специально это подчеркнул в своем пересказе слов Делатора. Геннадий стремился к ужесточению мер, расширению полномочий

Фома де
Торквемада.
Литография.
Национальная
библиотека
Мадрида

Педро Берругете.
Святой Доминик
на аутодафе.
1490-е годы.
Ризница церкви
Святого Фомы
в Авиле

и привлечению светской власти на свою сторону. Вероятно, само обозначение оппонентов «жидовствующими», скрытыми иудеями, было навеяно отголосками гонений в Испании тех лет.

ГЛУБИНА ОТСТУПНИЧЕСТВА

Решения московского церковного собора 1490 года оказались мягкими, а митрополит Зосима был далек от рвения Торквемады. Многие тогда не пострадали. Никакой инквизиции на Руси не случилось.

Но Геннадий не унимался. Он писал, поучал и привлекал сторонников. Его возмущала «простота» православных, уступающих в образовательном уровне «еретикам». Он настаивал на создании специальных училищ для священников и действительно прилагал к этому усилия у себя в Новгороде. Многие в Церкви его поддерживали. В частности, волоколамский игумен Иосиф Волоцкий – святитель, наделенный искусством духовного слова. Через много лет их совместные усилия увенчались успехом. В августе-сентябре 1503 года состоялся новый собор, осудивший ересь «жидовствующих». В конце 1504 года «еретиков» казнили по испанским «лекалам». Летопись сообщает, что в декабре «князь великий Иван Васильевич и сын его князь великий Василий Иванович всея Русии, со отцем своим с Симоном митрополитом и с епископы и с всем собором,

обыскаша еретиков и повелеша лихих смертною казнью казнити: и сожгоша в клетке диака Волка Курицина, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова, декабря 27, а Некрасу Рукалову повелеша языка урезати и в Новгороде в Великом сожгоша его; тое же зимы архимандрита Касиана Юрьевского сожгоша и его брата, и иных многих еретиков сожгоша, а иных в заточенье заслаша, а иных по ма-настырем.

На костре погиб родной брат Федора Курицына Иван Волк, который также некогда занимал важные позиции в дьяческой иерархии. Самого Федора, вероятно, уже не было в живых. Впрочем, именно его уже с 80-х годов XV века открыто называли главой «еретиков». В послании собору 1490 года Геннадий писал, что Федор Курицын – «началник тем всем злодеем». Позднее преподобный Иосиф настаивал: «В то время протопоп Алексей и Федор Курицын имели такое влияние на великого князя, как никто другой. Они занимались астрономией, астрологией, ча-родейством и чернокнижием, и другими ложными учениями. Из-за этого к ним многие присоединились и погрязли в глубине отступничества».

Курицын вернулся из своей миссии в Венгрию не позднее августа 1485 года. С тех пор он входил в круг доверенных лиц Ивана III, играя там ведущую роль. Расправа над новгородской ячейкой отступников в 1490 году его никак не коснулась. Вполне возможно, что ему симпатизировала вдова Ивана Молодого Елена Волошанка – мать предполагаемого наследника престола Дмитрия Внука. Но в 1502 году ее постигла опала. Сам царь Иван позднее говорил, что к «еретичеству» его склонял именно Федор Курицын. «Того бо державный во всем послушаше», – писал в «Просветителе» Иосиф Волоцкий. Геннадий считал, что Федор приворожил великого князя, что дело не обошлось без «звездозакония».

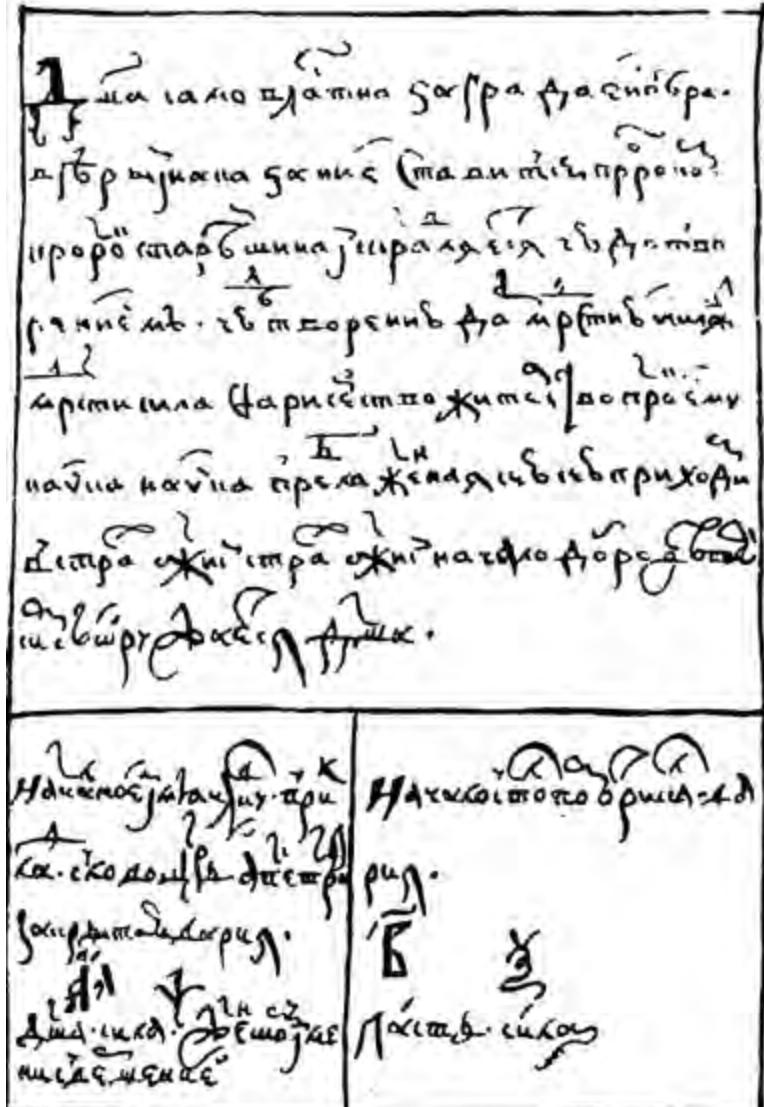
Сожжение
в Новгороде
Некраса
Рукарова.
Лицевой
летописный
свод. XVI век

стом и вечными муками. Однако ни в 1492 году, ни в последующее десятилетие конец света не наступил. Истерия пошла на убыль. Надо было строить новую жизнь. «Еретиков» сожгли. А церковники вынуждены были сами окунуться в штудии, которые некогда совратили этих интеллектуалов. Архиепископ Геннадий внимательно вычитывал опальные книги, вплоть до тех, что позднее были осуждены Стоглавым собором, – «Аристотел», «Шестокрыл» и пр. Он же погрузился в каббалистические и прочие, в том числе календарные, расчеты, которые требовалось для составления новой Пасхалии, закончившейся на 7000 году от Сотворения мира (1492). Борьба с «жидовствующими» подтолкнула Геннадия к каталогизации разрозненных текстов Священного Писания – так появился первый русский и славянский свод книг Ветхого и Нового Завета, первая русская «Геннадиевская Библия». В каком-то смысле ее крестным был Федор Курицын...

Сожжение
еретиков
в Москве
в 1504 году.
Лицевой
летописный
свод. XVI век

Фрагмент
«Лаодикийского
послания»
Ф. В. Курицына

Чудесным образом сохранился ряд сочинений Федора Курицына. Прежде всего это так называемое «Лаодикийское послание» – своеобразное мисти-

ческо-философское стихотворение. Оно начинается так:

Душа самовластна, ограда ей –
вера.

Веры указ, установлен пророком,
Который пресвитер и правит им
чудо,

А дар чудотворства возможен
сквозь мудрость.

В мудрости – сила, в быту –
фарисейство.

Пророк там наука, наука
блаженна.

Ею приходим к страху Господню.
В страхе Господне – исток
добродетели,

В которой оружье души...

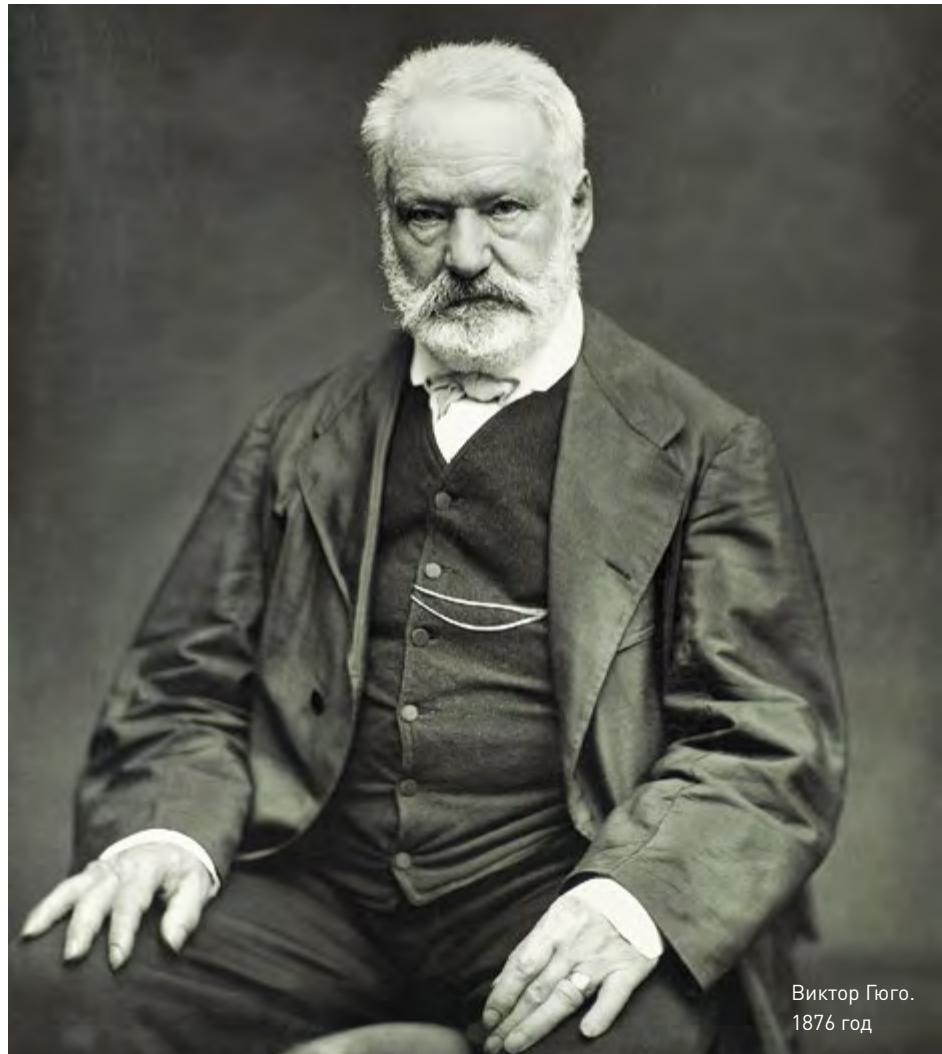
Далее текст сопровождает «литография в квадратах» – особая таблица, состоящая из двух рядов букв в алфавитном порядке с относящимися к ним комментариями, а также зашифрованная подпись

Влад Цепеш
(Дракула).
Гравюра из
Die geschicht
dracole waide.
Нюрнберг.
1488 год

автора. Как предполагают, эта «алфавитная мистика» помимо криптографического смысла содержит элементы каббали. Формально она расшифровывается как «Феодор Курицын диак», но, конечно, это только поверхностное прочтение. Духовный смысл записи до конца не выяснен.

Также имеются указания на причастность Курицына к написанию «Сказания о Дракуле воеводе» – оригинального русского памятника беллетристики конца XV века (первая копия датируется 1486 годом). В тексте есть отсылки к посещению автором Венгрии в 80-е годы XV века, а это именно посольство Курицына. Казалось бы, речь идет о собрании анекдотов о суровом правителе. Однако, повествуя о жестокостях валашского князя и сравнивая его с дьяволом, автор тем не менее приводит примеры справедливости изверга, закручивая художественный образ, за которым проступают противоречивые установки «еретика»: «Был в Мунтъянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему – дьявол. Так жесток и мудр был, что каково имя, такова была и жизнь его». Исследователи до сих пор спорят о целях создания повести о садисте. Одни считают, что речь идет о макиавелизме – оправдании правителя, руководствуемого собственной этикой. Другие видят здесь полемический пасквиль, отражение критики зверств власти имущих, которым уготована геенна огненная. В любом случае Иван III читал «Сказание» и, кажется, совсем не готов был накануне конца света отождествлять себя с «сатанинским отродьем». А Курицын определенно намекал на многогранность и самовластие личности – подобно Китоврасу, которого, согласно русской средневековой повести, спросил Соломон: «Что краше всего на свете этом?» И ответил Китоврас: «Краше всего воля своя». А потом стукнул копытами и разрушил темницу Соломонову, и умчался в края дальние, сотрясая устои небесные – исчез, растворившись в истории. ●

Виктор Гюго.
1876 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РУССКИЙ ВЗГЛЯД ВИКТОРА ГЮГО

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

ЗНАМЕНИТОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ, ПОЭТА, ДРАМАТУРГА, ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ВИКТОРА ГЮГО В РОССИИ ВСЕГДА ЛЮБИЛИ. ОН БЫЛ ПОПУЛЯРЕН У РУССКОЙ ПУБЛИКИ В XIX СТОЛЕТИИ, КОГДА ЕГО НОВИНКИ ЧИТАЛИСЬ СНАЧАЛА ПО-ФРАНЦУЗСКИ, А УЖ ПОТОМ В ПЕРЕВОДАХ. НЕ МЕНЬШЕЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ И В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. А С ПРОНИКНОВЕНИЕМ К НАМ ЖАНРА МЮЗИКЛА ЕГО «СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ» СТАЛ ВЕСЬМА МОДНЫМ РОМАНОМ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ. КАК ПОЭТА ШИРОКИЙ РОССИЙСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАЕТ ГЮГО ГОРАЗДО МЕНЬШЕ, А ВОТ ОБ ОТНОШЕНИИ ВЕЛИКОГО ЛИТЕРАТОРА К НАШЕЙ СТРАНЕ ИЗВЕСТНО РАЗВЕ ЧТО СПЕЦИАЛИСТАМ. ТАК КАК ЖЕ ОТНОСИЛСЯ ВИКТОР ГЮГО К РОССИИ, В КОТОРОЙ ЕГО ВСЕГДА ЛЮБИЛИ?

ВИКТОР ГЮГО, РОДИВШИЙСЯ 26 февраля 1802 года, был третьим сыном в семье Жозефа Леопольда Сигисбера Гюго и Софи Требюше. Его отец в 14 лет простым солдатом вступил в армию, участвовал в революционных, а потом и в Наполеоновских войнах, во время которых дослужился до генерала. Раннее детство мальчик провел в Марселе, на Корсике, на Эльбе, в Италии, Мадриде – там, где служил его отец. Но семья всегда возвращалась в Париж.

Мать Гюго, дочь судовладельца из Нанта, была убежденной роялисткой, ненавидевшей Наполеона. Именно взгляд матери на Наполеона и воспринял юный Виктор. Только после ее смерти его отношение к императору начало меняться.

Мать оказала большое влияние на становление характера мальчика. В 1813 году она разошлась с мужем и обосновалась с сыном в Париже, где Виктор в 1814 году поступил в Лицей Людовика XIV. К этому времени относится его первое впечатление о России, точнее, о казаках, которых он увидел в Париже, после того как 31 марта 1814 года русские войска во главе с императором Александром I триумфально вступили в столицу Франции. Парижане, обработанные наполеоновской пропагандой, со страхом ждали встречи с этими ужасными «варварами севера», «глатателями свечей» и «пожирателями детей». Однако, увидев русских, они испытали настоящий когнитивный диссонанс: настолько их страхи расходились с реальностью. Парижане отказывались верить, что эти красивые галантные военные, прекрасно говорящие по-французски и знающие французскую историю и литературу лучше них, являются русскими. Казаки, расположившиеся лагерем на Елисейских Полях, стали объектом всеобщего любопытства. Подросток Виктор Гюго вспоминал впоследствии,

постепенно происходит поворот в сторону романтизма. В 1825 году он пишет лирическую поэму «Два острова», в которой Наполеон предстает в образе романтического героя, а спустя два года публикует уже настоящий политический манифест – «Оду Вандомской колонне». Она стала ответом на происшествие в австрийском посольстве: четыре французских герцога, пришедшие на прием, не были представлены в соответствии с их титулами, поскольку они были получены по названиям мест, где Наполеон разгромил австрийцев. Гюго воспринял это как оскорбление, нанесенное памяти его отца. Ода вызвала огромный общественный резонанс, став гимном «несокрушимому трофею», выполненному из металла австрийских и русских пушек, захваченных Великой армией в Аустерлицком сражении.

что казаки «оказались кроткими, как агнцы». В первые годы Реставрации Париж был охвачен настоящей александроманией и модой на все русское. Это отразилось и на творчестве начинающего поэта. Вместе с братьями Абелем и Эженом в 1819–1821 годах он издает журнал «Литературный консерватор», где публикует свои стихотворения. В одном из них он обращается к истории России, создавая настоящий панегирик императору Петру Великому в духе Вольтера: «Смотрите на царя, славного своей мужественной энергией. Петр, для того чтобы просветить свои невежественные народы, спустился до их уровня, смешался с их рядами. Невзирая на свое величие, он учился сначала сам тем искусствам, которым он собирался их научить. Его видели поочередно то деспотом, то плотником, оставляющим дворец для работы на верфи, пьющим с моряками, пожимающим руки государей и обогащающим свои владения искусствами Европы». Он даже связывает с Россией надежды на обновление старой Европы: «Сегодня Франция, Англия и Россия – три европейских гиганта. После недавних потрясений в Европе каждый из этих колоссов ведет себя по-своему. Англия держит-

ся, Франция оправляется, Россия просыпается. Эта империя, еще совсем юная посреди старого континента, в этом веке растет с невероятной быстротой. Ее будущее окажет огромное влияние на наше развитие. Не исключено, что придет день, когда ее варварство придаст новый импульс нашей цивилизации».

Мать Гюго умирает в 1821-м. В этом же году на далекой Святой Елене уходит из жизни Наполеон Бонапарт. И в душе Гюго

Бивуак казаков на Елисейских Полях в Париже в 1814 году. С гравюры Г.-Э. Опика

Л. Бонна. Портрет Виктора Гюго в молодости

«ОДЫ ВИКТОРА ГУГОНА»

В России имя молодого Гюго в это время было уже известно, но популярным здесь поэт еще не был. Например, Александр Сергеевич Пушкин, зорче других присматривавшийся к европейским литературным новинкам, едва ли читал ранние оды Гюго. Одно из первых упоминаний о нем в России – заметка в «Вестнике Европы» за 1824 год «О новых одах Виктора Гугона и о поэзии романтической».

Только с конца 1820-х в России начинают ближе знакомиться с творчеством Гюго. К этому времени он – признанный лидер либерально-романтического движения во Франции, носящего не только художественный, но и общественно-политический характер. В 1829 году выходит в свет повесть «Последний день приговоренного к смерти», в которой Гюго выступает против смертной казни. Она произвела особое впечатление на русского читателя, возможно, и потому, что в обществе еще были живы воспоминания о казни декабристов. Но особый успех в России

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

имел роман «Собор Парижской Богоматери», опубликованный в 1831 году на волне дискуссии французов о том, как поступить с ветшавшим Нотр-Дам де Пари – снести или перестроить? Именно успех романа склонил чашу весов в пользу сохранения собора.

Между тем во Франции в это время уже действует новый режим – либеральная Июльская монархия, возникшая в ходе Июльской революции 1830 года. Российский император Николай I, предотвративший короля Карла X об опасности нарушения конституции, был готов с оружием в руках защищать свергнутый легитимный режим своего венценосного собрата.

Под влиянием событий Июльской революции вспыхивает восстание в Польше. Именно жесткая реакция императора Николая Павловича на Июльскую революцию, а потом и подавление Россией Польского восстания превращают империю в пугало для европейских либералов и радикалов всех мастей. Для среднестатистического француза поддержать восстание в Польше и благоприятствовать развитию демократической идеи в своей стране – одно и то же. И чем большей мученицей казалась Польша, тем большей мучительницей выглядела в глазах европейцев Россия, особенно если они смотрели на это сквозь «оптику» романтизма, для философии которого характерны преувеличения, склонность к черно-белым оценкам, а также восприятие истории как извечной борьбы Добра и Зла.

Как и многие французы, романтик Гюго исполнен сострадания к Польше и ненависти к самодержавной России. Это проявляется в стихах, посвященных наполеоновской легенде, и в сборнике *Les feuilles d'automne* («Осенние листья»), увидевшем свет в 1831 году. В стихотворении *Sous un ciel inclément, sous un rois meurtrier* («Под хмурым небом, под властью короля

В. Гюго. Собор
Парижской
Богоматери.
Титульный лист
первого,
1831 года
издания

РУССКАЯ ЭКЗОТИКА

Конечно, это не значит, что на любого русского Гюго смотрел как на варвара. Тем более что эти самые «варвары севера», стоило им оказаться в Париже (при Николае I это было непросто: император опасался, что его подданные поддадутся, по словам шефа Третьего отделения, графа Бенкендорфа, «гледевому влиянию Запада»). – **Прим. авт.** – стремились увидеть своего кумира. Как, например, приехавший в Париж в 1835 году Василий Петрович Боткин, будущий друг Белинского, Огарева, Бакунина, Тургенева. Восторженный поклонник романа Гюго, он взобрался на Нотр-Дам с томиком в руках, а потом, выяснив адрес писателя, попросил его о встрече. Прием в квартире на красивой площади Вогезов, к которому Боткин готовился как к паломничеству, оказался кратким и официальным. Боткин увидел перед собой человека «невысокого роста, с полным, здоровым лицом, волосами, почти белокурыми, лежащими просто. Он стал извиняться, просить меня войти в гостиную и подождать, пока кончится обед... Первым вопросом его было, дозволены ли его сочинения в России? Потом поинтересовался он знать, с какой точки смотрят у нас на «Notre-Dame de Paris», спрашивал о народной нашей поэзии. Я говорил ему о народных песнях наших, старался объяснить характер их, о бродячих семьях наших цыган, их странном быте. Последнее, казалось, очень занимало его. Вообще он дает России высокую поэтическую будущность. Не более получаса длился наш разговор». Гюго был вежлив, но не более того. Рассказы же о русском народе и народных обычаях французов не особо интересовали.

Когда в 1837 году французский граф Поль де Жюльвекур, несколько лет проживший в России и женившийся на русской, опубликовал сборник русских народных песен и стихотворений под названием «Балалайка», Боткин, будущий друг Белинского, Огарева, Бакунина, Тургенева, восторженный поклонник романа Гюго, он взобрался на Нотр-Дам с томиком в руках, а потом, выяснив адрес писателя, попросил его о встрече. Прием в квартире на красивой площади Вогезов, к которому Боткин готовился как к паломничеству, оказался кратким и официальным. Боткин увидел перед собой человека «невысокого роста, с полным, здоровым лицом, волосами, почти белокурыми, лежащими просто. Он стал извиняться, просить меня войти в гостиную и подождать, пока кончится обед... Первым вопросом его было, дозволены ли его сочинения в России? Потом поинтересовался он знать, с какой точки смотрят у нас на «Notre-Dame de Paris», спрашивал о народной нашей поэзии. Я говорил ему о народных песнях наших, старался объяснить характер их, о бродячих семьях наших цыган, их странном быте. Последнее, казалось, очень занимало его. Вообще он дает России высокую поэтическую будущность. Не более получаса длился наш разговор». Гюго был вежлив, но не более того. Рассказы же о русском народе и народных обычаях французов не особо интересовали.

Василий
Петрович Боткин
(1812–1869),
литератор,
публицист
и критик

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ка», книга не вызвала большого интереса. Да и в целом какого-то пристального внимания к русской литературе во Франции в это время не было, хотя Эмиль Дюпре де Сен-Мор (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2022 год, статья «Я живу среди варваров севера...» – Прим. ред.) еще в 1823 году опубликовал первую на французском языке антологию современной русской литературы и первым познакомил французского читателя с творчеством Пушкина. Только в середине века популярность русской литературы начинает возрастать, и связано это будет прежде всего с именем Ивана Сергеевича Тургенева.

Для Гюго Россия и «русская тема» были «экзотикой», близкой всякому романтическому сердцу, точно так же как «экзотическая тема путешествия» была почти обязательной для французского романа эпохи романтизма. Об экзотичности и загадочности России очень точно высказался Федор Михайлович Достоевский в 1861 году: «Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Для Европы Россия – одна из загадок Сфинкса. В этом отношении даже Луна теперь исследована гораздо подробнее, чем Россия».

ПРЕПОДАВАНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«РЕЙН»

Но вернемся к политическим воззрениям Гюго. В конце 1830-х годов Европа была взбудоражена событиями Восточного кризиса: конфликт между турецким султаном и пашой Египта решался за столом переговоров в Лондоне. Восточный кризис спровоцировал резкую напряженность во франко-российских отношениях: Лондонская конвенция 15 июля 1840 года была

Виктор Гюго.
Гравированный
портрет 1830-х
годов

В. Гюго. Рейн.
Факсимиле
рукописи
с рисунком
Райхенберга.
1838 год

подписана без участия Франции (по ее собственной вине), но французы обвиняли в этом Россию. Кроме того, Восточный кризис спровоцировал во Франции широкое движение за отмену ненавистной французам Венской системы и возродил надежды на «естественную границу» Франции по Рейну. Это привело к Рейнскому кризису – напряженности во франко-немецких отношениях. И вот в разгар кризиса, в июле 1841 года, Виктор Гюго откликнулся на эти события публицистической работой «Рейн». Но он проявил себя сторонником союза с германскими государствами, а главную угрозу видел в растущем могуществе Великобритании и России.

Франция и Германия, по его мнению, составляют суть цивилизации. Германия – сердце, Франция – голова; Германия чувствует, Франция мыслит, и всё вместе это составляет цивилизацию. Именно в союзе двух стран он видел защиту от угрозы со стороны России и Великобритании, занявших, по его мнению, лидирующее положение в Европе вместо Османской империи и Испании. При этом если Англия, по словам Гюго, совсем непохожа на Испанию, то Россия на Турцию очень похожа. По его мнению, Россия – это Азия, варварство и деспотизм.

В этой работе писатель поднимает модную тогда (да и сейчас) тему «русской угрозы», подчеркивая, что Россия, которая страшит своими размерами, опасна еще и тем, что может поставить под ружье армию в 1 миллион 100 тысяч человек. Россия в ходе Русско-турецкой войны уже оказалась в Адрианополе, а когда она вернется туда снова, то дойдет до Константинополя. Как видим, Гюго развивает тему Константинополя как заветной мечты русских государей, хотя русские правители к тому времени уже давно отказались от этой идеи Екатерины Великой.

ПРЕПОДАВАНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РОССИЯ – НАСЛЕДНИЦА МОСКОВИИ

Завершает свою работу Гюго наброском истории России, прежде всего Московской Руси, транслируя все известные стереотипы: страна, расположенная на севере, в сумерках вечной зимы, управлялась великим князем, который на половину бог, на половину государь и в целом напоминал правителя из «Сказок тысячи и одной ночи». Скорее азиат, чем европеец, персонаж больше сказочный, чем реальный, он царствовал в огромной стране, периодически разоряемой набегами татар. В Европе о Московии ничего не знали и отправляли туда своих дипломатов, скорее, из любопытства. Те же, кто оказывался в Московии, были поражены богатством княжеской короны (она богаче, чем короны четырех европейских государей, вместе взятых) и его облачения, усыпанного бриллиантами, рубинами, изумрудами и другими драгоценными камнями размером с орех. Власть его была безгранична, хотя относительно его могущества в Европе располагали только приблизительными сведениями. Далее Гюго описывает современную ему Россию, и только перечисление географических названий занимает у него почти страницу. Он сообщает, что в России есть две столицы. Первая, Санкт-Петербург, представляет Европу, а Москва – Азию. Тот, кто когда-то был великим князем Московским, сейчас является российским императором. Шаг за шагом Московское государство становилось все больше и больше похожим на Европу, иначе говоря, на цивилизацию. Однако Европа всегда помнит, что быть похожим на европейца не значит стать им.

Итак, Россия – наследница Московии; российский император – наследник московского князя, пусть он и не носит расширенный драгоценностями кафтан, но так и остался азиат-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Виктор Гюго
в Брюсселе.
1867 год

том, а Россия – варварским despoticным государством. Она может лишь имитировать европейскую культуру и цивилизацию, но подлинно цивилизованной страной не станет. И это государство постоянно стремится к агрессии. Россия уже значительно укрепила свои позиции на Востоке и теперь жаждет мировой гегемонии – таковы выводы литератора.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка
альманаха
«Полярная
звезда».
Август 1855 года

НАПОЛЕОН III И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В 1840-е годы Гюго активно занимается политикой. В 1845-м он получает от короля Луи-Филиппа звание пэра и защищает в палате пэров интересы Польши. Но недолго: в феврале 1848 года в Париже происходит очередная революция, удивившая короля Луи-Филиппа: по легенде, он заявил, что французы не устраивают революции зимой. Однако карьера Гюго-политика не прервалась: он был избран в Учредительное собрание, а в 1849 году – в Законодательное собрание, превратившись из умеренного либерала в крайнего республиканца и оказавшись в оппозиции принцу Луи-Наполеону, избранному президентом республики. Гюго, создатель культа Наполеона I, стоял и у истоков антикульта его племянника.

Он был противником государственного переворота 2 декабря 1851 года; сражался на баррикадах и с трудом спасся бегством в Бельгию, откуда его вскоре изгнали. Тогда он переселился на остров Джерси (входит в группу Нормандских островов). В изгнании помимо прочего Гюго пишет памфлеты в стихах и прозе не только против Наполеона III, но и против России.

В конце 1853 года, празднуя на свой лад 23-ю годовщину Польского восстания, Гюго возобновил свои инвективы против императора Николая: «Есть в Европе человек, который давит на нее, который в целом есть правитель духовный, владыка земной, деспот, самодержец, строгий в казарме, смиренный в монастыре, раб устава и догмы, и который приводит в движение, чтобы подавить свободы континента, империю, мощью в шестьдесят миллионов человек < ... > Он царствует в Берлине, Мюнхене, Дрездене, в Штутгарте, в Вене, как и в Санкт-Петербурге; у него душа австрийского императора и воля короля Пруссии; старая Германия всего лишь его

Воззвание Гюго
к русскому
войску
на страницах
«Колокола».
1863 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

прицеп < ... > Он держит в своих руках крест, который превращается в меч, и скипетр, который превращается в кнут». Гюго в целом полагал, что все закончится всеобщей революцией и из войны выйдет «конфедерация единых народов. Европа казаков породит Европу республиканскую».

Когда колония французских «изгнанников» была выселена английским губернатором острова Джерси, Гюго обосновался на острове Гернси. Там он создает вокруг себя ореол страдальца и мученика. Чувствуя себя пророком, он был готов пророчествовать и благословлять всех, кто обращался к нему за помощью.

Это было время Крымской войны, во время которой Франция и Россия были противниками. Обвинения России в экспансионизме, стремлении подчинить Константинополь, образы ужасных казаков и колонн марширующих медведей – всем этим было наполнено европейское информационное пространство. Однако война окончилась. До Гюго доходят «голоса из России», ставшей на путь реформ, он ищет повод выразить свое одобрение «молодой России», протянуть ей руку помощи. Посредником между ним и Россией становится Александр Иванович Герцен, начало переписки с которым относится к середине 1850-х годов.

«Русскими знакомыми» «пророка в изгнании» были эмигранты, группировавшиеся вокруг «Полярной звезды» и «Колокола». Под их влиянием формировался его взгляд на Россию. Герцен пригласил Гюго к сотрудничеству в «Полярной звезде» (аналогичные приглашения получили Мадзини, Луи Блан, Прудон, Мишле), и Гюго согласился.

Александр
Иванович
Герцен.
Париж. 1860-е
годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«НЕКТО ИЗ РУССКОЙ АРМИИ»

В январе 1863 года в Варшаве вспыхнуло антирусское восстание. Спустя некоторое время «некто из русской армии» обратился к Гюго с просьбой написать воззвание к русским военным. 15 февраля в герценовском «Колоколе» появилось воззвание Гюго к русскому войску с призывами не сражаться с поляками. Вот этот текст: «Солдаты, будьте людьми. Слава эта представляется вам теперь, воспользуйтесь ею. Если вы продолжите эту дикую войну; если вы, офицеры, имеющие благородное сердце, но подчиненные произволу, который может лишить вас звания и сослать в Сибирь; если вы, солдаты, крепостные вчера, рабы сегодня, невольно оторванные от ваших матерей, невест, сестер, вы, телесно наказываемые, дурно содержимые, осужденные на долгие годы военной службы, которая в России хуже каторги других стран, – если вы, сами жертвы, пойдете против жертв, если вы в тот торжественный час, когда скорбящая Польша восстает, когда еще есть время выбора между Петербургом и Варшавой, между самовластием и свободой; если при этом роковом столкновении вы не исполните единого долга, лежащего на вас, долга братства, если вы пойдете с царем против поляков, если вы станете за них и за вашего палача; если вы в вашем рабстве научились только тому, чтобы поддерживать притеснителя; если вы, имеющие оружие в руках, отдаете его на службу чудовищному деспотизму, давящему русских так же, как поляков; если вы, вместо того чтобы обернуться против палачей, подавите числом и превосходством средств героическое народонаселение, выведенное из терпения, заявляющее свое святое право на отечество; если в XIX столетии вы зарежете Польшу, если вы сделаете это, – знайте, люди войска русского, что вы падете ниже вооруженных ватаг Южной Америки и возбудите отвращение всего образованного

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мира. Преступления силы остаются преступлениями, и общественное отвращение – уголовное наказание их. Воины русские, вдохновитесь поляками, не сражайтесь с ними. Перед вами в Польше не неприятель – а пример. Готвиль-Хаус, февраля 1863. Виктор Гюго». Одновременно с «Колоколом» возвзвание появилось во французской печати, в частности в газете *La Presse*. Что касается персоны, прятавшейся за словами «некто из русской армии», то французские исследователи полагают, что это был сам Герцен. Перед нами устойчивый набор стереотипов о Сибири, рабстве, крепостничестве, самовластии, деспотизме. В то же время возвзвание Гюго вряд ли можно рассматривать как образец политической пропаганды. Оно ориентировано больше на офицерскую элиту, чем на солдат. Риторику Гюго может воспринимать, скорее, образованный человек оппозиционных взглядов, привычный к напыщенному красноречию. Гюго – к этому времени восторженный поклонник Наполеона Бонапарта, опубликовавший в 1862 году «Отверженных», где несколько глав посвящено Ватерлоо, – явно не дотягивает до наполеоновского пропагандистского мастерства. В России по цензурным соображениям роман Гюго был запрещен, хотя в нашей стране его читали по-французски, привозя экземпляры из-за границы.

ОПАСНЫЕ РУССКИЕ СВЯЗИ

Виктор Гюго и в последующие годы поддерживал связи с русскими революционерами, оказывая им содействие. Например, к началу 1880-х годов относятся несколько выступлений Гюго в защиту русских революционеров. Одно из них связано с делом Льва Гартмана. 19 ноября 1879 года была совершена попытка покушения на императора Александра II: террористы заминировали железнодорожное полотно, однако вместо поезда, в котором из Крыма возвращалась царская семья, был взорван состав, в котором ехала свита. Гартману – одному из организаторов теракта – удалось сбежать в Париж. Когда об этом стало известно в российском посольстве, князь Николай Алексеевич Орлов потребовал его ареста и выдачи российским властям. Гартман

Покушение
на поезд
императора
Александра II
19 ноября
1879 года

был арестован, однако русские эмигранты развернули активную кампанию против его выдачи. К ней подключился и Виктор Гюго. В радикальных изданиях было опубликовано его обращение «К французскому правительству», датированное 27 февраля 1880 года и тут же перепечатанное во многих газетах Европы и Америки. В нем говорилось: «Вы – правительство лояльное. Вы не можете выдать этого человека, между вами и им – закон, а над законом существует право. Деспотизм и нигилизм – это два чудовищных вида одного и того же действия, действия политического. Законы о выдаче останавливаются перед политическими действиями. Всеми народами закон этот блюдется. И Франция его соблюдет. Вы не выдадите этого человека. Виктор Гюго».

Под давлением общественного мнения французское правительство склонилось в пользу Гартмана. Он был освобожден 7 марта и отправлен в Дьепп, откуда перебрался в Лондон. Вскоре в радикальных парижских изданиях под заголовком «Врагам выдачи» появилось открытое письмо русских эмигрантов-революционеров, посвященное французам, которые поддерживали и защищали Гартмана, в том числе и Гюго. Последний также опубликовал в газетах письмо к президенту Французской Республики Жюлю Греви с поздравлениями по поводу принятого французским правительством решения.

Спустя год русские эмигранты обращались к Гюго за содействием в деле Геси Гельфман, арестованной через два дня после смертельного покушения на императора Александра II 1 марта 1881 года. Она была приговорена к смертной казни через повешение, однако исполнение приговора отложили из-за ее беременности. Неизвестно, дошла ли просьба до Гюго, но сам факт обращения к нему показателен.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Геся Мировна
(Мееровна)
Гельфман
(1855–1882),
российская
революционерка,
участница
покушения
на Александра II

тизма, и против нигилизма. И то, и другое – зло. Он вновь возвращается к теме борьбы за отмену смертной казни, которую он поднял еще в 1829 году. Что характерно: русскими революционерами это воззвание было воспринято как «живое произведение», свидетельствующее «о все прогрессирующем падении гения писателя».

Император Александр III согласился помиловать пять человек. Когда это известие по телеграфу было передано Гюго, находившемуся на банкете, он встал и произнес тост: «Пью за царя, который помиловал пять осужденных на смерть и который помилует и остальных пятерых...»

СМЕРТЬ «ПОЭТА-СОЛНЦА»

Виктор Гюго умер в пятницу 22 мая 1885 года. На его смерть откликнулись десятки русских журналов и газет. В Париже же смерть «поэта-солнца», как его называли, превратилась в настоящую политическую манифестацию. Проводить Гюго в последний путь вышло около миллиона человек. За 45 лет до этого парижане впервые увидели общенациональную церемонию такого масштаба: этим самым путем по Елисейским Полям через Триумфальную арку проследовал катафалк с гробом императора Наполеона Бонапарта. Когда-то Гюго был ее свидетелем и летописцем, а теперь в последний путь по Елисейским Полям провожали его. Виктор Гюго, великий поэт и писатель-романтик, защитник слабых и угнетенных, симпатизировал и российским «борцам с режимом». Однако, как истинный гуманист, солидаризироваться с террористами он не желал, считая деспотизм и нигилизм силами тьмы. Наверное, именно это стремление к справедливости, милосердию, состраданию и чувствуют русские читатели романов Виктора Гюго. Ведь Козетта, Гаврош и Жан Вальжан по сей день остаются нашими любимыми героями...

В 1882 году Гюго возвысил свой голос в связи с «процессом двадцати» народовольцев, из которых десять человек были приговорены к смерти. В марте того же года Гюго опубликовал открытое письмо-протест под названием «Крик Виктора Гюго», тут же переведенное на русский язык: «Происходят деяния, странные по новизне своей! Деспотизм и нигилизм продолжают свою войну, разнужданную войну зла против зла, поединок тьмы. По временам взрыв раздирает эту тьму; на момент наступа-

ет свет, день среди ночи. Это ужасно! Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами беспредельная тьма; среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!) обречены смерти, и десять других должен поглотить русский склеп – Сибирь. Зачем? Зачем эта травля?.. Я прошу милосердия для народа у императора! Я прошу у бога милосердия для императора».

В этих строках Гюго предстает как гуманист, выступающий одновременно и против деспо-

Виктор Гюго.
Март 1868 года

Похороны
Виктора Гюго.
1 июня 1885 года

«ВАС ИЗДАДУТ, И ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ К ЭТОМУ ГОТОВЫ!»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ПИСАТЕЛЬ, ОБРЕТАЮЩИЙ СВОЕГО ЧИТАТЕЛЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ, – ИСТОРИЯ КУДА МЕНЕЕ РАСПРОСТРАНЕННАЯ, ЧЕМ ПРИНЯТО СЧИТАТЬ. СКОРЕЕ, ЭТО МИФ, УТЕШАЮЩИЙ НЕУДАЧЛИВЫХ ЛИТЕРАТОРОВ. НО С СЕРГЕЕМ ДОВЛАТОВЫМ СЛУЧИЛОСЬ ИМЕННО ТАК. К СВОЕЙ ПОДЛИННОЙ АУДИТОРИИ, К РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ, ОН ШЕЛ ДОЛГО И, КАЖЕТСЯ, ВПОЛНЕ УВЕРИЛСЯ НЕ ТОЛЬКО В ТОМ, ЧТО ВСТРЕЧЕ ЭТОЙ НЕ СУЖДЕНО СЛУЧИТЬСЯ, НО И В ТОМ, ЧТО ОН ЕЕ НЕ ОЧЕНЬ-ТО ДОСТОИН. ДУМАЕТСЯ, ОН ВПОЛНЕ СМИРИЛСЯ С УЧАСТЬЮ СРЕДНЕГО «АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ». СКАЖИ ЕМУ, КАКОЙ ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ ЖДЕТ ЕГО В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ, ОН БЫ ПОПРОСТУ НЕ ПОВЕРИЛ.

БИОГРАФИЯ СЕРГЕЯ Довлатова, естественно, важна, но при этом условна. Важна, потому что она – его литературный материал. Условна, потому что писатель обошелся с этим материалом как увлеченный художник – весьма вольно. Писать о жизни этого человека в стиле «родился, учился, женился» труд

не только бессмысленный, но и неблагодарный. Только начни – читатели тут же начнут поправлять. Ведь поправляли самого писателя! Квазибиографическая проза Довлатова провоцирует записать автора чуть ли не в родственники. Что ж, отметим факты, не подлежащие сомнению. Сергей Донатович Довлатов родился 3 сен-

тября 1941 года в Уфе в семье театрального режиссера Дона Мечика и актрисы Норы Довлатовой (Довлатян), эвакуированных из Ленинграда. Нет, очень трудно писать о фактах. Уже с Уфой связан один интересный, но, конечно, художественный случай. В это время в городе жил с семьей Андрей Платонов. И вот будто бы как-то раз он по-встречал на улице Нору Довлатову, гуляющую с коляской. Будущий писатель безмятежно посапывал и не догадывался о том, какой след оставит в его творческой биографии эта встреча. Автор «Котлована», увидев младенца, так растрогался, что хотел его ущипнуть. Неправдоподобно? Ну и что! В «Невидимой книге» Сергей Довлатов оставит по этому поводу такой комментарий: «Было ли все так на самом деле? Да разве это важно?! Думаю, обойдемся без нотариуса. Моя душа требует этой встречи».

В 1944 году семья вернулась из эвакуации в Ленинград. В 1959-м Довлатов поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Во время учебы познакомился с поэтами

Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Иосифом Бродским, писателем Сергеем Вольфом. В 1961-м будущий писатель был исключен из университета за неуспеваемость. Затем три года служил во внутренних войсках – в охране исправительных колоний в Коми АССР. Здесь была создана первая рукопись повести «Зона». Автор интерпретировал начало своего творческого пути через параллели с Бабелем, Горьким и Хемингуэем, признаваясь, что он, как и эти художники, «начал с бытописания изнанки жизни». Эти первые опыты, впрочем, дойдут до читателя много позже, сильно переработанные, а сама история их публикации тоже станет частью произведения.

Вернувшись в Ленинград, Довлатов поступил на факультет журналистики в ЛГУ, сотрудничал с многотиражкой Ленинградского кораблестроительного института «За кадры верфям» и газетой «Знамя прогресса» ЛОМО. Естественно, писал рассказы и с конца 1960-х годов носил их по редакциям, пытаясь встроиться в творческую среду.

Что представляла собой эта среда? «Оттепель» миновала, Синявский и Даниэль разоблачены и отправлены в лагерь, Евтушенко за реакцию на вторжение советских войск в Чехословакию объявлен жертвой влияния идеологических противников, рас-

тет диссидентское движение. Культура расслаивается на официальную и подпольную, активно развиваются самиздат и тамиздат. Известный анекдот того времени: женщина просит подругу перепечатать на машинке «Войну и мир». На вопрос зачем отвечает, что дочка не читает ничего, кроме самиздата.

В этих условиях невозможно было опубликовать не только рассказы о лагере, сложно было в принципе заявить о себе начинающему писателю, если он не умел лавировать между официозом и собственными убеждениями. У Довлатова плохо было и с тем, и с другим, он не только не мог подстроиться, ему было не с чем подстраиваться: по меркам брежневского времени он был чудовищно безыдеен и чрезмерно автономен – про него решительно ничего нельзя было понять.

Молодость – время надежд. Сергей Довлатов, хоть никогда и не был отчаянным оптимистом, тоже хотел верить в удачу

Нора Сергеевна Довлатова пожертвовала ради сына театральной карьерой

Официальная культура Довлатова не принимала, из редакций он получал лишь благожелательные отказы. К диссидентскому течению писатель относился неоднозначно. В конце 1960-х он, правда, примкнул к умеренно фронтирующей группе «Горожане», представители которой, как можно догадаться, помимо прочего хотели составить оппозицию крепнущей плеяде писателей-деревенщиков. Впрочем, присоединился к ним Довлатов поздно, по собственным признаниям, он вообще везде опаздывал.

В 1968 году Сергей Довлатов успешно выступил в Доме писателя на «Вечере творческой молодежи Ленинграда». Однако и это не стало для него пропуском в большую литературу. За два года после творческого вечера он смог опубликовать лишь два рассказа в «Крокодиле». Один из них, «Когда-то мы жили в горах», вызвал бурное негодование армянских трудовых коллективов и общественных организаций и тоже не способствовал развитию литературной карьеры. В «Авроре», «Знамени» и «Звезде» Довлатову удавалось изредка публиковать рецензии и очерки. Он ждал большего.

Развитие, однако, получало лишь внутренний конфликт. Писателю важно было сохранить свою индивидуальность, и в то же время он желал признания. В повести «Ремесло» этот конфликт проявляется в небольшом диалоге автора с Даниилом Граниным: «– Неплохо, – повторял Даниил Александрович, листая мою рукопись, – неплохо... Только все это не для печати.

Я говорю:

– Может быть. Я не знаю, где советские писатели черпают темы. Все кругом не для печати...

Гринин сказал:

– Вы преувеличиваете. Литератор должен публиковаться. Разумеется, не в ущерб своему таланту. Есть такая щель между совестью и подлостью. В эту щель необходимо проникнуть». Кажется, это внутренний диалог самого Сергея Довлатова.

КОМПРОМИСС

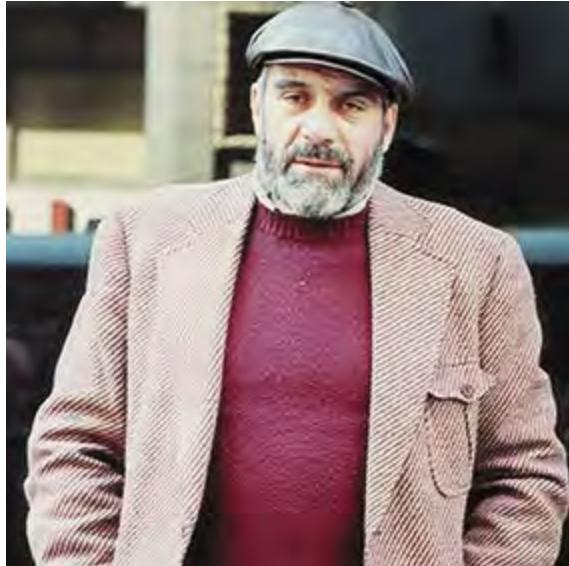
В 1972-м, так и не дождавшись перемен, накопив разочарования и долги, Довлатов отправляется в Таллин. Почему туда? Сам писатель объяснял: «Разумные мотивы отсутствовали. Была по-путная машина. Дела мои зашли в тупик». Пожалуй, со стороны Довлатова это была такая уступка судьбе. Ладно, дескать, начнем сначала и, может быть... В общем, компромисс. Повесть под таким названием и стала итогом трехлетнего эстонского периода в биографии писателя.

«Компромисс» – слово многозначное. С одной стороны, это соглашение на основе взаимных уступок ради общего же блага.

С другой – проявление конформизма, а в среде русской интеллигенции, по выражению писательницы Нины Берберовой, порой даже «мелкая подлость». Довлатов, как человек мятущейся натуры, всегда неустроенный, стремился к равновесию и хотел понимать компромисс, как понимают его натуры здоровые, цельные, а совсем не как русские расколотые интеллигенты. Он согласился начать сначала, пройти еще раз этот скучный, но необходимый путь советского художника к признанию. И вот сначала он – внештатный корреспондент нескольких газет (необходимо было обрасти в чужом городе хоть какими-то связями), потом – постоянный сотрудник «Советской Эстонии» и, наконец, автор готовящейся к печати книги.

Ожидания его почти оправдались. Уже был подписан договор с издательством, сборник рассказов прошел вторую корректуру. Но в последний момент все расстроилось. Компромисса не получилось – оказалось, опять была игра лишь в одни ворота. И ладно бы игра была захватывающей, а то ведь была лишь череда каких-то абсурдно-суетливых действий. Так, кажется, чувствовал сам Довлатов. По крайней мере, именно такое мироощущение передает сборник таллинских новелл.

Взять хотя бы одну из глав – «Компромисс первый». Автор-рассказ-

С годами жизнь
Довлатова
как будто
налаживалась,
он и выглядел
ярче, эффектнее,
а вот взгляд
становился
печальнее

чик готовит крохотную заметку о международной научной конференции, перечисляет участвующие в ней государства. И тут, словно буря в стакане, разыгрывается комедия. Редактор обвиняет героя в идеологической несознательности, поскольку тот по наивности перечисляет страны в алфавитном порядке!

«– Это же внеклассовый подход, – застонал Турунок, – существует железная очередность. Демократические страны – вперед! Затем – нейтральные государства. И, наконец, – участники блока...

Я переписал информацию, отдал в секретариат. Назавтра прибегает Турунок:

– Вы надо мной издеваетесь! Вы это умышленно проделываете?!

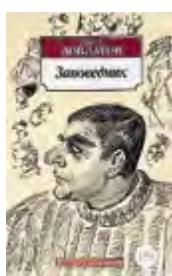
– Что такое?

– Вы перепутали страны народной демократии. У вас ГДР после Венгрии. Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово! Вы работник партийной газеты. Венгрию – на третье место! Там был путч.

– А с Германией была война.

– Не спорьте! Зачем вы спорите?! Это другая Германия, другая! Не понимаю, кто вам доверил?! Политическая близорукость! Нравственный инфаркт! Будем ставить вопрос...».

И весь сборник состоит из таких вот «компромиссов» – странных случаев, смешных и грустных одновременно. Однажды

Повесть
Довлатова
«Заповедник» –
это карикатура,
написанная
с необычайным
лиризмом

автору поручают сделать репортаж о юбилейном младенце – 400-тысячном жителе Таллина. Но миссия кажется невыполнимой, редактор отбраковывает детей одного за другим: то отец эфиоп, то семья слишком интеллигентная. Когда наконец рождается «подходящий» ребенок в «нормальной пролетарской семье», рассказчик должен решить новую задачу: убедить родителей назвать сына Лембитом. На бесконечные «компромиссы» идут и новые знакомые рассказчика. Один ради работы в штате сочиняет интервью, которого не было: в тексте капитан западно-германского торгового судна восхищается свободной жизнью советского человека, в реальности им оказывается беглый эстонец. Другая ищет для новой рубрики интересных людей, живущих «многоплановой жизнью», но все герои никуда не годятся: один морально неустойчив и похож на диссidenta, второй идеологически стоек, но – подлец. Порой от этого всего хочется сбежать. Но не спасти от этой пошлой действительности даже в котельной – там сплошные дзен-буддисты и метафизики. Довлатов описывает феномен раздвоенности жизни, но не дает однозначных оценок, он искренне не хочет быть ни диссидентом, ни типичным советским функционером. Он всего лишь хочет найти свою дорогу к читателю.

Тираж уже набранного романа «Пять углов» уничтожает КГБ. Почему? Нипочему. Так совпало. Якобы издание книги сорвалось из-за того, что в органы попала рукопись «Зоны» – Довлатов дал ее почитать знакомому, а к тому нагрянули с обыском совсем по другому поводу, но изъяли все. «Зона» действительно фигурировала в этом деле как некий катализатор, но парадокс состоял в том, что ее рукопись свободно перемещалась по ленинградским редакциям, и Довлатов даже получил на нее несколько благожелательных откликов. А тут, в Таллине, который казался чуть более демократичным,

Спустя годы
дом в деревне
Березино
выглядит
чуть лучше,
чем во
времена, когда
Довлатов жил
в нем, работая
в Пушкинских
Горах

рукопись из КГБ передали в редакцию «Советской Эстонии», там устроили над писателем общественный суд, вынудили уволиться.

Это был крах. Жизнь, сделав виток, вернулась в исходную точку. Опять внутренний разлад, водка, долги, запутанная личная жизнь (жены, дочери, алименты). Опять нужно было что-то делать.

В 1975 году Довлатов вернулся в Ленинград и устроился работать в журнал «Костер». Детская литература была пристанищем для многих, кто из-за различных препон не мог заявить о себе во взрослой.

ЗАПОВЕДНИК

А летом 1976 и 1977 годов Довлатов едет в Пушкинские Горы. Формально едет работать экскурсоводом, чтобы поправить дела материальные – в сезон гидам хорошо платили. Но, по сути, это новое бегство от себя самого. Потерпев очередную неудачу, писатель поддается соблазну искать утешение в идее, что истинному художнику не так уж нужно внешнее признание, что оно, быть может, даже вредно. Многие до него уже ходили этими извилистыми тропами, пытались отгородить в своей душе заповедный уголок, этакий эдем непризнанного гения.

«Заповедник» – такое название дает Довлатов новой повести, конечно, не только из-за места, где разворачиваются события, но и оттого, что эту идею о самодостаточности художника все же надо было проверить на прочность.

«Тебя не публикуют, не издают. Не принимают в свою компанию, – признается сам себе автор. – Но разве ты об этом мечтал, бормоча первые строчки? Ты добиваешься справедливости? Успокойся, этот фрукт здесь не растет. Несколько сияющих истин должны были изменить мир к лучшему, а что произошло в действительности?.. У тебя есть десяток читателей. Дай бог, чтобы их стало еще меньше... Тебе

не платят – вот что скверно. Деньги – это свобода, пространство, капризы... Имея деньги, так легко переносить нищету... Учись зарабатывать их, не лицемеря. Иди работать грузчиком, пиши ночами. Мандельштам говорил, люди сохранят все, что им нужно. Вот и пиши... У тебя есть к этому способности – могло и не быть. Пиши, создай шедевр. Вызови душевное потрясение у читателя. У одного-единственного живого человека... Задача на всю жизнь. А если не получится? Что ж, ты сам говорил, в моральном отношении неудавшаяся попытка еще благороднее.

Хотя бы потому, что не вознаграждается. Пиши, раз уж взялся, тащи этот груз. Чем он весомее, тем легче...».

Ох, как тут все запутано. Тут и самоуговор, и самооговор. И попытка убедить себя, что читатель не нужен и бессмысленна зависеть к чужому успеху, ибо нет справедливости, и постоянное напоминание себе, что жизнь груба, а человек слаб, и стремление спрятаться за цинизм, и тут же отрицание бытового, вообще земного. Но идея бескорыстного служению искусству проверку на прочность, увы, не проходит. Вновь прав оказывается довлатовский Гранин – писатель должен публиковаться.

Публикуются же другие. Эти «другие» не дают покоя, как бы ни хотелось презреть их мышиную возню и вообще суetu жизни. И, как ни крути, а смириться с открытием, что «наиболее ходкая валюта – умеренные литературные способности», чрезвычайно трудно. Да, над этим можно смеяться, как и над тем, что в «Заповеднике» все меряются своей любовью к Александру Сергеевичу, который «наше все», но ведь реальность все равно остается очень и очень грустной. Можно сколько угодно распинаться, объясня, что «Пушкин – наш запоздалый Ренессанс. Как

для Веймара – Гёте», что «Пушкин нашел выражение социальных мотивов в характерной для Ренессанса форме трагедии», что если «Вертер» – дань сентиментализму, то «Кавказский пленник» – типично байроническая вещь», но это никому не нужно. «При чем тут Гёте?» – недоумевает посредственность. На кой черт городить такой огород, если правильный ответ давно определен, выучен и отчеканен. «Пушкин – наша гордость!» – объявляют торжествующие пошиляки. Больше говорить не о чем. И больше нечего ждать.

Многие, точно так же уставшие ждать чего-то, уезжают за границу, публикуются за рубежом. Довлатов до последнего противится такой судьбе. Он видит, что на той стороне печатается не меньше ерунды в обмен на тот же конформизм, но противоположного толка. Меньше всего Довлатова прельщает перспектива стать рупором профессиональных антисоветчиков. Но в США уезжает жена с дочерью. Рассказы Довлатова готовы публиковать только в тамиздате.

В эмигрантском «Континенте» выходит несколько рассказов писателя, а в журнале «Время и мы» – «Невидимая книга», повесть о непростой судьбе художника в Советской России, факти-

чески исповедь литературного неудачника. О публикациях становится известно в журналистско-писательской среде Ленинграда. Довлатова исключают из Союза журналистов, для него закрываются двери редакций. Он рискует загреметь под статью о тунеядстве. Снова, как в Таллине, идти в кочегары? Но сил уже нет. Довлатов закрывается дома, пьет. В августе 1978 года его задерживают и отправляют в спецприемник якобы за оказание сопротивления. Две недели с ним активно работают.

В письме таллинской гражданской жене Тамаре Зибуновой Довлатов писал: «Меня поколотили среди бела дня в милиции. Дали подписать бумагу, что я оказывал «злостное сопротивление». Чего не было и в помине. Я подписал, хотя они снова начали бить и выбили передний зуб. Эта бумага с моей подписью. Если они захотят, 191-я статья. До пяти лет. После чего меня вызвали и отечески спросили: «Чего не едешь?» Я сказал: «Нет вызова. Да и не решил еще». Они сказали: «Не надо вызова».

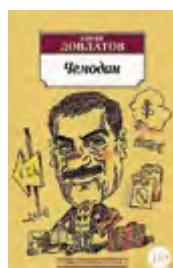
Кто-то стремился вырваться из Союза всеми правдами и неправдами. Довлатов отчаянно искал, за что бы здесь ухватиться, во что бы вцепиться из последних сил. Его вытолкали.

ЭМИГРАЦИЯ

С февраля 1979 года Довлатов живет в Нью-Йорке. Здесь новые мытарства. Работы нет, знание языка минимально, способность адаптации к новым условиям, скорее, отрицательная. Все, что умеет Довлатов, – это хорошо писать по-русски. Но он здесь никому не нужен, кроме таких же пропащих русских интеллигентов. В конце концов четыре таких незадачливых эмигранта – лифтер Борис Меттер, смотритель за лабораторными кроликами Алексей Орлов, бывший советский спортивный обозреватель Евгений Рубин и Довлатов – решили издавать свою газету. Позже присоединились Петр Вайль, Александр Генис, Нина Аловерт и многие другие. В 1980 году вышел первый номер «Нового американца». Довлатов стал главным редактором нового издания.

Газета быстро стала популярной. Успех был обеспечен обращением к широкому кругу русскоязычных читателей и многообразием тем. Главной ценностью редакция объявила свободу, но не свободу ругать коммунистов, не свободу костерить обывателя, а свободу высказывать самые разные, подчас противоположные мнения. Полемичность, острота, живость и колонки главного редактора (позже они составят от-

Писатель – большой, читатели – маленькие. Истинная соразмерность стала очевидна лишь после смерти Сергея Довлатова

«Чемодан» – сборник рассказов-воспоминаний

дельные сборники) сделали газету востребованной у читателя. Но вот парадокс: читательский спрос не получилось конвертировать в финансовую успешность – учредители не очень-то умели вести дела, да и друг с другом часто не могли договориться. Газета закрылась через два года.

Собственные дела Довлатова тоже шли с переменным успехом. С одной стороны, он начал публиковаться в журнале *The New Yorker* (и его поздравил с этим Курт Воннегут), его книги, пусть медленно и со скрипом, но стали издаваться, его приглашали читать лекции о русской литературе. С другой – эффект от всего этого был более чем скромный. Оказалось, к изданию собственных книг тоже нужно быть готовым.

«Вас рано или поздно опубликуют, как по-Русски, так и по-английски, – пишет Сергей Довлатов в 1984 году в эссе *From USA with love*. – Иллюзия собственной тайной гениальности неизбежно рассеется. Из кельи непризнанного гения вы угодите в бесконечное пространство мировой литературы, в первой шеренге которой, за чертой горизонта, выступают Толстой, Сервантес и Джойс, а далеко за вашими спинами в дымке абсолютной безвестности плетутся икс, игрек и зет. А вы – посередине».

Довлатов учится быть средним писателем. Он так старается, что и писателем себя называть не решается, говорит, что он всего лишь рассказчик или, еще более сдержанно – автор текстов. И все же тут есть лукавство: ведь даже в этом скромном желании умалиться он хочет быть похожим на Чехова. И ведь похож! Антон Павлович тоже был о себе весьма скромного мнения как о литераторе.

Читательские симпатии и антипатии Довлатова – отдельная, но весьма интересная тема. На тему эту написана не одна диссертация. Но лучше всего об этом рассказал сам Сергей Донатович. Во всей своей прозе. И отдельно – в лекции «Блеск и нищета русской литературы».

Пушкин дорог писателю тем, что поставил поэзию выше нравственности. Толстой – наоборот, решил нравственным учением

В Нью-Йорке
Сергей Довлатов
и правда стал
походить на
американского
писателя.
Но только
внешне

В редакции
газеты «Новый
американец»
работа кипела
всегда. Но, увы,
недолго

перечеркнуть все свои гениальные романы, но, к счастью, не вышло. Достоевского Довлатов упрекает в реакционизме, Гоголя – в оправдании рабства. Казалось бы, Довлатов должен быть благосклонен к Тургеневу, из всех титанов русской литературы он был наиболее художником и в меньшей степени проповедником, но эстетизм Ивана Сергеевича не близок писателю – его описания природы кажутся ему слишком плоскими и натуралистическими. А больше всего достается русскому классику-демократу за образы героев. «Знаменитые тургеневские женщины вызывают любые чувства, кроме желания с ними познакомиться», – говорит Довлатов. Да, среди гениев века XIX Довлатов выделяет только Чехова: «Его творчество исполнено достоинства и покоя, оно нормально в самом благородном значении этого слова».

А что для Довлатова век родной – XX? Из этого столетия писатель берет на свою золотую полку Мандельштама, Вячеслава Иванова, Пастернака, Зощенко, Олешу, Булгакова, Платонова, Куприна. Из зарубежной литературы – Хемингуэя, Джойса, Фолкнера, Шервуда, Апдайка, неожиданно Кафку («Писатель, самым жесточайшим манером обделенный чувством юмора, вдруг не дает мне покоя»), Камю. Из современников Довлатов симпатизирует Аксенову, Гладилину, Битову, Попову, Ефимову, Войновичу, Искандеру. Особое место в литературном мире Сергея Довлатова занимает Бродский. Он – безусловный гений, остальные – «мастера высокого класса». Ну а сам Довлатов, как уже писалось выше, всего лишь рассказчик. Такой виделась литературная иерархия Сергею Довлатову. С таким чувством он закончил свой путь. Выпустив в эмиграции более десятка книг, но так и не поверив, что они могут сильно поколебать огромный океан русской литературы, он умер от сердечной недостаточности в августе 1990 года, на 49-м году жизни. Как раз тогда, когда его книги возвращались на родину. ●

«Кем же был этот человек-тень, этот Дон Кихот с бумажным забралом?»

ЧЕЛОВЕК СО СВЕЧОЙ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОН ИГРАЛ СТРАННЫЕ СПЕКТАКЛИ ПО СОБСТВЕННЫМ СЦЕНАРИЯМ. ИГРАЛ СО СЛОВАМИ И СОБЫТИЯМИ, СМЕШИВАЯ РЕАЛЬНОЕ И ВЫМЫШЛЕННОЕ. ОН ПОДПИСЫВАЛ СВОИМ ИМЕНЕМ ЧУЖИЕ ТЕКСТЫ И РИСУНКИ. УСТРАИВАЛ «ЗАБОРНЫЕ ВЫСТАВКИ» И ДАЖЕ ВЫПУСКАЛ СОБСТВЕННЫЕ ДЕНЬГИ. ГОВОРИЛ ВСЕ, ЧТО ДУМАЕТ – ГДЕ УГОДНО И КОМУ УГОДНО. СОВРЕМЕННИКИ НЕ СКУПИЛИСЬ НА ОСКОРБЛЕНИЯ В ЕГО АДРЕС: ШУТ, ДУРАК, СУМАСШЕДШИЙ, ГРАФОМАН, ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАРОДЕР, ВАРНАК... САМ ЖЕ АНТОН СОРОКИН ИМЕНОВАЛ СЕБЯ «КОРОЛЕМ ШЕСТОЙ ДЕРЖАВЫ» И «ГЕНИЕМ СИБИРИ». САМОВОСХВАЛЕНИЕ ОН ОБЪЯСНЯЛ ПРОСТО: «У МЕНЯ МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ, КАК И У ВСЕХ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ».

О Н РОДИЛСЯ В 1884 году в Павлодаре в семье купцов-старообрядцев. Как писал близко знавший Сорокина Василий Ян, «все родные Сорокина были старообрядцы-беспоповцы. Бабушка Антона по матери – Зубова – была бегункой, убегающей от гречного мира, не принимающая ничего мирского». Мальчика назвали в честь знаменитого деда – «сибирского конкивистадора, неуемного захватчика киргизских земель», основателя «купеческого могущества фамилии» – он владел табуном в 11 тысяч лошадей. Но Антону-младшему была суждена совсем другая судьба...

В 1892 году семья Сорокиных переехала в Омск – отец хотел дать сыновьям достойное образование. Однако гимназию Антон не окончил, в шестом классе его выгнали. Потому что, как вспоминал сам Сорокин, «занимался писанием своих сочинений и фотографией. Уроки забросил». Правда, в автобиографии он потом утверждал, что был исключен за «принос в класс мышей для запугивания учителей и главное – за незнание молитвы «Отче наш».

Писать он начал с 15 лет. К 18 годам написал монодраму «Золото» – историю человека из народа, который разбогател преступным путем, но разочаровался в богатстве и закончил жизнь в доме умалишенных. Драма, конечно, немного наивна, но в ней чувствуется сила дарования автора: жизнь сравнивается с несущимися навстречу друг другу «поездом бедных» и «поездом богатых», их катастрофическое столкновение символизирует жестокость жизни. Есть в пьесе образ Золота в виде злобного старика в золотистом балахоне, образ Забвения, прекрасно выписан образ главного героя – сумасшедшего миллионера Станислава Эдуардовича, бросившего вызов Золоту: «Бедняки восстают против тебя... И победа останется за бедными».

Но в финале звучит зловещий хохот всесильного Золота... Продолжать семейное дело, занимаясь торговлей, Антон не имел ни малейшего желания. Однако родители заставляли его торговать в лавке солью и кожами. И тогда Антон решил на бунт: в драме «Корабли, утонувшие ночью» он выставил на всеобщее обозрение некоторые семейные тайны. Разразился скандал, бунтаря впервые назвали сумасшедшими. «Слово проникло на улицу. Журналы закрыли для него свои страницы. Тогда Антон Сорокин начал писать на заборах, а также вывешивать цитаты с короткими афоризмами и изречениями. Это было что-то вроде стенгазет. Но тогда были непривычны стенгазеты. Улица срывала афоризмы и изречения – Сорокин вывешивал новые. Он был неутомим и аккуратен», – напишет потом журналист, поэт и переводчик Леонид Мартынов в своем рассказе «Шут Бенеццо».

К этому времени Антон Сорокин успел жениться, стать лауреатом фотографических конкурсов. А еще он предусмотрительно окончил бухгалтерские курсы, чтобы «быть финансово независимым».

ОБЛИЧИТЕЛЬ ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА

Летом 1914 года Антон Сорокин публикует в газете «Омский вестник» свою повесть «Хохот Желтого Дьявола», которую сегодня многие литературоведы называют вершиной его творчества. «Желтым Дьяволом» именуется всесильное золото. Ведь по его воле начинается безумный спектакль, где люди убивают друг друга. Именно спектакль. Даже война у Сорокина становится огромным театральным представлением: «Кто же режиссер, кто – декоратор, кто – бутафор этой ужасной драмы, под называнием «Война»? Кто зрители? Долго готовились к постановке пьесы? Слишком дорогая постановка... Делали займы, спешно покупали военные припасы и

«Король писателей» на троне

пушки... Мы готовили пьесу для всего мира, но не знали слов, это была тайна для всех артистов. Мы были артисты и зрители...» «Хохот Желтого Дьявола» публиковался в семи выпусках газеты «Омский вестник» – с 11 по 27 июля 1914-го. А уже в следующем выпуске этой газеты был помещен приказ о мобилизации вследствие начала Первой мировой войны...

С этой повестью Антон Сорокин решил выдвинуть себя на Нобелевскую премию и разослал письма с экземплярами рукописи и просьбой поддержать его кандидатуру главам многих государств. Ответ «соискателю» прислал лишь... король Сиама. В нем говорилось, что «книга, за отсутствием русского переводчика, не могла быть прочитана». Тем не менее Сорокин с тех пор гордо именовал себя «кандидатом на Нобелевскую премию». «О чём писал Сорокин в своей книжке <...> о губительной силе золота и о вреде кровопролитных войн, думая вразумить монархов. Монархи не послушались. Война началась, и многие правители полетели вскорости с тронов головой вниз. Кто умнее – монархи или Антон Сорокин?» – вспоминал Леонид Мартынов.

Антон Сорокин утверждал, что о его повести одобрительно отзывался Лев Толстой. Действительно, в архиве Сорокина уже после его смерти была найдена записка якобы от Льва Толстого: «Читал Ваш «Хохот желтого дьявола». Хорошо, ярко, а главное жизненно и соответствует великой евангельской правде. Ясная Поляна, 16 марта, 1909 г.». Не сразу выяснилось, что это письмо – очередная мистификация Сорокина. Да, Антон Семенович был весьма талантливым мистификатором. В начале Первой мировой он опубликовал в журнале «Огонек» объявление о том, что писатель Сорокин покончил с собой, выпрыгнув из аэроплана во время полета над городом Гамбургом». И сразу привлек к своим рассказам внимание публики.

Монодрама Сорокина «Золото», изданная в Омске в начале XX века

«ЛЮДЕЙ, ОГРАНИЧЕННЫХ УМОМ, ПРОСЯТ НЕ ЧИТАТЬ»

На публичных чтениях своих произведений Сорокин сначала доставал из портфеля бронзовый подсвечник и непременно зажигал свечу. Он говорил: «Свеча подобна писателю – писатель так же сгорает, но оставляет свое духовное богатство...» Антон Семенович прекрасно владел звукописью – музыка сорокинского слога буквально завораживает. Вот как Всеиволод Иванов пишет о магии его текстов: «Невнятным тихим голосом, немного нараспев Сорокин читал отрывки из повести «Хохот Желтого Дьявола». Длинные гибкие фразы едкими больными кольцами вились по комнате, опутывая сознание». Лаконичные рассказы Сорокина напоминают притчи. Логические построения часто носят парадоксальный характер. Многие произведения не имеют начала и конца. Главное в них – сюжет. Не взятый из жизни, а придуманный, для того чтобы донести до читателя мысль автора, заставить задуматься об очень непростых вопросах.

Вот, к примеру, рассказ «Свободное слово». Главный герой – писатель, который страдает от того, что никто не публикует его правдивые произведения. Чтобы заработать на жизнь, он начинает сочинять, напившись вина, заглушающего голос совести. Эти рассказы охотно печатают. И вот наконец у писателя есть все, о чем он прежде мечтал, он богат и известен. Но он слишком привык кривить душой и уже не может отступить от лжи. Или вот рассказ «Тынду-тунта – трава стона» основан на алтайской легенде о «стонущей» траве. Трава на вершине горы стонет, напоминая отринувшим природные и человеческие законы «жизнеедам», что терпение Матери-Земли не безгранично...

Между прочим, на обложке одного из своих печатных изданий Сорокин поместил такое

Антон
Семенович
гордился,
что «показал
русскому
читателю душу
казахского
народа...»

уведомление: «Людей, ограниченных умом, просят не читать». А еще он много писал о киргизах (так тогда называли казахов), был хорошим знатоком их нравов и обычаев. Сорокин считал, что «показал русскому читателю душу казахского народа, в таком же духе, как это сделал Джек Лондон с жителями

тихоокеанских островов». В рассказе «Страшный танец кутерме» старый антрепренер привозит в город киргизов, которые танцуют на сцене кутерме – танец вокруг погибающей от голода скотины. «Но была скована их песня стенами, звучала жалко, заунывно и непонятно, и я уже боялся, что публика будет свистеть. Но вот окрепла песня, вот чувствуется – как будто плачет ребенок, брошенный на снег, пищит, как жаворонок, у которого перекусили горло... Потом все громче и громче, и достигла воя, воя тоски, печали и голодной смерти, как у тысячи волков... И когда задвинулся занавес, молчание было в театре. Выходили молча. Так тихо не выходят даже из храма. Меня выслали из города в двадцать четыре часа».

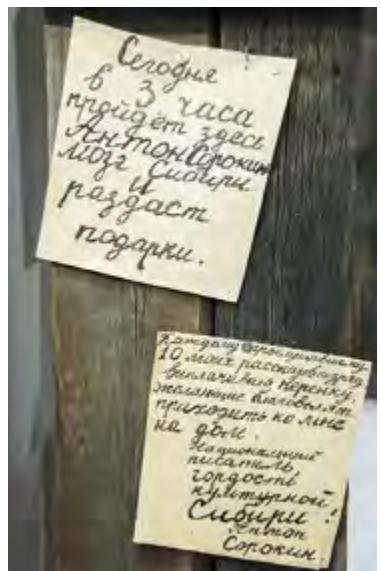
С 1915 года «король писательский» исправно служил счетоводом в Управлении Омской

Загадочный
«Оркис».
Кто именно
изображен
на этом рисунке
из архива
Сорокина,
остается только
гадать...

Еще один чудом сохранившийся рисунок, озаглавленный «Конец цивилизации»

На омских заборах рекламист Сорокин развешивал и картины, и объявления

КОРОЛЬ СКАНДАЛОВ

Однажды Антон Сорокин расклеил на одной из улиц Омска объявление следующего содержания: «Сегодня здесь пройдет Мозг Сибири, Кандидат Нобелевской премии, Король писателей Антон Сорокин. Он раздаст подарки». Упомянутые «подарки» представляли собой пуговицы, огрызки карандашей и автопортреты с личной печатью «короля». В другой раз он повесил плакат, уведомляющий, что «Лучше быть идиотом, чем Антоном Сорокиным».

Скандалы писатель Сорокин считал высшей формой литературного творчества. Потому относился к ним как к произведениям искусства.

Когда Омск стал столицей белой России, Сорокин в черном костюме и накрахмаленной сорочке регулярно являлся без приглашения на заседания правительства – сначала сибирского, потом колчаковского. Причем приходил со своей знаменитой свечой в бронзовом подсвечнике: Антон Семенович говорил, что это «Свеча для просвещения человечества». И мгновенно превращал заседания в театр одного актера, устраивая очередной моноспектакль, у которого была

железной дороги. И говорил о себе с изрядной долей самониронии: «Я думаю, что я великий писатель. Но быть может, я просто хороший счетовод». Он писал при любой возможности. В любую свободную минуту отодвигал конторскую книгу и строчил на первом попавшемся клочке бумаги – на старых счетах, квитанциях, обрывках. Сорокин называл себя автором 2 тысяч рассказов. Свои рукописи он хранил в огромном невьянском сундуке, обитом радужной жестью.

После смерти писателя его обширный архив каким-то чудом попал на государственное хранение. Он насчитывает около 600 дел. На каждой работе стоит угловой штамп и число, когда она была начата. Но доверять им не стоит: в одной рукописи три раза попадается штампик «23 февраля 1934 года», а Сорокин дожил только до 1928-го. Некоторые тексты в архиве Сорокина принадлежат

не ему, а людям его круга. Он просто подписывал их своим именем и не видел в этом ничего зазорного: «Не важно, как человек пишет, важно, как он потом умеет себя представить». Многие сорокинские мистификации не раскрыты до сих пор.

Таким Антона Сорокина нарисовал художник-футурист Виктор Уфимцев

одна цель – дискредитировать любую власть. Его, конечно, не сколько раз арестовывали, но потом выпускали на свободу – что взять с ненормального?

Он выпускал купюры, очень похожие на колчаковские, с надписью: «Денежные знаки шестой державы, обеспеченные полным собранием сочинений Антона Сорокина. Подделыватели караются сумасшедшим дном, а не принимающие знаки – принудительным чтением рассказов Антона Сорокина». И запускал их в оборот, множа скандалы. Ведь находились те, кто не глядя рассчитывался сорокинскими купюрами с извозчиками или на базаре...

На первую страницу экземпляров американского журнала «Дружеские речи» Антон Сорокин наклеил свою фотографию на портрет президента Рузвельта, сделал подпись «Гений Сибири – новой Америки» и разбросал номера по городским улицам. Его вызвали на ковер в американскую миссию, но Сорокин умудрился получить с американцев 200 рублей за потраченное время!

А еще Антон Семенович торговал собственными автопортретами. Производились они на глазах у покупателей следующим образом: Сорокин бросал горсть краски на лист бумаги, закрывая его другим листом, проглаживал рукой, разнимал листы, и на них оказывались два его автопортрета, каждый из которых он заверял личной печатью с надписью «Король писателей Антон Сорокин». Кстати, с «отцом российского футуризма», Давидом Бурлюком, задержавшимся в Омске по пути из Москвы в Нью-Йорк, они устраивали совместные вечера и выставки (Сорокин в это время много занимался живописью. – Прим. авт.). Бурлюк вручил Антону Семеновичу такой документ: «От Всероссийской федерации футуристов. Национальному великому писателю и художнику Сибири Антону Сорокину. Извещение. Я, Давид Бурлюк, отец русского футуризма, властью, данной мне велики-

Золото происходивший из купеческой семьи писатель считал главной причиной всех войн и человеческих несчастий

Экспозиция, посвященная Антону Сорокину, в Омском литературном музее имени Ф.М. Достоевского

ми вождями нового искусства, присоединяю вас, Антон Сорокин, к ВФФ. Приказываю отныне именоваться в титулах своих великим художником, а не только писателем, и извещаем, что отныне ваше имя вписано и будет упоминаться в обращениях наших к народу: Давид Бурлюк,

Василий Каменский, Владимир Маяковский, Велемир Хлебников, Игорь Северянин и Антон Сорокин».

В его доме на литературных вечерах мирно сосредотовали и «бывшие красногвардейцы и настоящие белогвардейцы». Антона Сорокина посещали все писатели, попадавшие в Омск даже на самое короткое время. Николая Анова он по-отечески напутствовал: «В этой кровавой неразберихе, которая царит сейчас в Омске, легко остаться без головы. Советую вам – избегайте выходить поздно вечером на улицу. Подозрительных людей ловят и садят за решетку, а чаще просто выводят в расход. Если вам негде ночевать – приходите ко мне».

Антон Семенович помогал чем мог ближним и дальним, совершенно не заботясь о себе. Например, на закрытом вечере в честь Яна Гуса Антон Сорокин предложил почтить память героя, но заговорил вовсе не про Гуса, а про омского писателя Александра Новоселова, убитого в загородной роще в 1918 году.

Желанными гостями в сорокинском доме были и художники. Порой они дарили хозяину свои работы, порой он покупал их за продуктовый паек.

ВЕРЯЩИЙ В ВЕЛИКУЮ СИБИРЬ

В советские времена Сорокин все также работал в Управлении Омской железной дороги, потом – регистратором в больнице. И по-прежнему много писал. В 1925 году он написал повесть «Алтай и города», где борьба древних алтайских богов, создателей жизни на Земле – доброго Ульгения, символизирующего силы природы, и злого Эрлика, покровителя современной цивилизации, – продолжается в начале XX века.

Некоторые свои рассказы Сорокин строил исключительно на игре литературными приемами, создавая впечатление достоверности. «Ко мне пришли артисты-киргизы... – пишет он в рассказе «Гнев Ашахата», – не напишете ли для нас драму? – сказали артисты-киргизы». Далее следует описание того, как автор сочинял заказанную драму, переделывая на киргизский лад диалоги из «Ромео и Джульетты» и монологи из «Демона». Но в этот гротеск писатель включает реальные подробности, перечисляя все, что он купил на полученный гонорар в «Сибкрайиздате».

Сорокин много рассуждал о «Сибири – великой новой Америке», ее огромном потенциале и блестящем будущем. В своих рассказах он воспевал Горный Алтай, Западную Сибирь и холодную Якутию. Он с гордостью называл себя сибирским писателем и именно эти слова завещал написать на своей могиле.

Его отличало воистину «королевское» спокойствие и самообладание. «В зимнюю ночь запылал дом короля писательского, – вспоминает писатель Михаил Никитин. – Я видел Сорокина во время пожара. Он обнаружил редкое спокойствие. Одетый в жеребковую доху, стоя на стуле почти под потолком, с которого капала вода, Антон Семенович высоко вознес керосиновую лампу – при свете ее пожарники разрушали печь, от которой взялось пла-

мя. Брандмайор выкрикивал команды, а рукописи Сорокина тихо догорали в углу.

– Должно быть, здесь профессор живет, – сказал огромный пожарник, выламывая багром дымящуюся доску.

Другой отозвался вполголоса:

– Ученый, стало быть!

Сорокин услышал, выпрямился на своем стуле и еще выше поднял лампу:

– Здесь живет писатель Антон Сорокин, – произнес он отчетливо.

Времена громких скандалов прошли, но любовь к мистификациям Сорокина не покинула.

«Гений Сибири» на этом портрете на скандалиста совершенно непохож...

Антон Сорокин мечтал, что в его доме потом будет гостиница для всех писателей, приезжающих в Омск

В 1920-е годы Леонид Мартынов не раз «встречал» у Сорокина известных поэтов и писателей, которые никогда не были в Омске, а во время «встреч» с ними у Сорокина находились в Москве. «А потом я и сам, раскусив, в чем дело, приводил к Сорокину и мнимого Асеева, и поддельного Пастернака, Антон Семенович охотно входил в такую игру».

В 1926 году Сорокина приняли в Союз сибирских писателей, в это же время он готовит к изданию в Новосибирске первый сборник своих произведений. Но увидеть эту книгу ему было не суждено. Через два года у Антона Семеновича обострился туберкулез, и жена Валентина Михайловна повезла его на лечение в Крым. Большого с открытой формой туберкулеза в крымские здравницы не приняли. Сорокин оказался в Москве. Всеволод Иванов чудом сумел найти для него место в Остроумовской больнице. А когда Сорокин скончался, договорился о похоронении писателя на Ваганьковском кладбище.

Антон Сорокин не сомневался в своей посмертной известности. Он считал, что его начнут читать через полвека: «Всякий талант, и особенно, если это талант оригинальный (неоригинальные таланты тоже существуют), требует по крайней мере полустолетия для того, чтобы прорости, и еще полстолетия для того, чтобы дать плоды».

Изданная тюменским благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» книга «Антон Сорокин. Сочинения. Воспоминания. Письма» увидела свет в 2012 году.

Особняк Сорокина в Омске сохранился. Удивительным образом он единственный уцелел во время сноса квартала и теперь соседствует с современными многоэтажками. Сейчас возле него торгуют цветами. Жаль только, никто не догадывается поставить на подоконник зажженную свечу... ●

КНИЖНЫЙ МАГНАТ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КАКИЕ КНИГИ И КАКИХ АВТОРОВ БЫЛИ САМЫМИ ПРОДАВАЕМЫМИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ? ПУШКИНА, ДОСТОЕВСКОГО, ТОЛСТОГО? А ВОТ И НЕТ! ДОЛГИЕ ГОДЫ НА КНИЖНОМ РЫНКЕ ГЛАВЕНСТВОВАЛ НАРОДНЫЙ ЛУБОК. КРЕСТЬЯНЕ ОХОТНО ПОКУПАЛИ КОПЕЕЧНЫЕ КАРТИНКИ И НЕЗАМЫСЛОВАТЫЕ КНИЖЕЧКИ АВТОРОВ, ИМЕНА КОТОРЫХ УЖЕ ЗАТЕРЯЛИСЬ В ВЕКАХ. НА ТАКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МОЖНО БЫЛО СКОЛОТИТЬ ЦЕЛОЕ СОСТОЯНИЕ. ТАК, КАК ЭТО СДЕЛАЛ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ СЫТИН – КРЕСТЬЯНИН, СТАВШИЙ МИЛЛИОНЕРОМ.

К

ОГДА-ТО ИМЯ СЫТИНА гремело на всю страну. Человек любого дохода мог найти в его лавке книгу по душе, его недорогие учебники открыли доступ к знаниям нескольким поколениям крестьян, а изданные им отрывные календари висели в домах трети российских семей. Но до сих пор именем Ивана Дмитриевича Сытина не назван ни один полиграфический институт и ни одна типография, в том числе основанная им столичная Первая Образцовая. Сегодня память о Сытине хранят в его московской квартире на Тверской, где отец 10 детей провел последние годы. Здесь открыт музей предпринимателя, посвятившего всю жизнь книге.

КНИЖНИК ВОЛЕЮ СЛУЧАЯ

Иван Сытин, по выражению журналиста Василия Немировича-Данченко, был «сам себе предок» – сегодня бы сказали, что это человек, сделавший себя сам. Старший сын волостного писаря из небольшого села Гнездниково Костромской губернии, по Псалтыри обучившийся грамоте, не мог рассчитывать ни на влиятельных родственников, ни на семейные богатства. Отец, как вспоминал его сын, периодически страдал «припадками меланхолии», то есть пил, что нередко вызывало недовольство начальства. Огород и хозяйство семья, как большинство служащих, не держала. Уже подростком Иван осознал, что забота о матери, двух сестрах и младшем брате, вероятно, ляжет на его плечи. В 1864 году дядя-скорняк позвал 13-летнего племянника на Нижегородскую ярмарку торговаться вразнос меховыми изделиями. Бойкий парнишка показал себя талантливым дельцом и получил свои первые деньги – 25 рублей, что даже немного превышало месчное жалованье его отца. На следующий год заработать удалось еще больше, и хозяин лавки, коломенский купец Василий Кузьмич, пригласил юношу в Москву и пообещал отрекомендовать его купцу Петру

Родители
Ивана
Дмитриевича

Николаевичу Шарапову, торговавшему помимо пушнины еще и книгами. Так волею случая в 1866 году Иван стал мальчиком при книжной лавке. Он выполнял черную работу: чистил обувь, носил дрова и воду, накрывал на стол. Книжная лавка досталась Шарапову по наследству от брата и, в отличие от основного дела, особого интереса у него не вызывала. Здесь главенствовали

приказчики-пройдохи, выросшие из мальчиков. Старообрядец Шарапов вел дела строго и требовал от всех работников абсолютного послушания. Иван пришелся купцу по душе, да и работу свою выполнял на совесть, так что через год купец назначил его личным «камердинером». Шарапов не имел родных детей и взял юношу под свое крыло, воспитывая его и стараясь вывести в люди: вел

поучительные беседы, давал читать церковные книги, одевал за свой счет. Вместе они ходили на службы в Успенский собор Кремля, бывали и на старообрядческих подворьях. В итоге Сытин дослужился до приказчика и стал доверенным лицом купца Шарапова. Теперь к нему обращались по имени-отчеству – Иван Дмитриевич. Правда, для Шарапова он по-прежнему оставался Ванькой. В числе прочего Ивану Дмитриевичу было поручено вести дела с коробейниками – бродячими книгоношами-офернями, которые закупали в книжной лавке товар, а после отправлялись торговать им по деревням и селам империи. Они знали цену деньгам, и изнурительный торг с ними мог длиться несколько дней – за это время приходилось и развлечь их, и в банькуходить, и угостить. Сытин утверждал, что за свою жизнь познакомился с тысячами оферней и именно они натолкнули его на мысль, как нужно организовать прибыльную торговлю книгами.

«Образованный» странник

После отмены крепостного права в 1861 году интерес народа к книге вырос многократно. До того наличие книжной лавки даже в крупном городе считалось показателем его высокого культурного уровня. Что уж говорить про села, деревни и небольшие городишки – книжные магазины там были большой редкостью. Немалая заслуга в распространении знаний принадлежит книгоношам-оферням, исходившим со своим товаром за плечами всю Российскую империю. Некоторые из них умудрялись добираться до окраин страны: кто-то шел через всю Сибирь, другие садились на пароход в Одессе и через Суэцкий канал, Цейлон, Сингапур и Японию добирались

до российского Дальнего Востока. Дорога выходила долгой, зато безопасной, ведь на трактах нередко случались ограбления, а порой и убийства. Опытные торговцы, приходя в село, обращались к священникам, чтобы те указали им надежную семью, у которой можно было переночевать. Российский писатель и историк книги Анатолий Александрович Бахтиаров в конце XIX века связывал слово «оферня» с городом Офен – так по-немецки называлась Буда – западная часть Будапешта. В монографии «История книги на Руси» Бахтиаров пишет, что торговцы из Венгрии, ходившие с товарами по Владимирской губернии, первыми стали

себя так называть. А позже так стали называть и русских коробейников. Сейчас в источниках чаще упоминается, что первые оферни пришли в Россию из Афин, однако эта версия представляется сомнительной. Любопытно, что появление уголовного жаргона – фени – зачастую связывают с офернями: коробейники придумали свой тайный язык, который позволял им объясняться друг с другом при посторонних, а также торговать запрещенными товарами, например старообрядческими иконами и литературой. Так, хороший стал «клевым», гла-за – «вербухами», поспать – «покимать», рюмка – «бухаркой», а мужик – «лохом». Для всех у оферней находился свой товар – пусть не очень качественный, зато дешевый. Книгоноши прекрасно раз-

бирались во вкусах покупателей. Молодежи они предлагали лубки позабористее и острожечные книжки – едва ли не со времен Бориса Годунова в хитах продаж неизменно держались приключения Бовы-королевича или Еруслана Лазаревича. Люди постарше предпочитали религиозные сюжеты, Жития святых. Нередко в красном углу избы образа соседствовали с религиозным лубком. Нехитрые изображения в четыре краски могли висеть и по стенам. Многие оферни противились попыткам издателей повысить качество продукции, считая, что дешевый, копеечный лубок они всегда смогут распродать, а на дорогую книгу покупателя еще нужно поискать. На такой нехитрой литературе и сколотил свое состояние Сытин.

П.Н. Шарапов

Юный Сытин.
1870-е годы**ДЕРЕВО ПРОТИВ КАМНЯ**

Простейшие лубки появились в России едва ли не одновременно с первыми печатными книгами. Изначально изображение и текст на картинке носили религиозный характер, в дальнейшем стали преобладать светские темы: забавные бытовые зарисовки, сказки и исторические сцены.

Мастера карандашом наносили на липовую доску рисунок, а после ножом вырезали места, которые должны были оставаться белыми. Такое незамысловатое ксилографическое клише вместе с таким же простым и понятным наборным текстом устанавливалось на талере ручного станка, смазывалось черной краской и под прессом наносилось на дешевую серую бумагу. Контуры картинки отпечатывались – получался «простовик», который еще необходимо было раскрасить. Эта задача, как правило, поручалась женщинам и детям.

Цветильщицы из подмосковных сел и деревень брались за работу после страды и до самой весны раскрашивали простовики – за тысячу штук они получали 1 рубль. Из подручных средств, вроде яичного желтка или луковой настойки, делали краски. Обычно в ход шли красный, фиолетовый, зеленый и желтый цвета. Простови-

ки раскладывались в избах на лавках, и каждый цветильщик своей краской, часто без определенной логики и не считаясь с контурами, размашисто наносил на картинку цветные пятна. Гуси, к примеру, получались сиреневыми, котята зелеными, а мыши – желтыми. Дети помогали матерям в их нехитром промысле, и за неделю удавалось раскрасить до 1,5–2 тысяч лубков.

Продукцию заметно лучшего качества можно было получить литографическим методом. Лу-

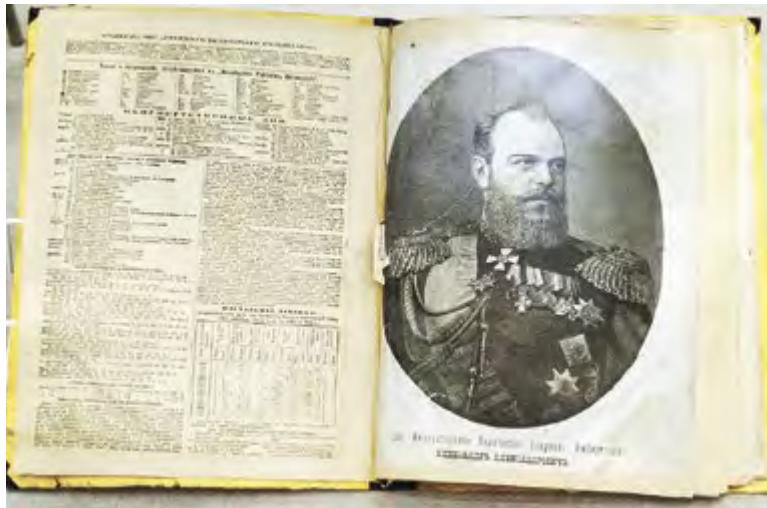
Пригласительный билет на свадьбу

бок, полученный с деревянных клише, не мог соперничать с литографиями. Этот метод подразумевает получение оттиска с поверхности специального литографского камня, который после соответствующей обработки приобретает свойство на отдельных участках принимать специальную краску, а на других – отталкивать. Для каждого цвета на изображении изготавливалась отдельная пластина, и после их попаременного отпечатывания под прессом на одном и том же листе на бумаге появлялось четкое, яркое изображение, которое можно было многократно тиражировать.

Иван Сытин, забиравший готовые заказы у цветильщиц,

Всеобщий
русский
календарь
на 1888 год

понимал, что их промысел не отвечает времени, и всерьез задумывался о том, как бы усовершенствовать лубочную печать. Однако Шарапов, уже глубоко пожилой человек, не желал ничего менять и противился новшествам.

ЛУБОЧНОЕ ЦАРСТВО

В 1876 году Сытин, не без проекции Петра Николаевича, женился на купеческой дочери, Евдокии Ивановне Соколовой, в браке с которой прожил почти полвека, воспитав 10 детей. Вскоре после свадьбы, с благо-

словения своего покровителя, Сытин начинает собственное дело и за Дорогомиловской заставой на Воронухиной горе открывает типографию в три комнаты. Между прочим, с создания этой небольшой мастерской начинается история крупнейшего московского полиграфкомбината – Первой Образцовой типографии. Получив от тестя-кондитера 4 тысячи рублей приданого и взяв у Шарапова в долг недостающие 3 тысячи, Иван Дмитриевич решает выплыть из Франции литографский станок.

Формально этот бизнес числился за Шараповым, и еще долго Сытин будет поставлять купцу свои товары с большим дисконтом и брать у него заказы на печать. Молодой бизнесмен поймал удачу за хвост: сытинские литографические лубки сильно отличались от раскрашенных простовиков, тиражи раскупались быстро, нередко и самому Ивану Дмитриевичу приходилось вставать за станок и крутить колесо литомашины. Не стеснялся он и ходить по лавкам Никольского рынка, предлагая свои товары, а их распространение за пределами Москвы традиционно оставалось за оfenями.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Сытин первым додумался печатать актуальные карты боевых действий. Передвижения русских войск, освобождавших Болгарию от османского ига, обновлялись регулярно, продажи таких иллюстрированных сводок принесли невероятную прибыль. В 1878 году книготорговец выплатил долг, и литография полностью перешла в его собственность. Уже год спустя она расширилась и переехала в просторное здание на Пятницкой улице. Там же Сытин покупает дом для своей растущей семьи. Широкую известность издательство Сытина приобрело после Всероссийской промышленной выставки 1882 года в Москве: в художественной секции Иван Дмитриевич представил

Лубочные
писатели
не стеснялись
плагиата и часто
«обрабатывали»
сюжеты
классиков

Лубочная книжка «пострашнее»

лучшие образцы выпущенных лубков. Он показывал первую отечественную печатную машину и демонстрировал, как с помощью литографии можно добиться яркого и четкого рисунка, прямо при зрителях печатая портреты царской семьи. Эту презентацию увидел император Александр III и остался доволен результатом. Павильон Сытина вызвал огромный интерес публики, но поскольку Иван Дмитриевич был из крестьян, то получил лишь бронзовую медаль, что, по воспоминаниям купца, очень его задело.

Продукция «для народа» от издательства Сытина привлекала в первую очередь визуально. К концу века только на художников книготорговец тратит до 10 тысяч рублей в год. Хорошие гонорары позволяли заказывать иллюстрации у профессионалов: к примеру, у создавшего памятник «Тысячелетие России» скульптора Михаила Осиповича Микешина, художников Виктора Михайловича Васнецова, Сергея Ивановича Ягужинского. Даже для простеньких карманных лубочных книжек Сытин старался сделать заметную и запоминающуюся обложку: сам текстовый блок, напечатанный на ротационной машине, был чер-

Супруги Сытины.
Начало XX века

но-белым и малопримечательным, зато обложка сразу привлекала внимание, а вкупе с хлестким названием обеспечивала хорошие продажи.

Сытин, хоть его и неоднократно за это критиковали, считал лубочные книги необходимым мостом для перехода крестьян к более качественной и серьезной литературе. Народные писенники, сонники, простенькие любовные и приключенческие романы, страшные сказки и

другие лубочные тексты писались на том же Никольском рынке заурядными авторами, «алтынными литераторами», получавшими 3–5 рублей за печатный лист. Нередко за свои работы такие сочинители выдавали переписанные произведения классиков. Судя по всему, больше всех пострадал Николай Васильевич Гоголь: в упрощенных переложениях лубочных писак «Вий», к примеру, стал «Тремя ночами у гроба», а «Тарас Бульба» – «Разбойником Тарасом Черномором». Так что Сытин попадал в неприятные истории с plagiarismом. На все обвинения он отвечал, что физически не в состоянии прочитать все, что выпускает его издательство. По свидетельству Бахтиарова, в конце XIX века одних только народных книжек Сытин выпускал на 200–300 тысяч рублей в год, оставляя далеко позади всех конкурентов.

Популярность лубочного чтива несколько снизилась после 1887 года, когда спустя пятьдесят лет после смерти Александра Сергеевича Пушкина истекли автор-

Сборник
народных песен

ские права на его произведения и издали начали массово их печатать. Сытин предложил один из наиболее доступных вариантов: если шикарно оформленное полное собрание сочинений стоило 5 рублей, то он сократил издержки и издал всего Пушкина за 80 копеек! А позже – в столь же аскетичном исполнении – предложил читателям и сочинения Гоголя – всего за 50 копеек.

НАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬ

Самый массовый издатель страны определял цель своей жизни так: сделать хорошую книгу доступной и понятной простому читателю. Сытин понимал, что любовь к чтению необходимо воспитывать с детства, но он знал, что далеко не у каждого «кухаркиного сына» есть возможность выучиться хотя бы грамоте. Иван Дмитриевич неоднократно негодовал на то, что

Вероятное изобретение «Товарищества» – отрывные календари

Сытины с младшими дочерьми

учебники в России стоили непомерно дорого – причем не из-за затрат на производство, а по жадности издателей. Если себестоимость книги была 15–20 копеек, то ученику она обходилась не менее чем за рубль. При всем этом печатал учебники только определенный круг лиц, получивший одобрение Министерства народного просвещения: из года в год издавались одни и те же пособия. «Чужаки» в узкий круг таких просветителей не допускались. На Никольском, впрочем, среди лубочных развалов можно было отыскать «Азбуку» за 2 копейки, а также дешевые учебники по арифметике и грамоте, но их качество оставляло желать лучшего, да и учителям использовать их в своей работе было запрещено официально.

Несмотря на трудности, Сытин попытался пробить брешь в монопольной торговле учебниками. Первым учебникам, изданным Сытиным, раз за разом не дает хода Министерство народного просвещения, но благодаря освещению этой проблемы в печати и общественному возмущению дешевый учебник все же появляется на рынке. Основанное книготорговцем в 1889 году «Товарищество И.Д. Сытина» начинает в 1895 году издавать серию «Библиотека для самообразования», а год спустя открывает отдел педагогической книги. К 1910-му уже около пятой части всех учебников империи выпускало сытинское издательство.

Помимо учебников юным читателям оно предлагало художественную литературу. Детская редакция взяла за основу изящные иллюстрированные книги викторианской Англии, в то время как большинство российских издательств по старинке издавало грубые переводы немецких сказок. Кроме того, Сытин опирался на русский фольклор, а также на ясные и целомудренные повести, написанные по заказу «Товарищества». Долгие годы с ним сотрудничала писательница Клавдия Владимировна Лукашевич, пе-

Знаменитая «Детская энциклопедия» от Сытина

чававшая не только свои художественные произведения для детей, но и то, что сегодня называли бы нон-фикшен: полезные книги с советами, интересными фактами, развлекательные сборники. Популярна была «Детская энциклопедия» Сытина, которая сегодня выставляется в доме-музее: юным читателям особенно нравились яркие вставки-иллюстрации, проложенные внутри блока тонкой папироносной бумагой. Зачаровывали ребенка и невероятно красивые по оформлению издания сказок Пушкина, Жуковского, писателей-свременников – в случае с детской литературой художественному оформлению уделялось особое внимание. Пушкинскую «Сказку о царе Салтане», например, иллюстрировал Николай Дмитриевич Бартрам, известный искусствовед и директор московского Музея игрушки, сейчас располагающегося в Сергиевом Посаде (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2019 год, статья «Игрушка – зеркало жизни» – Прим. ред.). При сытинской литографии в начале XX века была создана школа рисовальщиков во главе с художником Николаем Алексеевичем Касаткиным. Манера детской иллюстрации, разработанная сытинцами, стала весьма расхожей. Ее нередко

Примеры иллюстраций для детских книг «Товарищества»

придерживались даже художники советского времени. Юношеский сегмент в «Товариществе» был занят еженедельным журналом о путешествиях «Вокруг света», который Сытин купил у братьев Вернер в 1891 году. Предыдущие издате-

Сказки Пушкина издавались и по отдельности, маленькими книжечками

ли несли большие убытки, Сытин же, обновив редакцию и начав выпускать многочисленные книжки-приложения, за год утроил число подписчиков, которое росло и дальше. Только из приложений можно было составить прекрасную домашнюю библиотеку, особенно популярны были романы зарубежных писателей: Жюля Верна, Артура Конан Дойла, Томаса Майн Рида, Редьярда Киплинга, Фенимора Купера, Джека Лондона, Вальтера Скотта. Издавался «Товариществом» и юмористический журнал с карикатурами «Искры».

Много сил отдавалось выпуску юбилейных изданий – ими Иван Дмитриевич гордился особенно. Как он впоследствии вспоминал в своей автобиографии, ни одна другая книга «Товарищества» так его не волновала и не была столь дорога, как «Великая реформа» – юбилейное издание 1911 года, посвященное

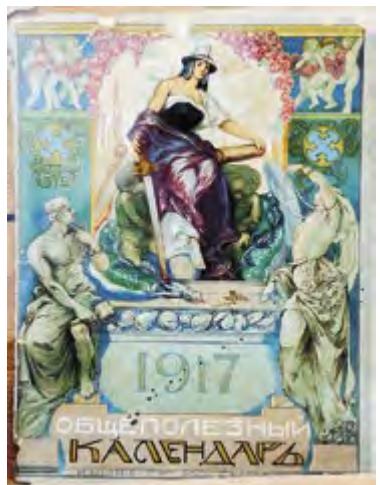
Изначально иллюстраторы детских книг ориентировались на манеру рисования художников викторианской Англии

50-летию отмены крепостного права в России и подводящее итог тому, что за эти годы было сделано для народа. Что интересно, одним из основных редакторов издания был Алексей Карпович Дживелегов – российский политический деятель, кадет, сегодня больше известный как историк итальянского Возрождения. Он, кстати, работал над многими книгами издательства Сытина, в том числе и над другим известным юбилейным изданием, посвященным 100-летию Отечественной войны 1812 года.

Как ни странно, народному просвещению служило издание... календарей. Их сытинская редакция начала составлять с 1885 года и быстро стала лидером рынка, обогнав по продажам прежнего фаворита – Алексея Гатцука с его «Крестным календарем». Для многих семей, не имевших доступа ни к кни-

гам, ни к газетам, такие календари были не просто красивой картинкой большого формата с датами: они, изобилующие интересными фактами, поясне-

Сытинские юмористические «Искры»

Календари становились энциклопедией для народа

ниями, справочными сведениями, становились домашними энциклопедиями. В издательстве Сытина календари выпускались на любой вкус: детские, женские, исторические, военные, православные, сельскохозяйственные... Их рекламировали как лучший новогодний подарок. Накануне Первой мировой войны они продавались общим тиражом более 12 миллионов, и, как утверждают в музее книгоиздателя, в каждом третьем доме страны можно было найти календарь от Сытина. Говорят, и расхожий формат компактного настенного отрывного календаря тоже был придуман именно им. «Товарищество» продавало свои календари по себестоимости – 9 копеек, прибыли они не давали, но приносили пользу обществу. И вот что любопытно: нередко в редакцию приходили письма, в которых люди просили дать в календарях на следующий год ответы на интересующие их вопросы. Например, сколько хлеба человек съедает за всю жизнь? На что уходят народные деньги? Как отличить фальшивый кредитный билет от настоящего? Какие предсказания Яков Брюс давал на ближайшее время? Этакое дореволюционное «Хочу все знать!»

Окончание следует.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЬ БУШУЕВОЙ

ЯЗЫКИ АНГЕЛЬСКИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

В МИРЕ ЦАРИТ ЧУДОВИЩНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ. ТВОРЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННЫЕ К ВЫДУМКЕ И СОЧИНИТЕЛЬСТВУ, ВРОДЕ ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА КАССИЛЯ, ЗАМЕЧАЮТ ЭТО УЖЕ В ДЕТСТВЕ: «ВСЕМИ ПЯТЬЮ ЧАСТЬМИ СВЕТА ВЛАДЕЛИ ВЗРОСЛЫЕ. ОНИ РАСПОРЯЖАЛИСЬ ИСТОРИЕЙ, СКАКАЛИ ВЕРХОМ, ОХОТИЛИСЬ, КОМАНДОВАЛИ КОРАБЛЯМИ, КУРИЛИ, МАСТЕРИЛИ НАСТОЯЩИЕ ВЕЩИ, ВОЕВАЛИ, ЛЮБИЛИ, СПАСАЛИ, ПОХИЩАЛИ, ИГРАЛИ В ШАХМАТЫ... А ДЕТИ СТОЯЛИ В УГЛАХ».

В 1914 ГОДУ БРАТЬЯ Леля и Оська Кассиль, отбывавшие наказание в углу, открыли страну Швамбранию – «новую игру на всю жизнь». Не помню, в каком году, но и мы с братом Павлом открыли свою страну, точнее говоря, целую вселенную с мно-

жеством галактик и планет. Мы были совсем маленькими, кажется, еще не ходили в школу, поэтому наш мир был прост и незатейлив. Мы росли, и он рос и развивался вместе с нами. Но что же это за вымышленный мир без собственных языков? И мы придумывали язы-

ки, заимствуя понравившиеся слова из книг (вечная память Льву Успенскому – автору книги «Слово о словах») или сочиняя свои. Сначала языки были совсем простыми, практически без грамматики. Постепенно они усложнялись. Вершиной нашего языкотворчества стал созданный мною громоздкий артикль, сложно изменявшийся по образцу немецкого артикля по родам, числам и падежам.

В наших языках звучание слов часто подсказывало их значение. В языке, придуманном Пашей, благозвучное слово «дэлла» означало «прекрасный», мрачное «дхак» – «смерть», короткое «юк» – «маленький». А протяжное «бибау» с полу-гласным на конце – «большой». Иногда ради красоты слова в жертву приносился здравый смысл, и тогда возникал коми-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУЛГЕРОВ

ческий эффект, нам, детям, не очевидный. Например, в книге Юрия Коринца «Там, вдали, за рекой» Паша нашел немецкое ругательство «доннерветтер». В его языке оно стало означать «революционер».

Вымышленным языкам требовались письменности. И мы придумывали их – множество письменностей на любой вкус: от причудливого слогового письма до латинского алфавита с дополнительными буквами. Помню, в одном из алфавитов, созданных мною, согласные обозначались синими буквами, а гласные – красными. Мне казалось, это соответствует характеру звуков: согласные – холодные, а гласные – теплые.

За много веков до нас с Пашей несуществующие языки привлекали внимание богословов. Впрочем, их волновали не вымышенные миры, а мир горний. Средневековых ученых занимали вопросы: на каком языке Бог разговаривает с ангелами? На каком языке Бог общался с Адамом и Евой в раю? На каком языке говорили потомки Адама и Евы на строительстве Вавилонской башни?

О ЧЕМ ГОВОРЯТ АНГЕЛЫ?

Об ангельских языках писал апостол Павел в Первом послании к коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий» (13:1). Мысль о том, что у 9 ангельских чинов существует особый язык, на котором они славят Бога, есть и в трактате «О небесной иерархии», приписываемом современному апостолов Дионисию Ареопагиту (в настоящее время исследователи считают, что автором этого трактата был неизвестный богослов, которого принято именовать Псевдо-Дионисий Ареопагит. – Прим. ред.). Эти сочинения были популярны в Византии и на Руси. В средневековой Европе тайны ангельских языков постигали немецкая аббатиса Гильдегарда Бингенская и английские алхимики Джон Ди и Эдуард Келли. Жившая в XII веке Гильдегарда почиталась пророчицей, имевшей божественные видения. К ней часто обращались за советами римские папы и германские императоры. Возможно, во время видений она получи-

ла откровение о Lingua ignota – «языке незнаном». В сочинениях Гильдегарды встречаются написанные на нем слова. Но до сих пор непонятно, зачем аббатиса создала его. То ли она так представляла себе речь ангелов. То ли это был идеальный человеческий язык, на котором христианин должен был обращаться к Богу.

В конце XVI века Джон Ди и Эдуард Келли были известными в Европе астрологами, алхимики и каббалистами. Джон Ди утверждал, что умеет вызывать духов. А Эдуард Келли уверял, что способен превращать неблагородные металлы в золото. Однако сверхъестественные способности не сделали алхимиков ни богатыми, ни счастливыми. Келли был то ли казнен, то ли тайно убит по приказу императора Рудольфа II, которому наобещал горы золота. А Ди скончался в полной нищете.

Пожалуй, из всего наследия Ди и Келли наиболее любопытен енохианский язык (Enochian), который алхимики называли «ангельским», «небесным» и «священным». Якобы на нем говорили духи, которых вызывали Ди и Келли. Возможно, енохианский язык имеет некоторое отношение к знаменитому манускрипту, известному как «Рукопись Войнича»: существует мнение, что именно Ди и Келли продали Рудольфу II эту загадочную книгу, написанную на неизвестном языке неизвестными письменами.

Об алхимических и каббалистических занятиях Джона Ди знали в России (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2020 год, статья «Джон Ди vs Борис Годунов». – Прим. ред.). Его сын Артур Ди, известный на русской службе под именем Артемия Ивановича Дия, около четырнадцати лет провел в Москве, состоя придворным врачом при царе Михаиле Федоровиче (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2022 год, статья «Алхимист императора всея Руси». – Прим. ред.). В России Артур Ди составил небольшое алхимическое сочинение

Fasciculus chemicus («Химическая коллекция»).

Труд Артура Ди, написанный на латыни, остался неизвестен русским читателям. Зато им были отлично известны сочинения Дионисия Ареопагита. И в середине XVII века, когда начался раскол Русской церкви, отечественные книжники вспомнили об ангельских языках.

Слово «аллилуйя», часто применяемое в христианском богослужении, восходит к древнееврейскому словосочетанию halelu Jah, которое можно перевести как «слава Яхве», «слава Господу», «славьте Яхве», «славьте Господа». По византийскому и русскому церковному обычью было принято произносить сугубую (двойную) «аллилуйю»: «Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже». Считалось, что выражение «слава Тебе, Боже» соответствует слову «аллилуйя». Получалось тройное славословие трех лиц Троицы – Отца, Сына и Святого Духа. Во время богослужебных реформ царя Алексея Михайловича и патриарха Никона была введена трегубая (тройная) «аллилуйя»: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже». Противники реформ – старообрядцы указывали на то, что таким образом славословие Троице четверится и тем самым вводится ересь.

С трегубой «аллилуйей» русские познакомились еще в XVI столетии. Против нее выступал Максим Грек, называвший такое славословие латинским обычаем. А сугубую «аллилуйю» Максим считал апостольским преданием, полученным от ангелов. Во второй половине XVII века споры об «аллилуйе» возобновились.

Вождь старообрядцев протопоп Аввакум вспоминал в своем Житии сочинения Дионисия Ареопагита об ангелах: «Дионисий пишет о небесных силах, возвещая, как хвалу приносят Богу, разделяя девять чинов на три троицы... Сия троица, славословия Бога, воскликают: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» По алфа-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

виту, «аль» – Отцу, «иль» – Сыну, «уйя» – Духу Святому».

Постепенно забылись споры о вере между сторонниками старого и нового обряда, забылся и ангельский язык. Люди все реже обращали взоры к небу и все чаще смотрели себе под ноги. XVIII–XIX века – время расцвета науки и техники. Человек становится до уныния практичным. И если думает о несуществующих языках, то исключительно ради собственной пользы.

ЯЗЫКИ ИСКУССТВЕННЫЕ И ИНОПЛАНЕТНЫЕ

В XIX столетии появляются первые искусственные языки, призванные если не объединить всех людей в одну семью, то хотя бы облегчить общение между народами. Самым сложным и неудобным из них был волапюк, придуманный католическим священником Иоганном Шлейером из Германии. А самым успешным стал язык эсперанто, созданный гражданином Российской империи Людвигом Заменгофом. В каком-то смысле эсперанто стал образцом для последующих языководоровцев: простая грамматика, правила без

исключений и, конечно, благозвучие.

На фоне экспериментов Шлейера и Заменгофа по-особому смотрится языковорчество русских поэтов и писателей. К нему одним из первых обратился Велимир Хлебников. В 1908–1909 годах он создал такое стихотворение:

Бобэби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээ пелись брови,
Лиээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гээ пелась цепь.
Так на холсте каких-то
соответствий

Вне протяжения жило Лицо.

Перед нами попытка перевести черты человеческого облика с земного языка тела и анатомии на горний язык поэзии и музыки. Из всех слов, придуманных Хлебниковым, только «гзи-гзи-гээ» можно объяснить, уподобив позывканию цепи. Остальные слова – поэтический вымысел стихотворца, находящийся «вне протяжения» земных условностей.

Языковые эксперименты не были чужды и Николаю Гумилеву. В июле 1921 года поэт написал стихотворение «На далекой

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

звезде Венере». В нем есть такие строки:

На Венере, ах, на Венере
Нету слов обидных или властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.
Если скажут «еа» и «аи» –
Это радостное обещанье.
«Уо», «ао» – о древнем рае
Золотое воспоминанье...

Современная наука доказала, что планета Венера непригодна для жизни. Но в начале XX века многим думалось, что на ней могут обитать существа не только живые, но и разумные. После того как в 1761 году Михаил Ломоносов открыл атмосферу Венеры, даже ученые не исключали возможности существования на ней жизни. Сам Ломоносов предвидел: «Читая здесь о великой атмосфере около помянутой планеты, скажет кто: подумать-де можно, что в ней потому и пары восходят, стущаются облака, падают дожди, протекают ручьи, собираются в реки, реки втекают в моря, произрастают везде разные прозябания, ими питаются животные... Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано

ли им Евангелие? Крещены ли они в веру Христову?»

Ломоносов допускал, что на Венере живут «тамошние люди». В русских газетах конца XIX – начала XX века иногда появлялись заметки о том, что, возможно, под непроницаемым покровом облаков на планете существует некая цивилизация, подобная человеческой. Полеты на Венеру будоражили воображение писателей. В 1913–1914 годах в Петербурге были изданы два «астрономических романа» – «По волнам эфира» и «Острова эфирного океана», подписанные именем некоего Бориса Красногорского. В романах рассказывалось о полетах на Венеру на космическом корабле «Победитель пространства».

В книгах Красногорского Венера предстает допотопной Землей – планетой каменноугольного периода. Члены команды «Победителя пространства» находят на планете стрекоз и хвощи, что позволяет им сделать вывод: «Собственно говоря, уже этих двух находок – стрекозы и хвоща – достаточно, чтобы прийти к твердому заключению о единстве жизни в мироздании. Сходные с земными условия порождают и тождествен-

ную земной фауну и флору. Мы на другом мире, но пока, в сущности, почти этого не замечаем».

Однако даже неискушенный в астрономии обыватель понимал, что Венера слишком близко расположена к Солнцу. Жар светила губителен для жизни на планете. В итоге писатели и журналисты, увлеченные поиском внеземной цивилизации, устремили свои взоры к Марсу. И хотя в 1907 году британский ученый Альфред Расел Уоллес убедительно доказал, что и эта планета непригодна для обитания, американский писатель Эдгар Берроуз в 1912 году выпустил в свет роман «Принцесса Марса». С него началась устойчивая литературная традиция отправлять земных путешественников на Марс или искать на нем следы погибшей высокоразвитой цивилизации.

Не устоял перед марсианским соблазном и «красный граф» Алексей Толстой. В романе «Аэлита», вышедшем в 1923 году, он отправил на Марс космический корабль с инженером Мстиславом Лосем и солдатом Алексеем Гусевым. В отличие от Красногорского Толстой не ограничился стрекозами и хвощами. На Марсе он

коллаж Анжели Бузбевой

создал целый мир со своей географией и биологией, историей и языком.

Встретившись с марсианами, пришельцы с Земли узнают первые инопланетные слова. Марсианин «легким движением руки указал на Солнце и проговорил знакомый звук, прозвучавший странно:

– Соацр.

Он указал на почву, развел руками, как бы обхватывая шар:

– Тума.

Указав на одного из солдат, стоявших полукругом позади него, указал на Гусева, на себя, на Лося:

– Шохо.

Так он назвал словами несколько предметов и высушал их значение на языке Земли».

Землю марсиане называют «птичьим словом» Таллцел. Имя Аэлита, которое носит дочь «властелина» надо всеми странами Тумы, происходит от слов «аэ» – «видимый в последний раз» и «лита» – «свет звезды». В первом слове Лосю, влюбленному в Аэлита, представляется печаль, во втором – ощущение серебристого света. «Так язык нового мира тончайшей материи вливался в сознание», – писал Толстой.

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Вообще, некоторые писатели, создающие языки для своих миров, склонны в одно короткое слово вмешать значение, обыкновенно выражаемое несколькими словами. Получается весьма образно: слово одно, а какой глубокий смысл скрыт в нем! Вот, например, толстовская «лита» не просто свет, а свет звезды.

Этим многие придуманные языки похожи на наречия народов, мироощущение которых можно назвать архаичным. В «Слове о словах» Лев Успенский рассказал о североамериканских индейцах, которые используют разные глаголы для того, чтобы сказать «ищите пирогу для нас!» и «ищите пирогу для них!», «найдите вигвамы для нас» и «найдите вигвамы для них». Эскимос различает «падающий снег» и «снег, лежащий на земле». Нивх никогда не скажет «человек стрелял», но непременно добавит, в кого стрелял – в утку, в чайку или в белку. Также в нивхском языке существуют разные числительные для длинных, коротких и круглых предметов. А австралийский абориген

по-разному считает пальмы, казуарину и папоротники.

Успенский писал: «У многих народов Севера – лопарей-саами, чукчей, ненцев и других – существует множество (у саами более двух десятков) слов для отдельных видов снега, напоминающих наши русские «наст», «крупа», «поземка». Можно подумать: так вот ведь и у нас такие есть! Но разница огромная: у нас есть и они, и общее слово «снег»; а там существуют только они».

С одной стороны, архаичное мироощущение избыточествует частностями, а с другой – склонно к обобщениям. Недаром старик-гольд Дерсу Узала из повестей Владимира Арсеньева называет все живые существа словом «люди». Даже кабаны для гольда «люди». «Его все равно люди, – объясняет Дерсу, – только рубашка другой».

Эта удивительная способность архаичного сознания к обобщению вполне выражена в главии романа американской писательницы Урсулы Ле Гуин «Слово для леса и мира одно». В книге Ле Гуин жители далекой планеты используют слово «атши» (athshe) для того, чтобы

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУЛГАКОВОЙ

обозначить и мир – свою планету, и лес, ее покрывающий.

Не избежал соблазна языкового эксперимента и Юрий Олеша. В его повести «Три толстяка», написанной в 1924 году, упоминается некий «язык обездоленных». На нем имена главных героев книги, наследника Тутти и циркачки Суок, означают соответственно «Разлученный» и «Вся жизнь».

Любопытно, что стихотворение Гумилева, «Аэлита» и «Три толстяка» были написаны практически в одно время. После революции отечественная литература искала новые способы выражения, новые формы. В России ставился небывалый эксперимент: «Мы наш, мы новый мир построим». Все казалось возможным, даже новые языки. Недаром изначально советская власть приветствовала и поддерживала изучение эсперанто.

Новый мир, новые языки, новый человек... Неслучайно в то же время, в 1925 году, Михаил Булгаков написал повесть «Собачье сердце». Два ученых – профессор Преображенский и доктор Борменталь – создают нового человека: «Новая об-

ласть открывается в науке: безо всякой реторты Фауста создан гомункул. Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу». Как мы помним, эксперимент профессора Преображенского не удался.

В XX веке люди, устав от войн – прямых последствий развития науки и техники, в поисках утешения обратились к сказке, мифу, легенде. Поиски эти привели к расцвету научной фантастики и фэнтези, породивших множество вымыщленных миров.

Особая роль здесь принадлежит Джону Рональду Руэлу Толкину – признанному знатоку древнеанглийского и английского языков. Особое внимание он уделял наречиям, на которых говорят народы, населяющие созданный им мир. Они продуманы до мельчайших подробностей, поэтому после «Властелина колец» попытки разных писателей создать языки для героев своих книг выглядят чуть ли не плагиатом.

Настоящим советским Толкином, к сожалению, подзабытым, можно назвать писателя Александра Волкова. Начав с «Волшебника Изумрудного го-

рода» – вольного пересказа «Волшебника из страны Оз» американского писателя Фрэнка Баума, Волков создал свой сказочный мир, только нарочитой детскостью отличающийся от мира «Властелина колец».

У Волшебной страны Волкова своя география и биология, история и языки. Там водятся саблезубые тигры и летучие обезьяны, драконы и гигантские орлы. Там живут волшебники и великаны, людоеды и гномы. Конечно, там существуют и свои языки. Однако, в отличие от Толкина, Волков не занимался составлением словарей и грамматик. Он ограничился собственными именами: волшебник Гуррикал, орел Карфакс, лань Ауна и проч.

Иключение составляет «Тайна заброшенного замка» – последняя повесть о Волшебной стране, в которой Волков или его возможный соавтор, дорабатывавший книгу после смерти писателя, уделил большое внимание языку менвитов – пришельцев с планеты Рамерия, намеревавшихся захватить Землю. Читатель узнает, что космический корабль инопланетян назывался «Диавона» – на их языке это означало «Неуловимый». Землю менвиты назвали «Беллиора», а свой лагерь в Волшебной стране – «Ранавир» («Надежное убежище»).

«Тайна заброшенного замка» могла стать для Волкова переходной ступенью от фэнтези к научной фантастике, от сочинений, подобных книгам Толкина, к космическим эпопеям Ивана Ефремова. Взрослуому читателю последняя повесть Волкова покажется излишне ребяческой, но в 1986 году мне и Паше она чрезвычайно понравилась. Прочитав ее, мы долго бредили межпланетными войнами, космическими кораблями и лучевыми пистолетами.

Книги Волкова были настоящим дефицитом. В Москве их было не достать. И нам присыпал их из Кандалакши двоюродный дедушка Борис Казачкин. Но это уже совсем другая история... ☺

УЗОРОЧЬЕ РУССКОЙ НАБОЙКИ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА ЭТИМ РЕМЕСЛОМ ЗАНИМАЛИСЬ МУЖЧИНЫ. В НАШИ ДНИ ЕГО ВОЗРОЖДАЮТ В ОСНОВНОМ ХРУПКИЕ ЖЕНЩИНЫ. МАСТЕРИЦЫ ИЗ РАЗНЫХ УГОЛКОВ РОССИИ ЗАСУЧИВ РУКАВА ПОСТИГАЮТ ТАЙНЫ ТОЛЬКО НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД ПРОСТОГО ИСКУССТВА РУССКОЙ РУЧНОЙ НАБОЙКИ.

ЧТОБЫ ОВЛАДЕТЬ ЭТИМ ремеслом, нужно разобраться в красящих свойствах растений и научиться правильно смешивать краски и составы, закре-

пляющие их на ткани. А также быть художником, под рукой которого расцветают на холсте нарядные узоры, корнями уходящие в русское народное искусство.

Мастер ручной набойки из Санкт-Петербурга Катерина Кондратьева рассказывает о традиционных узорах на примере старинного набивного платка из личной коллекции

РОДИНА НАБИВНОГО ДЕЛА

Искусство украшения текстиля орнаментом насчитывает не одну тысячу лет. «Искусство украшать ткани, – отмечал профессор Николай Николаевич Соболев в своем труде по истории набойки, – очевидно, при-

шло на смену искусству украшать себя. Татуирование тела сменилось раскрашиванием от руки одежды».

В различных регионах Древнего мира применялись разные технологии декорирования текстиля: ручная роспись, печать на ткани, вышивка, узорное ткачество. Роспись ткани перьями, палочками, кистями считается самым ранним из них. Постепенно она трансформировалась в печать на ткани, позволявшую быстрее воспроизводить рисунок. Один из ее видов получил название «ручная набивка» или «набойка». Именно ткань, по выражению знаменитого российского книговеда Евгения Львовича Немировского, стала «первым материалом, на котором люди научились оттискивать красочные изображения». Тем самым печать на ткани стала предтечей книгопечатания.

Для самой простой набойки современные мастера могут самостоятельно не смешивать пигменты, а применять готовые краски для ткани

Способ набивания узоров на ткань мало изменился за прошедшие тысячелетия

Деревянная доска с вырезанным орнаментом покрывалась краской, плотно прижималась к полотну, а затем мастер простукивал ее киянкой, набивая рисунок на ткань. Это и есть самый ранний и наиболее простой метод набойки. Неслучайно тех, кто занимался «наведением узоров», на Руси называли набойщиками, а порой – «колотильщиками». Полученные таким способом узорчатые ткани тоже получили название «набойка», иногда «выбойка», что зависело от вида используемой деревянной формы и ткани: по льну – набойка, по хлопчатобумажной ткани – выбойка.

С глубокой древности искусство набивать узоры на ткань было широко распространено на Востоке. Большинство историков считают, что «раскрашивание тканей, достигшее высокой степени совершенства в Индии», «изобилие красящих веществ и высокая культура хлопка» «заставляют предполагать в этой стране родину набивного дела». О пестрой одежде из тонких материй, которую носили древние индийцы, писали многие древнегреческие и древнеримские историки и географы.

Из Индии умение украшать ткань красочными узорами распространилось в другие страны Азии и Африки. Геродот упоминал о жителях каспийского побережья, которые в VI веке до н.э. наносили столь прочные изображения различных животных на свою одежду с помощью краски из растения синильный красильник (современная вайда. – Прим. авт.), что «узоры эти не смываются, а истираются только вместе с шерстяной [матерью, на которую их наносят], как будто бы они были вотканы в материю с самого начала». В Древнем Китае орнаменты набивали на струящемся шелке, а в Египте эпохи римского правления – на тончайшем льняном полотне. В Византии, требовавшей роскоши и великолепия, «ткани набивались не только одними красками, но и растворами золота и серебра».

БОГОУГОДНОЕ ЗАНЯТИЕ

На Руси появление печатных материй относят к X–XI векам. Именно этим временем датируют кусочки шерстяной домоткани с набивными узорами, обнаруженные в XIX веке археологом Дмитрием Яковлевичем Самоквасовым в курганах у села Левенка Стародубского уезда (современная Брянская область. – Прим. авт.). Большие круги с крестами внутри нанесены черной краской на ткань, бывшую когда-то красной. Прибыла ли она из Византии или только повторяет византийские тканые узоры на шелке, ученые выясняют до сих пор. Как и то, пришло ли искусство набивать ткани на Русь напрямую с Востока через Волжский торговый путь или же из Византии, славившейся искусствами красильщиками тканей.

На заре Древнерусского государства набивное дело впервые было освоено в монастырских и княжеских мастерских. Одними из первых специалистов, работавших по украшению тканей, считаются иконописцы-травщики, знавшие секреты составления красок и умевшие писать «травы», то есть растительные узоры, на иконах и стенах церквей. В обителях набивными узорами покрывали ткани для богослужебной утвари: «покривала, пелены и воздух выбойчатые», «пелена выбойчатая, обложена крашениною травчатою». Набивные материи шли и на переплеты церковных книг: «да на престоле евангелие облачено выбойкою, а на нем крест медян». Из них также шили облачения священников: «двои ризы крашенинных, травчатых», стихари и фелони с цветочным узором. В дальнейшем так и закрепилась за набивным делом слава богоугодного занятия.

В княжеских мастерских мастера-красильщики пестрили узорами льняные полотна, иногда шерстяные материи или призванные шелка. «В древней Руси набойка была распространена в высшем классе общества, – считал большой знаток декора-

И в ранней льняной набойке, и в более поздней на ситцах мастера черпали вдохновение для узоров в родной природе. Платок «Товарищества мануфактуры бр. Рубачевых». Шуя. XIX век. Музей истории русского платка и шали

Платки с ручной и механической набойкой из собрания Музея истории русского платка и шали. XIX – начало XX века

тивного искусства того периода Алексей Иванович Некрасов, – так как узорчатые тканые материи Востока и Запада, бархатные, шелковые, парчовые, были очень дороги и шли на исключительные предметы одежды и

быта». С XVII века мастера начнут набивать узоры и на призванных хлопчатобумажных тканях – ситцах.

Довольно скоро мастерством красочного узорочья овладели и городские ремесленники. «С появлением городов, – замечала исследователь старинных набивных тканей из собрания Государственного исторического музея Лидия Якунина, – ткани стали предметом торговли, и мастера-красильщики, заинтересованные в наибольшем сбыте товара, наводили вручную узоры на тканях, заменяя этим способом медленные и трудоемкие процессы вышивания или узорного ткачества».

По словам Якуниной, к XVI–XVII векам «набивные ткани, благодаря их красочности и сравнительной дешевизне, широко применялись в быту русского народа». Они стали, говоря современным языком, продукцией масс-маркета. Об этом свидетельствуют и иностранцы, посещавшие в то время нашу страну. Так, Иоганн Кильбургер, участник шведского посольства в Москву в 1674 году, описывая в своем трактате русскую торговлю льняным полотном, заметил, что русские «умеют давать

ему прекрасный глянец и много этого полотна набивается в Москве большими и малыми цветами разных красок и продается по сходной цене».

Узоры изначально копировались с дорогих привозных тканых материй Востока и Запада. Миндалевидный восточный огурец, цветы мелких гвоздик, плоды граната, тюльпаны и ирисы, маки и чертополох, перевитые вьющимися стеблями и богатой листвой, стали прекрасными образцами, на которых воспитывались отечественные мастера. Однако довольно скоро они научились придавать самобытную оригинальность печатным рисункам. «Главным руководителем был вкус народа, – писал Николай Соболев, – избегавший слепого подражания иностранцам, но перерабатывающий и усваивающий новые формы, сообразно с пониманием народного творчества». Яркий пример – сохранившийся в Оружейной палате Кремля верх походного шатра царя Алексея Михайловича второй половины XVII века, подбитый великолепной живописной набойкой, узор которой состоит из таких знакомых и родных цветов подсолнуха, васильков и ягод ежевики.

И В ПИР, И В МИР, И В ДОБРЫЕ ЛЮДИ

XVII – первая половина XIX века – это время расцвета на боевого дела в России. Городское ремесло очень быстро про никло в крестьянскую среду и на несколько веков стало изюбленным народным способом оживлять ткань узорами. Из набивных тканей шили женские сарафаны – «пестрядильники», «набоешники», «набивальники», «печатники». Набойка шла на головные платки, мужские ру

бахи и порты. Ею подбивали кафтаны, душегреи, кокошки. Узорными холстами украшали стены домов, делали занавеси, столешники, полавочники и даже знамена. Крытые выбойкой одеяла входили в состав приданого. Разузоренные ткани годились «и в пир, и в мир». Набивным промыслом занимались в основном в центральных и северных губерниях России, что было обусловлено трудностями с ведением сельского хозяйства, близостью главных торговых путей и знаменитыми ярмарками. Пальму первенства держали Московская и Владимирская губернии – старейшие текстильные регионы страны. Позднее эта роль перешла к отдаленным губерниям Русского Севера, куда во второй половине XIX века искусство русской ручной набойки было вытеснено производством ярких и дешевых фабричных ситцев.

Мастера-красильщики, они же набоешники, синильщики, пестрядильники, набивали холсты в собственных избах или мастерских. Затем продавали их в крашенинных торговых рядах и на ярмарках. Некоторые занимались отхожим промыслом, переходя из деревни в де

Старинный сарафан из Музея истории русского платка и шали сшит из льняной ткани с кубовой набойкой

Современные манеры с узором из тонких металлических гвоздиков.
Автор – Валерий Голубев

ревню, от дома к дому и громко вопрошая: «Хозяюшка-матушка, есть ли пряжу красить, холсты синить, новины бить?» «Новинами» в Вятской и Костромской губерниях называли тонкую льняную домотканину. Переходящие мастера брали с собой длинный рулон ткани с отпечатанными на нем рисунками – манерник, или заказник, своего рода узорный каталог. По нему деревенские модницы могли выбрать понравившийся рисунок и заказать его набивку на собственной домоткани.

Главными по «пестрению холстов» были, как правило, мужчины. «Мы мужики по званью и художники по призванью. Искони втянулись в ремесло и достигаем мастерства», – говорил красильщик-набойщик Фатьян из рассказа «Дождь» сказителя историй поморов Бориса Шергина. Такая работа требовала сильных рук, зоркого глаза, художественного чутья. Сила была нужна, чтобы справиться с массивными и тяжелыми набойными досками – манерами. Их размер чаще всего соотносился с шириной домотканого холста и составлял 30–40 сантиметров. В паре с ними использовались узорные доски поменьше – цветочки. Их количество соответствовало используемым при набойке рисунка краскам: для каждого цвета была своя цветка – такая вот игра слов.

Резали манеры специальные мастера – манерщики. Особенно славились этим искусством Рязанская и Тверская губернии. Узорные доски тамошней работы разлетались на ярмарках по всей России. За годы работы у

Набивные ткани покоряли наших прапрабабушек ярким, праздничным колоритом.
Шарф из коллекции Музея истории русского платка и шали

Вырезание сложных, витиеватых узоров требовало от резчика манер и цветок особого мастерства

каждого набойщика собиралась целая коллекция манер и цветов. Неслучайно поговорка «всяк на свой манер» относилась и к резчикам манер с набойщиками, ведь у каждого из них были свои излюбленные узоры.

С конца XVIII века манеры начали уменьшаться в размерах. «Самые доски, на которых печатались холсты, из больших, с энергичным крупным резным узором, превратились в миниатюрные с узором накладным медным, – отмечал художник Иван Билибин после своих путешествий в 1904 году по Русскому Северу и знакомства с историей народного промысла. – Эти доски старого образца теперь догнивают в деревнях, и бабы прикрывают ими горшки со сметаной». Однако те из них, и старого и нового образ-

ца, что сохранились до наших дней, сегодня ценятся наравне с узорными тканями и красуются на экспозициях в музеях как самостоятельные произведения декоративно-прикладного искусства.

Трудились набойщики не за страх, а за совесть, ведь «русский мастер у работы радоваться хочет», – говорил все тот же Фатьян. Деревенских девок да баб, покупавших у него узорную красу, он напутствовал: «Желаю всем эти обновки сто лет носить, на другую сторону переворотить да опять носить!» Целый век прошел с того времени, как почил набойный промысел, а набивные сарафаны и платки, поселившиеся теперь в музеях, все также впечатляющие прочны и ярки. В них хоть сейчас «в добрые люди» выходи!

СЕКРЕТЫ МАСТЕРОВ

Яркость узоров на ткани напрямую зависела от применяемых в работе красок. В ранней набойке использовали пигменты, разведенные на олифе, поэтому она называлась масляной. Самым древним и распространенным красителем был черный, получаемый из древесной сажи, а также красный, добываемый из растения марены и насекомого червеца. Набойщик Фатяян сказывал о том, откуда получали краски: «Вот полотно: под песню прядено, под сказку ткано, на мартовском снегу белено. Мы к ткачихину художеству свое приложили. Краски натуральные: от матушки сырой земли, и от коры березовой, осиновой, от дерева сандала, от ягод, от цветущих трав».

Русские умельцы владели также премудростью сложного кубового крашения, позволявшего окрашивать лен в стойкие и яркие оттенки синего цвета. Для этого использовали местное растение вайду или заморский краситель индиго. Нарядные белые узоры, проявлявшиеся на синем фоне в процессе крашения, часто расцвечивали от руки яркими «рябинками» или «оживками» красного, желтого, зеленого цветов, которые добавляли еще большей праздничности рисунку. Этим, как правило, занимались женщины. Лучше других синить холсты умели на Русском Севере – в Архангельской, Воло-

годской, Олонецкой, Новгородской губерниях.

Придумывая узоры, талантливые резчики манер и набойщики черпали вдохновение в травах, цветах, плодах деревьев. Не чужды им были и геометрические формы: круги, треугольни-

Современная скатерть кубового крашения с цветочно-травными узорами легким движением превращается в шаль.

Автор – Катерина Кондратьева

Яркие оранжевые «оживки» наносили на уже окрашенную ткань при помощи штампов и масляной краски

ки, кресты, звезды. Многие рисунки перекликались с узорами традиционной вышивки, кружева, деревянной резьбы, росписи. Однако, как подметил художник Иван Билибин, «содержание набоевого узора подчас еще богаче, чем вышивочного, так как самий материал (резьба по дереву) менее связывает творца его, чем ткань холста».

Как и в других ремеслах, в набивном деле существовала преемственность. Мастерство передавалось от отца к сыну, а мотивы рисунков и сами набоевые дошки переходили из поколения в поколение. Николай Соболев отмечал, что в XVII веке, «когда иконописцы и те поддаются западному влиянию, несмотря на особо строгое отношение к их мастерству, пестрядильники живут, как в заколдованным круге, их «цветки», т.е. печатные формы, отражают эпоху Иоанна Грозного в пышности и богатстве своих композиций и великолепном сочетании красок».

XVIII век привнес в народную набойку невероятные сюжетные композиции. Перекочевали на холст и прижившийся в русском народном искусстве грифон, и сладкоголосая птица-дева Сирин, и доблестный, но сегодня мало кому известный, «пречудный» богатырь Бова-королевич, и даже Александр Македонский, схватившийся в битве с царем «индийским» Пором. В Государственном историческом музее на набойке галантного века можно увидеть даму в пышном платье по европейской моде и кавалера, дарящего ей цветок. Сцену венчает фраза «Каво люблю, того и цветиком подарую». Все эти рисунки перешли в крестьянскую набойку с популярных лубочных картинок и книжных иллюстраций. Из тканей с такими рисунками, конечно, не шили одежду. В основном они применялись для занавесей, отделявших в избе кухонный угол от красного.

С середины XVIII столетия ручная ремесленная набойка стала интенсивно заменяться мануфактурным производством,

Ситцевый платок «Чертополох».

Механическая печать.

Начало XX века. Музей истории русского платка и шали

а льняные холсты – фабричными ситцами, сначала дорогими привозными, а затем – отечественными. Узоры на хлопковых тканях печатали более прогрессивными заварными красками, рецепты которых каждая мануфактура держала в строжайшем секрете. Первая русская ситценабивная фабрика возникла в 1753 году в Красном Селе под Петербургом. Ее устроителями были англичане Вильям Чемберлен и Ричард Козенс. О последнем Мануфактур-коллегия позднее писала, что он «всю Россию без недостатка удовольствовал своими изделиями». Успеху предприятия во многом способствовала господдержка, оказанная императрицей Елизаветой Петровной.

В XIX веке востребованность изделий ручной ремесленной набойки заметно снизилась. К концу столетия большинство крестьян пользовались дешевыми фабричными материями, выпускаемыми многочисленными ситценабивными мануфактурами страны. Самобытное и красочное искусство набивного узорочья долгое время продержалось на Русском Севере, ставшем своеобразным хранителем этого ремесла.

Современные дети с огромным удовольствием набивают узоры на ткань, придумывая собственные композиции

ИСЧЕЗАВШИЙ, НО НЕ ИСЧЕЗНУВШИЙ

В 1904 году Иван Билибин с грустью отмечал, что «набойка тоже почти вывелаась. Узор измельчился и часто из народного превратился в подражание ситцам». Годом позже ему вторил автор одного этнографического очерка народного быта, констатировавший, что набойщики «встречаются теперь в селах очень редко и не в большем числе, как последние могиканы исчезающего промысла». Почти на сто лет ручная набойка исчезла из обихода. Лишь изредка для создания единичных, практически

эксклюзивных, изделий применялся этот способ украшения ткани в советское время, например для набивания знаменитых павловопосадских платков.

В наши дни интерес к вещам, созданным вручную неуклонно растет. Слишком много стало вокруг всего искусственного, пластикового, однодневного. Уже не просит – требует душа натуральных тканей из льна, выращенного, собранного и спрятанного трудолюбивыми мастерами, да сотканного из него холста, изукрашенного дивными набойными узорами.

В разных уголках страны – Москве и Санкт-Петербурге, Челябинске и Тюмени, Иванове, Каргополе и Архангельске – энтузиасты начинают «наводить вручную узоры на тканях». С многолетнего исследовательского труда Галины Александровны Федоровой из Владимира началось возрождение в России сначала масляной, а затем и кубовой ручной набойки. В Калужской области уже признанный мастер Вера Голубева в домашней мастерской-красильне воспроизводит способом кубового крашения многовековые набивные узоры, для которых виртуозно создает манеры ее муж Валерий. Такие серьез-

Оригинальные штампы для набойки из коллекции Катерины Кондратьевой

Современные мастера Катерина Кондратьева и Вера Голубева, обращаясь к традиционной набойке и крою, создают модные образы

ные творческие коллективы, как «Русские начала» (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2019 год, статья «Хранители». – Прим. ред.), реконструируя традиционные русские костюмы, обращаются к Голубевым за набивными тканями с подлинно старинными рисунками. А Катерина Кондратьева из Санкт-Петербурга создала целую «Мастерскую набойки» в центре Северной столицы, активно приобщая и просвещая всех интересующихся.

Ежегодным местом встречи мастеров и почитателей стариинного ремесла с недавних пор стал Павловский Посад. С 2019 года Музеем истории русского платка и шали здесь проводится День русской набойки. В окружении подлинных произведений самобытного народного искусства, завораживающих богатством красочных набивных узоров и мастерством их исполнения, проводятся мастер-классы для детей и взрослых по верховой набойке и даже сложному кубовому крашению. Специалисты на круглых столах обсужда-

ют не только историю набойного промысла в нашей стране, но и то, как сделать набойку вновь любимой и модной, особенно у молодежи. Проходят показы стильных коллекций одежды и аксессуаров, в которых набойка так удивляет свежестью современного прочтения, что хочется непременно обзавестись предметом одежды цвета синего неба с облачками кипенно-белых узоров. Почти 150 лет назад «могучий борец за самобытное искусство», прославленный историк искусств

Вера Голубева – известный мастер кубовой набойки, коллекционер традиционных народных тканей и костюмов, художник-модельер

Владимир Стасов сформулировал послание творцам, которое не утратило актуальности и сегодня. «Если взглянуть на русские народные узоры со стороны чисто-художественной, эстетической, то нельзя не найти здесь любопытные и полные вкуса образцы такой игры линий, такой мастерской распорядительности с самим узором и с промежуточными его фонами, которые свидетельствуют об очень значительном художественном чутье и опыtnosti, и должны оказаться драгоценным руководством и советом современному нашему художнику, когда он пожелает творить в области и в характере национального искусства».

Обширное наследство узорочья стариинной русской ручной набойки, бережно сохраненное в музеях, – то самое «драгоценное руководство», которое сегодня вдохновляет уже новых творцов. Поэтому, вторя словам Ивана Билибина, «будемте же копаться в старых тряпках, на которых истлевшими нитками начертаны старинные узоры, в полуставивших набоечных досках, во всем старом, обратившемся в прах и пепел и попробуем поверить, что из этого пепла вылетит обновленная птица Феникс».

«Синие ночи
Кенозерья».
Модельер –
Николай Терюхин,
кубовая набойка –
Елена Дикова

НА СВОЙ МАНЕР

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

ПАВЛА ДИКОГО

ЕЩЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА ФАБРИЧНЫЕ СИТЦЫ СЧИТАЛИСЬ РОСКОШЬЮ, ТОРГОВЫЕ ЛАВКИ В ДЕРЕВНЯХ БЫЛИ РЕДКОСТЬЮ, А СТРАНСТВУЮЩИЕ КОРОБЕЙНИКИ НЕ МОГЛИ ЗАБРЕСТИ В КАЖДЫЙ МЕДВЕЖИЙ УГОЛ ОГРОМНОЙ ИМПЕРИИ. НО ЭТО НЕ МЕШАЛО РУССКИМ КРЕСТЬЯНКАМ НАРЯЖАТЬСЯ.

В

СЯКАЯ ИЗ НИХ БЫЛА

способна подготовить
себе приданое и свадеб-

ный наряд. Однако и
они нуждались в помощи. И она
приходила. Синильщики, они же
крашенинники, синильники,
красильники, колотильщики и
выбойщики – мастера особого,
кубового окрашивания ткани, –
меняли цвета льняных сарафа-
нов и рубах, шерстяных юбок и
передников с невзрачного серого
и бежевого на всевозможные от-
тенки индиго. Набивным делом
кормились целые уезды. С се-
кретами этого ремесла нас по-
знакомила научный сотрудник
Каргопольского историко-архи-
тектурного и художественного
музея Архангельской области,
художник декоративно-приклад-
ного искусства Елена Дикова.

...Как в реальности выглядит ку-
бовая набойка, я увидела этим
летом. По слухам Фестиваля тра-
диционных знаний Кенозерский
национальный парк устроил для
гостей концерт. На поляне стоя-
ла высокая сцена. Стройные де-
вушки в нарядах, где в тканях
читались реплики традиционно-
го северорусского костюма, а в
кюре – современная чистота ли-
ний, шагали перед сидящими
под открытым небом зрителя-
ми. Жакеты цвета припыленного
абрикоса были скроены из льня-
ного полотна, грубого и фактур-
ного. А тонким ситцевым юбкам,
рубахам, сарафанам досталась
синева. По васильковому и чер-
нильному полу кубовых набив-
ных тканей вились то ли белая
изморозь, то ли созвездия, цвели
мелкие ромашки и крупные розы-
ны, колыхались стебли растений,
плыли рыбы, летели голуби.

Идеи для своих коллекций ар-
хангелогородский модельер Ни-
колай Терюхин находит в ста-
ринных сундуках. Уроженец
Пинежья, Николай много ездит
по области, изучает у старожилов
доставшиеся им в наследство са-
рафаны, разглядывает цвета и
узоры. А потом на свет появляют-
ся коллекции – такие, как «Синие
ночи Кенозерья», которые не мог-
ли бы состояться без возрожден-
ного искусства кубовой набойки.

ВАПА И ИНДИГО, МАТУРА И ВАЙДА

Набойкой называют рисунок по ткани, повторяемый с помощью специальной доски с узором – манеры. В отличие от кропотливой и всегда неповторимой вышивки манера позволяла быстро наносить узор на отрезы материи. За эту простоту и красочность набивные ткани в крестьянской среде любили и ценили. Мастера, придумывавшие узоры, создавали порой настоящие произведения декоративно-прикладного искусства.

Набойка могла быть многоцветной – число цветов красок соответствовало количеству досок, которые одну за другой накладывали на ткань. Фон мог остаться незакрашенным, тогда набойку называли «белоземельной». Если же на манеру наносили специальный состав «резерв», или вапу, а потом красили всю ткань, получалась «кубовая» набойка. Состав вапы таил свои секреты. В нее входили известь, вишневый гуммиарабик, соли меди, глины – всего семь ингредиентов. Сначала на холсте отпечатывали манерой с вапой узор, а затем опускали холст в «куб» – раствор индиго – и тщательно перемешивали длинным шестом. После этого вапу, сохраняющую естественный цвет полотна, с узора удаляли. Не защищенная «резервом» ткань окрашивалась в синий цвет, поэтому называлась «силюхой», а узор под вапой оставался белым.

В старину преобладающим цветом в одежде восточных славян был близкий к белому натуральный цвет конопляной или льняной пряжи и овечьей шерсти. Однако такая одежда быстро пачкалась, поэтому белые ткани, как только их научились красить, стали менять на цветные. Сначала домотканые холсты красили только с помощью местных растений. Черный цвет получали с помощью сажи древесины хвойных пород. Красный цвет давал по-

рошок из сущеного корня матуры – подмаренника северного (*Galium boreale*). Синий и зеленый цвета давал отвар листьев дальней родственницы капусты – красильной вайды (*Isatis tinctoria*). Растения сушили, затем кипятили, в полученный отвар клали пряжу, полотно, сукно и снова кипя-

«Каргопольские диковинки». Модельер – Николай Терюхин, художник – Елена Дикова

тили, оставляя на ночь в горячей печи.

А краску индиго, которую везли в Россию из-за рубежа, делали из листьев индийского кустарника – индигофера красильной. Листья индигофера собирали, складывали в чан, варили, затем сушили на солнце и перетирали в порошок. При создании кубовой набойки использовали индиго, изредка – вайду, поэтому ткань всегда получалась только синего цвета. Опытные синильщики могли добиться почти любого его оттенка.

Свои тонкости были и у использования манеры. На доски налипала краска, их приходилось часто мыть, поэтому резали манеры из твердых пород дерева: клена, ореха, груши, на Севере – из березы. Чтобы доска не рассыхалась, дерево скрепляли слоями, вдоль и поперек, и она становилась похожа на многослойный пирог.

Резчиками досок для набоек на Севере нередко были мастера, украшавшие резьбой поморские шхуны и корабли. Технологии резьбы манер развивались, рисунок набойки становился сложнее. В XVIII веке резные доски стали дополнять вставками из скоб, изогнутых медных полос и гвоздиков со шляпками и без них. Доски, где узор набирался из медных пластин, проволоки, гвоздей, называли «наборными».

Для удобства размеры набивных досок соотносились с шириной домотканого холста. Перед резчиками и наборщиками стояла задача передать узор так, чтобы он красиво лежал на ткани. В мелких геометрических узорах по ткани шли горошины, круги, косые сетки с цветками, полоски, черточки. В крупных узорах ветвились и переплетались стебли с плодами, цветами и листьями. Резьба крестьянских изб, вышивка, печные изразцы, природа подсказывали резчикам новые образы для манер.

СИНЬ «ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗКИ»

Как же делали кубовую набойку? Хотя мастера хранили втайне свои рецепты, в целом состав компонентов красителей, закрепителей и подготовительных растворов был примерно одинаков. Большое значение имели пропорции, время выдержки, способы приготовления.

Очень популярен был так называемый «содовый куб», когда пшеничные отруби нагревали в течение часа, затем охлаждали и добавляли хорошо смешанные индиго, соду и гашеную известь. Емкость прикрывали и оставляли на два-три дня: после брожения смесь превращалась в янтарно-желтый куб с синевато-красной пленкой. Чтобы брожение шло правильно, нужно было все время поддерживать раствор теплым. Для окраски брали сначала только половину полученного куба, так называемую «матку», и смешивали с водой, в которой была растворена сода. Тонкости крашения в горячем кубе сегодня, увы, утеряны.

Холодный способ крашения давал более стойкую окраску. При нем холст с нанесенной вазой узором вешали слоями на «баран» – закрепленный на блоке деревянный обруч с железными крюками или гвоздями с внешней стороны – так, чтобы слои ткани не соприкасались. Под «бараном» ставили бочку с раствором индиго и погружали холст в темно-синий, почти черный, раствор кубовой краски. Это был первый прокрас, который зани-

Штампы
«Морошка»,
«Цветок», «Лев»,
выполненные
для международ-
ного проекта
Northword
Storytagging
Кенозерского
парка

Прокрашенная
ткань

Крашение в «кубе».
Первый прокрас

мал десять минут. После него «баран» с тканью поднимали на пять минут. На воздухе начиналась реакция окисления: материал обретал сначала желтый цвет, потом быстро зеленел, а под конец синел. Ткань снова опускали в раствор и вынимали, повторяя процедуру минимум три раза. Раз за разом ткань синела все больше, пока не обретала темно-синий, почти черный, цвет. Никаких орнаментов на ткани еще не было видно. Ее полоскали в проточной воде, которая смывала вазу, и ткань «открывала глазки», начинала «смотреть» на мир красивыми белыми узорами. В конце процесса ткани давали полежать пять-пятнадцать минут в слабом растворе соляной кислоты, чтобы краситель закрепился. Завершался процесс новым полосканием.

Помимо белого можно было получить узор желтого, оранжевого и зеленого цветов. Для этого вазу дополняли свинцовыми солями. После «открытия глазок» ткань выдерживали в теплом растворе «хромпика» – калиевой соли дихромовой кислоты – и получали желтый орнамент по синему полю. Если такую ткань затем обрабатывали едкой известью, то орнамент становился оранжевым, получалась так называемая «ранжа».

Набойка была сезонной работой. Набивали ткани обычно зимой в мастерских, красили весной и летом. Тогда же вымывали ткани от вазы и краски. Хотя полотна можно было полоскать в длинных корытах, их предпочитали выстиривать в проточной воде. Поэтому красильни, как и мельницы, ставили у рек. Так было и в Каргополье, пронизанном притоками Онеги.

ТВЕРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ И МАНЕРНИКИ

Каргополь – чье название переводится то ли как «воронье поле», то ли как «медвежья сторона» – с XII века стоит на левом берегу Онеги, на пути в Поморье. Город торговал рыбой, лесом, беличьими мехами и солью. К началу XX века Каргополь был третьим по значению торговым городом Олонецкой губернии.

В Каргополь набоечное ремесло привезли в XVIII столетии. Технология изготовления набивных тканей на Руси была известна с X века, но расцвет промысла пришелся на XVIII – первую половину XIX века. Кубовая набойка сменила более раннюю, масляную, когда был проложен Шелковый путь и из Китая и Индии на русские ярмарки вместе с кофе, чаем и специями стали привозить натуральный индиго. В XIX веке его заменили недорогим искусственным. Позже в городе ручную набойку вытеснят фабричные пестрые ситцы, и она окончательно переместится в деревню, где сохранится до начала XX века. Встретить кубовую набойку можно было в народных костюмах Ярославской, Костром-

Прополаскивание «глазок» в реке Онеге

ской, Владимирской, Нижегородской губерний, но особенно Русского Севера. Как это ремесло было вплетено в крестьянский быт, Елена Дикова изучает в родном Каргополье.

Ремесло кубовой набойки привезли в Прионежье синильщики из Тверской губернии, где работали крупные красильни. В поисках заказов мастера двигались все дальше на Север. Так, в Олонецкой губернии узнали про доски-манеры, индиговый краситель, вапу и обучились новому ремеслу. В Каргополе открылись головные красильни, а сеть мастерских поменяла появилась в деревнях, где красильщиками работали крестьяне. В Каргополе красильные артели принимали заказы на ярмарках. Для этого они делали образцы набоек (самая большая их коллекция хранится в Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике. – Прим. авт.). Иногда артели мастеров-синильщиков обосновывались в деревне, и заказчики несли им полотна, выбирая узоры из развешанных напоказ образцов.

Были и красильщики, что ходили по деревням. Крестьянки отдавали им натканные за зиму холсты, причем могли попросить мастера сделать определенный рисунок, который можно было выбрать из коллекции набоек. Эти полотнища с образцами узоров называли «выставками», «узорниками» или «манерника-

ми». В манернике могло быть до 60 пронумерованных рисунков. Красильщик договаривался с хозяйствами, записывая номера выбранных узоров, и возвращался в деревню с уже набитыми холстами.

В одиночку заниматься набойкой мастеру было не под силу, поэтому они стремились нанять рабочих или объединиться в артели. В деревне под красильню выби-

Окисление
на воздухе

рали просторную избу, светлую горницу или сарай, разделенные, как правило, на две половины. Оборудование в мастерской было достаточно простое. Печь, длинный стол, на котором раскладывали подготовленное к набивке полотно, рядом на небольшом столе лежали рисунком вверх резные доски. К стене прикрепляли жерди, чтобы сушить холсты. В распоряжении набойщика обязательно были деревянный молоток-киянка и ящик с вапой (толстый кусок войлока в металлическом ящике пропитывали вапой). Мастер-набойщик прижимал резную сторону манеры к вапе, накладывал на размеченное полотно и «пристукивал» кулаком или деревянной колотушкой – киянкой-чекмарем. В другой половине помещения растирали и смешивали краски, стояли чаны для их заваривания. Там красили ткани.

«ЖЕНСКИЙ» ЦВЕТОК, «МУЖСКОЙ» ГОРОХ

Одежду из набивной ткани носили все. Была набивка «поминальная» и «праздничная». Были орнаменты, которые считались «старушечьими». Были и особые «мужские» орнаменты – дорожки, полоски, горошек. В мужской одежде, например, редко использовались цветы, обычно листья или ветки, зато там часто встречался геометрический рисунок. Набойка на мужской одежде была мельче, чем на женской. Не было, пожалуй, только «детских» орнаментов: одежду для младших перенимали из поношенной взрослой, из которой также делали покрывала на люльки и накидки «настильники» на кровати.

Были орнаменты, которые использовались только для скатерей. При набойке скатерти применялось, как правило, несколько досок. В центре доской-четвертью набивали круг для каравая. Вокруг него вились голубки да орлы, а по краю шла кайма из калачиков. Такие столешники дарили на свадьбу. Калачики по краям – пожелание молодым добра и богатства, ор-

лом и голубкой кружили вокруг будущего дома жених с невестой, а в центре этого мира помещали хлеб – для мира и благополучия. Рисунок набойки в разные периоды менялся, поэтому по узорам специалисты достаточно точно могут определить время ее изготовления. Например, к концу XVII века узор разделился на геометрический и крупный цветочный, который в XVIII веке стал более сдержанным, сложился устойчивый набор орнаментов: «лапки», «елочки», «горох», «цветы», «рубчики», «глаза».

По узорам на набойке можно было определить и географию вещи. На Каргополье местные красильщики привыкли заказывать доски-манеры у приезжих тверских мастеров. Тверь славилась искусными резчиками, которые любили дополнять доски латунными и медными гвоздиками, чтобы получить точечный узор-«пику». Они умели согнуть металл так, чтобы получился красивый орнамент. Когда же доски для набоек делали уроженцы Пинежья и Мезени, у них получалась не такая изящная линия, как у тверских. Однако были у разных северных регионов в набойке и свои особенности. Например, на Каргополье набойка была «веселой» – здесь мастера поддевали узоры под ситец.

«В Каргополе набойку использовали в повседневной одежде, более будничной, домашней, – рассказывает Елена Дикова. – И больше женской, нежели девичьей. Кокошник и набойка в Каргополе не могли сочетаться. Здесь кокошник предполагал шелковый сарафан из привозной ткани или однотонный красный сарафан». Ситцевая рубаха с красными рукавами, сарафан с набойкой и скромный пояс – так выглядел каргопольский костюм.

Зато в соседнем Сольвычегодском уезде Архангельской губернии набивные ткани считались дорогими. Невесту отправляли под венец в сарафане с верховой набойкой горошками, вышитыми рукавами и жемчужным венцом.

Кубовая набойка.
Автор – Елена
Дикова

МАЛЬКОВЫ, БЛОХИНЫ, КОЛПАКОВЫ

История Каргополя хранит обрывочные сведения о трех династиях местных набойщиков. В крупном кенозерском кусте деревень Вершинино и деревне Роймово держал свои красильни каргопольский купец Мальков. История не сохранила подробностей его жизни, зато известно, что, когда в 1927 году красильня Малькова закрылась, все его резные набивные доски переехали в Вологодский музей, где их теперь безошибочно опознает глаз профессионала.

Еще одной известной личностью среди красильщиков Каргополя был купец Дмитрий Блохин. Уроженец города Кириллова Новгородской губернии, Блохин имел там свое красильное дело. В Каргополе он

Выставка
костюма
и набойки
в музее «Малые
Корелы»

основал беличью мастерскую и красильню. Рядом поставил для семьи каменный дом, через дорогу поселились его сыновья, которым Блохин передал семейное дело. Мастерская процветала до 1910 года. После революции из красильни Блохина в Русский этнографический музей Санкт-Петербурга было передано около 120 манер.

Если Мальков и Блохин набойку били, то их земляк Капитон Григорьевич Колпаков ее собирал. Призванный в рекруты Капитон Григорьевич служил в Петербурге в Семеновском Александровском военном госпитале лейб-гвардии Семеновского полка. В столице Колпаков увлекся северной «стариной». Колпаков был известен богатой коллекцией предметов народного творчества. Столичные музеи не раз заказывали Капитону Григорьевичу как знатоку северной старины предметы местного быта. Только этнографический отдел Русского музея в 1903–1914 годах приобрел у Колпакова 376 предметов для 11 коллекций. При этом лучшие вещи он «из интереса» оставлял у себя. Со временем Колпакова настолько увлекла идея создания собственного музея, что он посвятил все свое время поиску и коллекционированию предметов старины. В 1918 году его коллекции насчитывали почти 600 предметов – сарафанов, рубах, кокошников, жемчужных серег, вышитых оплечий, фарфора, лубка, сундуков, оружия. В 1919 году Капитон Григорьевич передал свое собрание городу. 15 марта, в день рождения Колпакова, был подписан договор между коллекционером и отделом народного образования, а 27 марта 1919 года документ был зарегистрирован. Последняя дата и считается днем основания Каргопольского музея. В благодарность каргопольский отдел образования назначил Капитона Григорьевича смотрителем музея, где он и работал до своей смерти в 1922 году.

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

В 1920–1930-е годы красильни закрылись по всей стране. В советское время промысел был отменен как частный и кустарный, но это было уже завершением его заката: к началу XX века красильные мастерские были обречены – дешевые фабричные ситцы вытеснили промысел.

Почти сто лет о мастерстве кубовой набойки в России никто не вспоминал. Ее образцы изучали искусствоведы и музейные работники, но она перестала быть живым ремеслом.

Мастера умерли, секреты составов куба и вапы были утеряны. И так продолжалось до тех пор, пока однажды в Каргопольский музей не приехала со своей выставкой исследователь русской набойки из Владимира Галина Александровна Федорова. В начале 2000-х Галина Александровна на президентский грант съездила в Венгрию, где традиция красильного мастерства сохранилась. Изучив, как делают вапу восточноевропейские мастера, Галина Александровна, химик по первому образованию, суме-

Солистка
Северного
русского
народного хора
в кубовом
сарафане

ла опытным путем восстановить состав русской вапы. Этую возрожденную технологию кубовой набойки Галина Александровна привезла в Каргополь. Тут на мастер-классе в ноябре 2004 года ее и увидела выпускница Кировского художественного училища и сотрудница Каргопольского музея Елена Дикова. «В набойке меня зацепило волшебство превращения. Набойка позволяет быстро превратить пустое полотно в оживленное красками пространство. Это не ткачество, где надо сидеть и считать ниточки, здесь есть простор», – говорит Елена.

Сегодня у Елены своя красильня для кубовой набойки и большая коллекция костюмов, объехавшая десятки выставок. Она реконструировала «сарафан с вазами» из колпаковской коллекции, ставший неофициальным талисманом возрожденной северной набойки, и еще 20 старинных костюмов.

«Надо уметь читать набойку, тогда она расскажет историю места – как там пекут хлеб, по каким правилам живут в семье. Набойка – письмо из прошлого», – убеждена Елена. Она рассказывает о человеческих историях, которые открывают ей письмена набоек. Однажды она обнаружила, что на одном из сарафанов мастер использовал две доски с одинаковым орнаментом, но направленным в разные стороны. Не заметил он этого по рассеянности или решил подшутить над заказчиком? Этот сбой в ручной работе, который на фабричной ткани выглядел бы браком, здесь оказался особенно дорогим. «Каждый раз, когда крашу набойку, представляю себя этим далеким мастером, как и я сегодня, стоящим перед неизвестным, – говорит Елена. – Сколько бы раз мне в своей жизни ни приходилось опускать ткань с вапой в куб, все равно испытываю дрожь: как прокрасится материал, какие неожиданные переходы даст краска, какой на этот раз получится синь?»

Сушка холстов
во дворе.
Каргополь

ЗВОНКАЯ ИСТОРИЯ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КОГДА ЕДЕШЬ ПО РАЗРЫВАЮЩИМСЯ
ОТ ГУЛА МОТОРОВ И РЯВКАНЯ КЛАКСОНОВ
СОВРЕМЕННЫМ ТРАССАМ, ТО ПОРОЙ ХОЧЕТСЯ
ПЕРЕНЕСТИСЬ В ДАЛЕКИЕ ВРЕМЕНА – ТУДА,
ГДЕ НЕ БЫЛО НИ АСФАЛЬТА, НИ СКОРОСТЕЙ,
НИ АВАРИЙ, НИ ВИЗГА ТОРМОЗОВ. А ПО ТРАКТАМ
МЧАЛИСЬ РЕЗВЫЕ ТРОЙКИ ДА ЗВЕНЕЛИ ЛИШЬ
ПОДДУЖНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ... МОЖЕТ БЫТЬ,
ПОЭТЫМУ И СЕГОДНЯ, КОГДА МЫ СЛЫШИМ
ЗВУК КОЛОКОЛЬЧИКА, В ДУШЕ ПРОБУЖДАЮТСЯ
И РАДОСТЬ, И ТРЕВОГА, И ВЕРА В ТО,
ЧТО ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ – В КОНЦЕ ДОРОГИ,
ГДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЖДЕТ СЧАСТЬЕ...

П

РОВЕРИТЬ ДЕЙСТВИЕ
этой удивительной ко-
локольной магии мож-
но в Музее колоколов,
что восемь лет назад открылся
в городке Касимове Рязанской
области. Большие и маленькие,
с богатым и скромным про-

шлым – в витринах музея рас-
положилось более 900 экспона-
тов, каждый из которых оставил
свой звон в истории.
Многие думают, что колокольчи-
ки – предмет исконно русский
и уж где-где, а в России-то испо-
лон веку путь сопровождался

звоном – об этом свидетельствуют многочисленные песни. Сразу вспоминается и «однозвучно гремит колокольчик...», и «динь-динь-динь – колокольчик звенит...», и «слышен звон бубенцов издалёка...». Кажется, перезвон колокольчиков был неотъемлемой частью русской дороги. На деле это не так: в России поддужные пере-

Музей
на скромной
касимовской
уличке
становится
настоящим
порталом
в колокольную
историю

Колокольчики на частные повозки вешать не разрешалось, тогда изобретательный народ придумал вешать лошадям бубенцы

ливы появились только в конце XVIII века. Звуковой сигнал был необходим, чтобы тройку было слышно, чтобы уступали дорогу, а на станциях заранее готовили сменных лошадей. Как же ямщики оповещали о своем прибытии до появления колокольчиков? Да очень просто: пальцы в рот и давай свистеть. Петр I такой «сигнальной системой» был крайне недоволен. Он решил заменить молодецкий посвист европейским вариантом и завез в Россию медный почтовый рожок. Но эта «срамная дудка», как окрестили ее ямщики, русским была не по душе. Во-первых, не слишком удобно править мчащейся тройкой, держа одной

рукой дудку у рта. А во-вторых, климатические условия в Европе и России слишком отличаются: попробуйте подуть в металлический рожок зимой. Так что мужики нововведение игнорировали, и на почтовых станциях по-прежнему разливался разбойничий свист. «Только в конце XVIII века кто-то придумал повесить под дугу колокольчик, – рассказывает экскурсовод Касимовского музея колоколов Светлана Соловьева. – К сожалению, автор этой идеи неизвестен. Но колокольчик пришелся по душе, и все встало на свои места: и свист прекратился, и тройку было слышно за несколько верст».

Оказывается, колокольчики под дугами русских троек появились лишь в конце XVIII века – до этого ямщики оповещали о своем прибытии свистом

ТОЛЬКО Б НЕ СМОЛК ПОД ДУГОЙ КОЛОКОЛЬЧИК...

Поначалу звон был привилегией почтовых и курьерских троек, на частные повозки вешать колокольчики запрещалось. Но удержать людей было сложно. «Несмотря на запреты, всем полюбилась езда со звоном. Богатые люди нашего города не просто вешали колокольчики, они пошли дальше: стали заказывать колокольчики со своими именами», – говорит Светлана Соловьева.

Образцы, сделанные по заказу касимовской знати, украшают витрину музея: есть здесь принадлежавшие знаменитому роду касимовских купцов Алянчиковых; экземпляр, которым владели яркие в местной истории братья Баташевы – целая коллекция касимовских колокольчиков рассказывает об истории города. Кстати, экскурсовод музея Фарида Голицына нашла в здешней коллекции колокольчик своих предков – теперь история ее семьи стала частью экскурсии. Приезжали сюда из Нижнего Новгорода потомки местного купца Вернина – в экспозиции обнаружился их фамильный колокольчик. Многие касимовские семьи могут найти здесь связь с предками.

Классическую русскую тройку даже трудно представить без колокольчика под дугой

В касимовском музее собрались самые разные колокольчики – и с богатой, и со скромной историей

Что, собственно, и неудивительно, ведь Касимов тесно связан с колокольной историей. Первая ассоциация, которая возникает, когда речь заходит о поддужных колокольчиках, скорее всего, будет связана с Валдаем – именно валдайские колокольчики завоевали наибольшую известность. Однако Валдай был не единственной территорией, где рождались колокольчики. Два крупных колокольных центра находились в Тюмени и в Касимове. И если самыми популярными были валдайские колокольчики, то Касимов заслужил славу самого крупного центра по их производству – здесь отливалось огромное количество звенящего товара. «У нас не было крупных заводов, изготовлением колокольчиков занимались кузнецы, – объясняет Светлана Соловьева. – У нас даже существовала целая улица, которая именовалась Кузнечной». Лёнины, Барановы, Лобзенковы, Маврины, Кисловы – история сохранила немало имен известных местных мастеров. Кстати, у современных коллекционеров касимовские колокольчики ценятся очень высоко: считается, что звук у них чище валдайских, да и сохранилось их намного меньше.

Чтобы выгодно продать свое изделие, мастера наносили разнообразные надписи по юбке колокольчиков – в коллекции музея можно найти много образцов такого творчества

Нередко и поддужные, и церковные колокола делали одни мастера

НЕ ЛЮБО – НЕ СЛУШАЙ, А ЗВЕНЕТЬ НЕ МЕШАЙ

В касимовском музее постарались представить всю колокольную историю, потому собрали в витринах достижения всех трех крупных центров ямщицких, или дужных, колокольчиков России. И тюменским, и валдайским, и касимовским отведены достойные места. Не забыли здесь и о центрах, появившихся позже. К примеру, село Пурех Нижегородской области – самый молодой «колокольчиковый» регион. «Первый касимовский колокольчик датируется 1804 годом. А в Пурехе мастера начали отливать свои изделия только в середине XIX века. Понача-

лу это были копии валдайских и касимовских, – рассказывает Светлана Соловьева. – Зато потом, когда везде наблюдался упадок этого промысла, в Пурехе начался расцвет. Здесь появились крупные предприятия, причем отливали они не только поддужные колокольчики, но и мощные церковные колокола». Еще один колокольный центр находился в Вятской губернии: город Слободской славился своими мастерами. Без изготовленных ими колокольчиков музей был бы неполным.

«В Касимове отливалось много колоколов, и среди кузнецов была высокая конкуренция. Нужно было так подать свое изделие, чтобы побольше продать, – говорит экскурсовод. – Тогда колокольные мастера придумали наносить по юбке всевозможные надписи». Чего только не писали! В том числе поговорки и шутки. Например: «Еду – поспешишь, народ потеша», «Еду не свищу, а наеду – не спущу», «Каждый свят, пока черти спят», «Живи умненько, воруй маленько, будешь вор и добрый человек», «Не любо – не слушай, а звенеть не мешай»... Есть и такие, которые в наше время назвали бы рекламны-

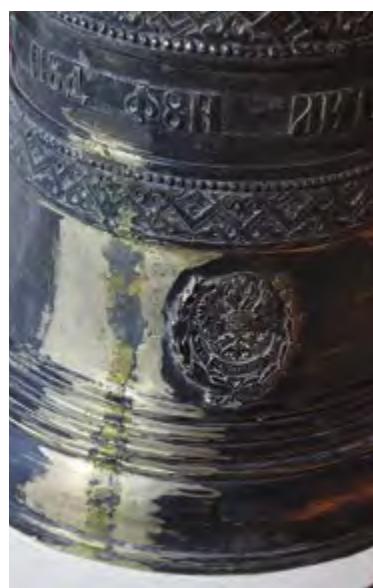

ми: «Кто сей колокол купил, тот и счастье получил», «Купи, денег не жалей, ездить будет веселей». Мастера могли и похулиганиить – нередко наносили на свои изделия не совсем приличные надписи. Причем не стеснялись в выражениях, и зачастую на колокольчиках можно встретить непечатные слова. Кстати, такие экземпляры высоко ценятся у коллекционеров. Надо сказать, изготавливали поддужных колокольчиков, похоже, не сильно церемонились с русским языком: во фразах часто встречаются орфографические ошибки.

У каждого колокольчика можно заметить интересную деталь – к языку приделано кольцо. Сделано это не для красоты, а для соблюдения правил. Ведь вешать колокольчики на частный транспорт было запреще-

но. Конечно, запрет этот постоянно нарушали. Но при въезде в город или приближении к почтовой станции частник должен был привязать ко-

лекция
колоколов всех
масштабов
и мастерей
собиралась
не одно
десятилетие,
а потом выросла
в интересный
музей

В старину
веками копили
тонкости
изготовления
колоколов.
Увы, в советские
годы секреты
мастеров были
утрачены

локольчик, дабы своим звоном не ввести в заблуждение тех, кто готовил сменную тройку для почтового транспорта.

Русскому человеку вообще сложно что-то запретить, он всегда придумает, как обойти закон. И изобретательный русский народ, конечно, придумал выход: да, колокольчики под запретом, но ведь про бубенцы ничего не сказано. Ими стали украшать сбрую – получался ошейник с бубенцами, который надевали на лошадь. Правда, звучанием бубенцы недотягивали до колокольчиков – звук получался глухой, поэтому их называли «глухарями». Не то, конечно, но, как говорится, на безрыбье... Впрочем, позже вешали и бубенцы, и колокольчики – так и громче, и праздничнее, всё как любит русский человек.

ОТ РЫНДЫ ДО БЛАГОВЕСТА

Помимо поддужных колокольчиков и бубенцов сбруи украшали колокольчиками другого вида – седёлочными. Их располагали на спине у лошади, ближе к шее – там, где проходили седёлочные ремни – седёлка.

Экскурсоводы касимовского музея просвещают, что существовали еще и подшайные колокольчики – эти образцы тоже представлены в экспозиции. «Конические называли цыганскими – их вешали на шею коровам и козам, – объясняет Светлана Соловьева. – Трапециевидные именовались «ботало» – их обычно носили коровы». Ботало нужно было не только для того, чтобы хозяин по звуку мог найти свою потерявшуюся буренку, эти колокольчики выполняли еще и роль оберега – считалось, что его звук защищает животное от злых духов, от людского дурного глаза.

Есть в экспозиции музея и церковные колокола, которые нередко делали те же мастера, что изготавливали поддужные колокольчики.

В музее можно увидеть разнокалиберных представителей колокольного семейства. Так, самый большой экспонат был отлит на Валдае, на заводе Пелагеи Ивановны Усачевой. Весит он 600 килограммов. А отлит был «в молитвенную память царю Александру III». Экскурсоводы рассказывают еще один сюжет, связанный с Александром III: «Семья царя возвращалась из Крыма, и на станции Борки, что под Харьковом, поезд, на котором они следовали, потерпел крушение. Несколько вагонов сошло с рельсов, было очень много жертв, а вот из царской семьи серьезно никто не пострадал. В народе это посчитали божественным знаком, и в честь этого чудесного спасения решили отлить колокол – деньги на него собирали всем миром. И вот в 1890 году на предприятии Павла Павловича Рыжкова, купца первой гильдии, почет-

Без «заморских» образцов экспозиция была бы неполной

ного гражданина города Харькова, был отлит колокол. Был он из чистого серебра и весил 17 пудов. К сожалению, этот серебряный гигант не сохранился

до наших дней – был переплавлен на монеты». Но в музее все-таки есть экспонат, имеющий хотя бы отдаленное отношение к этому историческому факту – здесь представлена рында, которая была создана на том же заводе Рыжкова.

Кстати, корабельныерынды также представлены в музее. В витринах их множество, ведь еще Петр I издал указ: судно свыше 12 метров на своем борту обязано иметь сигнальный колокол. Рынды отличаются и формой, и размером. Самая большая в местной коллекции принадлежала крейсеру «Мурманск». Есть в экспозиции и иностранные образцы. Одна из «заморских»рынды принадлежала британскому судну «Фредерик», которое было затоплено еще в годы Первой мировой войны.

Корабельная
рында – тоже
полноправный
член колоколь-
ного семейства

И ЗАЗВОНИТ ОПЯТЬ КОЛОКОЛА...

Самому старому экспонату касимовской коллекции почти 350 лет – это колокол для храма Успения Богородицы, что в селе Ирицы Шиловского района, отлитый в 1673 году. Храма давно нет, а вот колокол уцелел и хранится в музее.

Вообще, родиной колоколов и колокольчиков считается Древний Китай. «Именно там мастера изобрели сплав олова и меди, а потом заметили, что изделия из этого сплава имеют прекрасное звучание», – рассказывает Светлана Соловьева. – А иллюстрацией рассказа может служить сигнальный колокол из Китая. Конечно, не из первых изобретенных, но посетители сразу могут заметить отличия от наших: нам привычны колокола с языком внутри, в китайский же бьют снаружи звуковым молоточком. Звук получается красивый, но совсем другой, непохожий на звон наших. Да и форма другая – у нашего юбка расклешенная, а у этого – зауженная».

«Что касается первых христианских колоколов, то их родиной считается итальянский город Нола в провинции Кампания. Существует красавая

легенда, как это произошло, – продолжает Светлана Соловьева. – В V веке епископ этого города, святой Павлин Ноланский, как-то шел по полю, просившему колокольчиками. Он прилег отдохнуть, уснул, и ему приснилось, что ангелы спускаются с небес и звонят в эти цветы-колокольчики. Очень понравилось ему это звучание, он вернулся домой и заказал мастеру отлить колокол в виде цветка. Когда изделие было готово и в него ударили, вокруг разлился красивый звон. С тех пор колокола отливают имен-

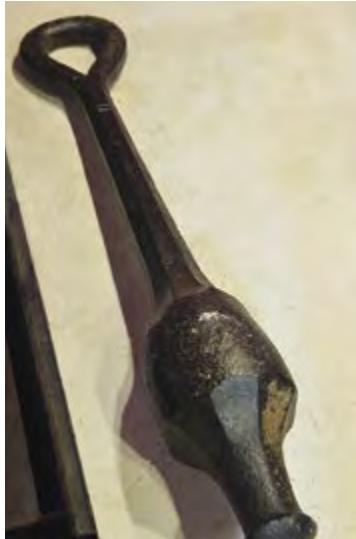
У китайских колоколов язык снаружи – по нему ударяют специальным сигнальным молоточком

Коровы и козы в старину ходили с «музыкой»

но так. Павлин был канонизирован и в православной, и в католической церкви. На иконах его изображают с колокольчиком в руке». Конечно, это лишь легенда, и никто не может точно сказать, как и когда появились колокола, но не исключено, что все именно так и было... Есть здесь и «колокольный прародитель» – до изобретения христианских колоколов народ на богослужение собирали при помощи била. «У нас есть гражданское было, на котором сохранилась интересная надпись: «время трудиться, время срамиться». С помощью этого сигнала созывали и работать, и «срамиться». Ведь какие-то спорные вопросы было принято решать сообща, собираясь на площади. Люди кричали, спорили, ругались – одним словом, срамились», – объясняет Светлана Соловьева.

В касимовском музее есть звонница – она позволяет представить размеры колоколов и их «иерархию». «Самый большой колокол называется «благовест». Уже из названия понятно, что он нес благую весть, созывал народ на богослужение. Поменьше – подзвонные, самые маленькие – зазвонные», – знакомит с колоколами Светлана Соловьева. Экскурсовод демонстрирует, как работает звонница, и по музею разливается густой, бархатный звон. «Это старинная звонница, – объясняет Светлана, – есть у нас и еще одна, современная, сделанная не так давно по заказу нашего музея, чтобы люди могли почувствовать разницу в звучании». А разница, надо сказать, существенная: если у старинных колоколов звук глубокий, насыщенный, с долгим и мощным послезвучием, то у современных какой-то дребезжащий, поверхностный. На вопрос, почему звук настолько отличается, Светлана вздыхает: «Наверное, прежние мастера знали секреты. Может, были какие-то тонкости в пропорциях олова и меди. Ведь эти знания по крупицам собирались

Составляющие колокола люди именовали по аналогии с частями человеческого тела – язык ударял по губе колокола

годами – некоторые династии существовали на протяжении веков. Все накопленные знания потеряны, поскольку в советские времена почти не было колокололитейных производств, и в России были утрачены все секреты мастеров. У современных, конечно, очень красивый дизайн, но чего-то не хватает».

Поначалу отечественные кузнецы не владели искусством отливки колоколов, и этот товар привозили из Западной Европы. Дело это было хлопотное и дорогостоящее. Догадались привезти европейских мастеров, чтобы они обучали искусству изготовления колоколов. Первые небольшие мастерские появились в Киеве в XII веке. В XV уже был первый завод, но а после XVI века вся Русь «зазвенела». Появились целые династии знаменитых российских колокололитейщиков. Самгины работали в Москве, Усачевы – на Валдае, Оловянишники – в Ярославле... И, конечно, у каждого семейства были свои секреты. А вот примета у всех была одна. «Перед тем как мастер приступал к отливке колокола, он запускал в народе заведомо нелепый слух или сплетню. И считалось, чем даль-

В старину различные болезни лечили колокольным звоном, даже от эпидемий спасались

ше молва разнесет этот слух, тем колокол получится звонче, – рассказывает Светлана Соловьева. – Когда мастер что-то рассказывал, говорили: не верьте ему, он сейчас колокол заливает. И до нас дошло выражение, которое мы используем в современной речи. Про человека, который врет, и сегодня часто говорят: «заливает».

«ЗВОНОТЕРАПИЯ»

По мнению экскурсоводов, не обязательно быть верующим человеком, чтобы почувствовать на себе воздействие колокольного звона – нередко гостей музея пробирает до мурашек, когда демонстрируется звучание старинной звонницы.

Сразу вспоминается «малиновый звон»... «Когда у туристов спрашиваешь, что означает это выражение, кто-то вспоминает про малиновку, кто-то пытается проводить аналогию – малиновый, красный, красивый. Дело в другом. Первые колокола с приятным, бархатным звучанием были отлиты в бельгийском городе Мехелен – на французский манер он произносился как «Малин», – объясняет экскурсовод. – Петр I привез эти колокола в Россию, и их звон стали называть малиновым – по месту изготовления. Со временем история про город забылась, и осталось только название, и сегодня красивый звон на Руси так и называется малиновым».

Часто можно слышать, что колокольный звон по-особому действует на организм. И в Музее колоколов в этом не сомневаются.

«Наверное, частоты, на которых звучат колокола, обладают таким воздействием, – говорит Светлана Соловьева. – В старины разные болезни лечили колокольным звоном, от эпидемий спасались – если на город надвигалась опасность, начинали звонить в колокола и днем, и ночью. И были случаи, когда зараза обходила стороной. Кстати, современные исследования доказывают, что колокольный звон обладает некоторым дезинфицирующим свойством, под его воздействием уничтожаются некоторые вирусы и бактерии. В давние времена депрессию, плохое настроение лечили колокольным звоном. И вообще, считалось, что даже личностные качества человека улучшаются, когда он слышит колокольный звон. В нем просыпается все самое лучшее и доброе».

Может, потому на Руси так любили колокола? И нередко наделяли их свойствами живого существа. Неслучайно составляющие колокола названы по аналогии с частями человеческого тела.

В переломные годы немало колоколов было сброшено с колоколен, но люди бережно хранили и покалеченные экземпляры, и уцелевшие осколки

Говорят, даже человеческие качества улучшаются под воздействием колокольного звона

Колокол на звоннице крепили за уши. Потом все следовало как у человека – шея, плечи, тулово... Самая широкая часть у поддужных колокольчиков – это юбка, или сарафан, у больших церковных – губа, по которой изнутри ударял язык.

«Давайте я вас еще вот с этим колоколом познакомлю, – говорит Светлана Соловьева. – Отлит он в Гатчине, под Санкт-Петербургом, на заводе Лаврова. Лавров на своем заводе отливал пушки, бронзу он усовершенствовал, сделал более прочной. Так что когда на его заводах стали отливать колокола, они отличались особой крепостью – Лавров давал десять лет гарантии на свои изделия». Лавровский колокол, представленный в касимовской коллекции, был отлит по заказу купца Ивана Мартынова в честь рождения долгожданного наследника. Колокол, естественно, пожертвовали храму. «Раньше не говорили «подарить или пожертвовать» – говорили «приложить колокол», – объясняет экскурсовод. – На них часто можно встретить надпись «сей колокол приложил...».

В годы советской власти многие церкви были разрушены, имущество разграблено. Конечно, досталось и колоколам. Часть была продана за границу, часть – переплавлена на бронзу. Многие колокола просто сбрасывали с колоколен, и они разбивались. Верующие собирали и бережно хранили эти осколки – спустя много лет они пополнили экспозицию Музея колоколов. Михаил Силков, который собрал всю эту обширную коллекцию, хранил все, что связано с колоколами.

«Жаль, внуки Михаила Петровича не сохранили фотографии. У нас здесь кого только не было – и китайцы, и индусы, и индейцы, – говорит Фарида Голицына. – Многие знаменитые люди приезжали и говорили, что музей у нас замечательный. Он и правда такой – и интересный, и разнообразный, и по провинциальному душевный. А самое главное – звонкий. И звон этот пробуждает в душе каждого посетителя самые светлые чувства.»

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЧЕЛ

АВТОР

НАТАЛЬЯ РАЗУВАКИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

У БЕНЬЯМИНА ФОРСТЕРА ДОБРЫЕ ПЧЕЛЫ. ЕСТЬ ТАКАЯ ОСОБАЯ ПОРОДА – ТРУДОЛЮБИВЫЕ, КАК ПЧЕЛАМ И ПОЛОЖЕНО, НО АБСОЛЮТНО НЕ АГРЕССИВНЫЕ, ПРИЧЕМ НАСТОЛЬКО, ЧТО РАБОТАТЬ С НИМИ МОЖНО ГОЛЫМИ РУКАМИ, НЕ ЗАЩИЩАЯ ДАЖЕ ЛИЦО.

Изготовление
ульев –
отдельное
ремесло.
И тоже любимое!

НО ВОТ БЕДА: ПОРОДА эта исключительно за- граничная, а в России такой пчелиный рой, летающий где хочет, общается с пчелами местными и набирается «плохого»... И время от времени пчелинью семью нужно обновлять, доставляя новую матку из-за рубежа. Из Швейца- рии, например.

Пасечник Беньямин Форстер – швейцарец, живущий в маленьком Переславле-Залесском, – привык именно так и поступать. Однако во время пандемии по- сещать родину становилось все сложнее и сложнее. Так что теперь его пчелы уже не столь чистопородные... Но ведь не кусаются! Веня по-прежнему не защищает от них ни лица, ни рук, потому что чувствует их настроение по тембру жужжания, а они – чувствуют его уважение. Разве будешь нападать на того, кто относится к тебе бережно?

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЙ ЧЕСТНЫЙ МЕД

...Жил-был когда-то в Швейцарии маляр Беньямин Форстер. Обычный парень из простой семьи. Родился в Цюрихе. Но вот так уж сложилось, что лучшими друзьями у него были русские – потомки эмигрантов-диссидентов.

А когда впервые посетил Рос- сию – в 1996 году отпуск здесь провел, – швейцарский маляр почему-то начал бледнеть и исчезать, уступая место все ярче проявляющемуся пасечнику Вениамины.

Кстати, Веней он стал для меня уже через пять минут знакомства, и ему удивительно подходит это имя – такому огромному, синеглазому, кудрявому да улыбчивому. А пчелы появились в его жизни... от отчаяния. «Чтобы не сойти с ума. Я был тут со- всем один, не знал языка, ра- ботал на всяких строительных шабашках, у меня было мало де-

нег, не было машины... Был вот этот домик и... пчелы. С ними ведь много забот, я читал, я изучал это дело, я их полюбил...» – вспоминает Веня.

Влюбившись в Россию, Беньямин женился на русской девушке из Переславля, но семейная жизнь приняла трагикомический оборот: Веня оказался более русским, чем супруга, которая живет теперь – после развода – в Швейцарии. А вот Веня вне России себя не мыслит. Улыбается широко: «Наверное, я просто родился не в той стране! Или аист перепутал дорогу!» Выбрав жизнь в «той стране», по духу и по душе, Веня занялся пчелами. И вот тут, в деле, в пчеловод- стве, он проявляет себя как истинный европеец. Если делать мед – то самый что ни на есть правильный. Он утверждает, что места у нас здесь – просто пчеловодческий рай: поля близ Переславля не заполнены сель-

скохозяйственными культурами, сплошь дикоросы, а мед с разнотравья – самый полезный, самый вкусный. «Я люблю природу Швейцарии, горы ее, и водопады, и альпийские луга, но и просторы России меня радуют, глаз не упирается в стенку! К тому же заниматься пчеловодством там сложнее. Страна маленькая, пчелиным семьям тесно, а мед не такой вкусный, ведь там очень много коров, которые съедают траву», – объясняет Веня. Только вот пчелы у нас болеют. Вернее, болели бы, если б местные пасечники не обрабатывали их домики-ульи специальными лекарствами. Вениамин подошел к вопросу основательно: никаких пестицидов! Только органика, муравьиная и молочная кислота. Это немного более затратно, и по-возиться приходится изрядно, но... «Мне не нравится слово «бизнес». И неинтересно рабо-

Хорошего человека должно быть много... И меда у него – много!

тать только ради денег. Я люблю своих пчел, и пусть они делают хороший мед, органический!» – говорит Беньямин. И в удивлении лишь разводит руками: почему такая, казалось бы, естественная технология не прижилась пока в России? Почему после его мастер-классов люди начинают лепить этикет-

ки «Органик-мед» на свою продукцию, а на поверхку – продолжают впрыскивать в ульи все те же пестициды? Да и ульи у них все те же, пенопластовые... «В Швейцарии сама система любого предприятия устроена так, что человеку – только польза. А в России люди часто на работе хитрят».

Казачью
лихость,
с которой
машет
шашками этот
швейцарец,
изобразить
невозможно.
Вдохновение –
неподдельное,
как точность
движений

КАЗАЧЬИ ПЕСНИ И ЗНАМЕННЫЙ РАСПЕВ

И все же не медоносные поля привлекли сюда, в Россию, швейцарского мальяра. Люди, отношения, стиль жизни – дружественный изначально. Поначалу Беньямин ошеломлен был не только знаменитым русским гостеприимством, но и ощущением братской общности, что витает здесь в воздухе. Собирается компания на пикник – непременно общий импровизированный стол. В Швейцарии не так: каждый ест строго свое блюдо, принесенное из дома – свое мясо, свой салатик... Сейчас, к слову, Вениамин с удовольствием готовит полюбившиеся ему пельмени и чебуреки. Даже борщ варить научился! Пошел в городскую баню – и незнакомый человек тебя заботливо горячей водой обдает, раз и еще раз, и лишь удивляется потом, что беседа по-русски как-то не

складывается... «Язык я учил без школы, без книг, просто говорить надо было, понимать... И научился. Но плохо, да? Нет у меня таланта к языкам!» – вздыхает Веня.

Он всегда думал, что и к пению у него «таланта нет». В детстве даже стычка была с учителем, не хотел заниматься. А в

Беньямин уверен:
каждую пчелу
в лицо знать
невозможно,
но уважать –
вполне!

России запел. Казачьи песни услышал – и запел... Казаки считают Веню за своего, и шашкой он на их разудальных сборищах машет лихо. Так, что не всякий русский казак сумеет – ловко, красиво, с удачью необыкновенной, будто в кино! Но песни – на особом месте, их поет неизменно, и за рулем поет, когда на пасеку едет, радио включает редко. Душа разворачивается. Чего-то этой душе там, на родине, не хватало.

Пошел Веня и в церковь. Сначала не почувствовал ничего, но начал изучать. Упорный. И даже ездил на Афон, чтобы понять православие глубже... Там и крестился. И если бы не этот шаг – кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба нашего героя?

...Мы сидим за длинным столом уютной кухоньки его небольшого дома, рядом с Веней – трехлетний сын Савва, красавица жена подает чай. Они нашли друг друга в интернете, на православном сайте знакомств. Екатерина, дочь ныне покойного старообрядческого митрополита, первые месяцы вела с будущим мужем долгие разговоры о вере. И немало он литературы перелопатил, дотошный ведь, пытливый. Утверждает, что в старообрядчество пришел сам. Изучал историю церковного раскола в России, и выбор свой объясняет просто и прямодушно: «Христос – это любовь. А что сделал Никон? Разве это любовь? Столько принес зла! А я хочу с Христом быть!»

Веня поет теперь на клиросе в храме дальнего села, куда ездят они всей семьей. В Пере-славле-Залесском старообрядческой церкви нет, дорога на богослужение занимает два часа, да с ребенком, и реже поэтому получается, чем хотелось бы, но такой уж у этого богоатыря характер: если что-то делать – то по-настоящему, на все сто. Если поверил, что церковь истинная – там, туда и идти надо. Пусть далеко. Но это же не дальше, чем в Россию – из Швейцарии!..

ЛЮБОВЬ НЕ КАРТОШКА

Смотрю и любуюсь – столько силы в них, во всех троих, спокойной и теплой силы, истинно русской, какие они уверенные и бесстрашные – что б там ни творилось за стенами дома. Потому что подключены – к вечному. К небу. И даже кот, дремлющий в углу на тумбочке, кинематографично вписывается в общую картину. Колоритный мейнкун был спасен от верной смерти, взят по объявлению «в добрые руки»: сможете вылечить – кот ваш. Смогли. Потому что руки у Вени и Кати и вправду – добрые.

Деятельная доброта Вениамина, находящая столько точек применения в России, со стороны понятна далеко не всем. Вот сосед смотрит неодобрительно: чего это забор перекошен, да картошку этот странный тип не сажает, травы на участке полно?! Все с ним ясно: лодыры! Так мне и сказал встреченный на улице сосед: нечего о нем писать, надо – о человеке труда, а этот иностранец только развлекаться умеет!

Тем не менее развлечения у Вени – прекрасны. Вот, например, куры в вольере с домиком. Такие куры должны нести золотые яйца, не иначе: сами золотые, будто с картинки из детской книжки. Вот мастерская: здесь творческая неразбериха и пахнет свежим деревом. Все свои ульи Вени изготовил сам. Сейчас у него 26 пчелиных семей, 30 ульев, а начинал – тогда, от отчаяния, по учебникам – с четырех. Но сразу решил: никакого пенопласта и пользоваться чистым швейцарским воском. Когда нет возможности доставить с родины очередную порцию, Вени перерабатывает то, что есть, – для уверенности, что воск все тот же, без вредных химических примесей. Здесь же, в мастерской, проводит он занятия для пасечников.

Интересно, что ученики приезжают к нему на недельные курсы со всей России, а вот переславцы учиться экологическому пчеловодству не желают. Впереди зима, и пасечник-новатор будет проводить уроки по интернету. Несколько занятий уже записано, но

Семья Форстер живет не во времени, но в традиции. В русской

...И атрибуты труда и быта вполне традиционны и – самодельны!

нет предела совершенству, и вместе с женой-дизайнером Веня обдумывает оригинальные формы авторского онлайн-курса... Летом же и на самой пасеке дел столько, что вставать «лодырю» приходится в пять утра, а день его заканчивается ближе к полуночи. Одним словом – «развлекается».

...И ВЕЧНАЯ ЗИМА

Да что сосед – не поняла Вениного выбора даже родная сестра. В сентябре поздравил ее по Ватсапу с юбилеем, так даже не ответила. «Я не обижусь, это все пропаганда. Там верят, что в России все мужчины только пьют водку, все женщины – проститутки и круглый год сильный мороз», – машет рукой Веня.

А вот с отцом отношения сохранились. Общаются по интернету, будто и не расставались. Отец верит сыну: Россия – страна возможностей, страна, где жить свободно – и хочется, и может. «Если ты не ленив!» – добавляет он с улыбкой чуть горделивой, и снова: «Но пропаганда все портит, люди ей верят, а надо только один раз приехать. Хотя бы один раз!..» Не нравится Вениамину в России только одно: бюрократия. А кому из нас, скажите, она вообще нравится? «В Швейцарии на заводе, где трудится 300 человек, – всего один бухгалтер. А здесь у нас бухгалтеров больше, чем остальных работников... И так много разных бумаг! Я не могу понять, как и что с ними делать! Из-за этого не смог официально стать индивидуальным предпринимателем, оформил самозанятость, это проще», – сетует Беньямин.

СВОИ ПЧЕЛЫ НЕ ЖАЛЯТ

Он говорит: «у нас». А во время посещения Швейцарии непривычно заговаривает с продавцом в магазине по-русски. Потому что по-русски он уже думает, причем давно. И друзей в Швейцарии у него совсем не осталось, зато в Переславле-Залесском, этом маленьком древнем городе в 140 километрах от Москвы – полно. «Россия – моя родина!» – убежденно говорит Веня. Он в этом уверен, и я, глядя в его чистые синие глаза, думаю, что так оно и есть.

Попрощавшись, я иду к калитке по бревнышкам старой дорожки среди травы, и меня догоняет хозяин с маленьким Саввой на одной руке и коробкой с яйцами от тех самых золотых курочек в другой. «На, возьми с собой, это вкусно!» Я благодарю и прощаюсь еще раз. «До свидания!» – серьезно отвечает Савва. А по-швейцарски повтор-

рить, как о том просит отец, не желает. «Он, конечно, вырастет больше русским! И я не против. Ведь мы живем в русской культуре!» – улыбается Веня, сам – воплощение русской культуры, настолько яркое, полновесное и полноценное, что акцент в его речи воспринимается как некоторое недоразумение.

Станет ли сын Савва пасечником – говорить рано, но отцовская внимательность и любознательность уже налицо

Да и вообще: человек, прочитавший однажды запоем «Тараса Бульбу» и впитавший эту книгу навсегда, – ну какой же он иностранец? Хоть Беньямином его зови, хоть Веней. Наш человек!

Я иду к остановке по родным среднерусским колдобинам. Небо серое, ветер злой, но это ровным счетом ничего не значит. Потому что каждый раз после общения с Веней в душе остается светлый след – и держится еще какое-то время, как полоска на небе после самолета. Это ощущение можно выразить двумя словами: все хорошо. Потому что главное в жизни – найти своих. И свое. Своих людей. Свое дело. Свою веру. Свою страну.

Вениамин Форстер – нашел. И потому так спокойно и радостно рядом с ним. И потому хорошо ему живется, и даже пчелы его не кусают.

СРЕТЕНКА. НАЛЕВО-НАПРАВО

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СТОЮ НА САМОЙ СЕВЕРНОЙ ТОЧКЕ САДОВОГО КОЛЬЦА, НА БОЛЬШОЙ СУХАРЕВКЕ, ПРИВЫЧНО ОГЛЯДЫВАЮСЬ ПО СТОРОНАМ И РАЗМЫШЛЯЮ.

Так... впереди скучноватая Мещанка, домик поэта Брюсова, Аптекарский огород, а правее двухэтажное с колоннами дворянское полукружье, фасад Шереметевской странноприимной больницы, а совсем справа блестит на солнышке зеленой керамикой бывший доходный дом Елены Миансаровой. Чуть позади невесело как-то улыбается с мемориальной доски Юрий Виз-

бор, проживший в том вон бледно-голубом немецком доме с мансардой семь детских военных и послевоенных лет... И вместо на всегда уехавшего в прошлое троллейбуса подходит к остановке строго по электронному расписанию синий автобус «Б». Прокатиться, что ли, куда-нибудь? Куда? Когда я здесь оказался в первый раз? Далеко ведь от нас... Мы то живем на юге... Кажется, лет в 16. Искали тут с мамой что-то

Камень в честь Сухаревской башни установлен в сквере у Большой Сухаревской площади в 1996 году.

Как и многое в те годы, исполнен неточно. На самом деле башня стояла по диагонали от памятника, в середине Садового кольца, неподалеку от въезда на нынешний проспект Мира.

Давно замечено – у Склифа, несмотря на все великолепие дворянской архитектуры, прохожие почти не ходят. Предпочитают смотреть издали, с другой стороны кольца

И мы идем в «Дружбу». Мы слагаем такой натюрморт. Чебуреки – два раза по три, два по пятьдесят водки и два пакетика яблочного сока с трубочкой. Очередь небольшая. После того как чебуреки стали стоить 120 рэ за штуку, народу тут поуменьшилось. Да и рановато еще. Впрочем, в уголке, у окна, уже стоит небольшая компания. С теми же – сразу ясно – ностальгическими воспоминаниями о прошлом. О том, как приходи-

ли сюда студентами. О том, что чебурек стоил тогда 16 копеек. О том, что туалета не было и надо было – хочешь не хочешь – иногда отлучаться в арку. Или в скверик, если темно. Они даже фотографируются на память и просят шуструю уборщицу заснять их всех вместе – стоящих за одним столиком, с чебуреками, пластиковыми стаканчиками и на улице, под вывеской заведения – семерых хорошо одетых мужчин в возрасте, уверенно обходящихся

мучительно важное, то ли сменную обувь, то ли новую школьную форму к началу учебного года. В очереди стояли.

Сейчас циферки моего возраста поменялись местами, и никаких таких забот не осталось, просто гуляю по городу, как говорится, «по старым адресам» – хорошая была рубрика в одной давно уже исчезнувшей газете.

Между тем жена призывает вернуться к действительности. Поесть, например, чебуреков в местном заведении, раз уж мы здесь. Выпить? Можно немного и выпить, на улице холодно, ветерок... А потом неплохо бы навестить Сретенку, переулочки и бульвары, это уж как пойдет. Где-нибудь посидеть за кофе.

И никакие троллейбусы больше не мешают победившим автолюбителям. Пять полос в одну сторону на Большой Сухаревской площади!

Так и кажется, что сейчас из-за угла появятся ликующие студенты со всей планеты, из-за которых старая Мещанка и была переименована в проспект Мира. Впрочем, дата на доме говорит об открытии Сельскохозяйственной выставки.

без мата и современных жаргонизмов.

– Студенты! – говорит жена.

– Студенты, – отвечаю я.

Чебуреки здесь по-прежнему вкусные. Нигде теперь таких нет. Мы едим их не торопясь, посматривая из большого окна на площадь. Как ни странно, это местечко для нас в том же самом историческом ряду, что я перечислял выше: Юрий Визбор, граф Николай Петрович Шереметев, купчиха Миансарова, немецкие строители, поэт Брюсов, Никита Сергеевич Хрущев, переименовавший Мещанскую в проспект Мира.

Мы приходим сюда, страшно сказать, лет сорок. Площадь раньше называлась Колхозной.

Перекуриваю на лавочке, в сквере по соседству. Тут же появляется местный бомж, резво уловивший наше добродушное настроение. Он и говорит психологически точно, без экивоков:

– Батя, помог бы... Поправиться надо малёк... Да и холодновато.

Отсыпаю в протянутую ладонь оставшуюся от чебуреков сдачу.

– Вот спасибо, выручили. Курить не прошу. Имеются...

Справа на фото – храм Троицы Живоначальной в Листах. Открыт после реставрации в 1990 году, еще в Советском Союзе...

Память услужливо подсказывает, что неподалеку, в самом низу Малого Сухаревского переулка, в странном на вид сероватом домике с башней под номером 6, находится нынче факультет психологии МПГУ. Не учился ли там когда-то этот вежливый мужчина без определенного места жительства? Кто знает... Раньше факультет психологии располагался на Усачёвке, а институт назывался не МПГУ, а МГПИ, и я именно на Усачёвке сдавал

самый сложный из всех вступительных экзаменов на истфак – русский язык и литература – устно. Тяжеленько пришлось, да Грибоедов выручил...

Да, пожалуй, в самом деле надо дойти до Чистых, постоять минутку у памятника Александру Сергеевичу. Тем более что институт наш в этом году отметил 150-летие...

МПГУ. МГПИ. 2-й МГУ. Бывшие женские курсы Герье. Главное здание – на Пироговке. Альма-матер.

Ностальгирующие по общепиту советских времен – вам сюда!

Последний кружок по площади. Последний взгляд на Склиф, на памятничек в честь некогда стоявшей здесь знаменитой на весь мир Сухаревской башни, помешавшей развитию города в 30-х годах прошлого века, на аккуратные домики, построенные тогда же немецкими инженерами для работников ВСНХ, на здание, возведенное в честь американского фастфуда, привлекшееся к церкви с поэтическим названием «храм Троицы Живоначальной в Листах».

Помню, как же: жуешь на втором этаже чизбургер этак с картошечкой фри, запиваешь стаканчиком сладковатого, слабенького латте, а в окно видишь церковные строгие башенки и кресты... Словно глядят на тебя с укоризной глаза из древних веков. Даже аппетит пропадает. Нет, не стал больше сюда ходить.

Смешение времен. Смешение стилей. Смешение устоев и правд. Все это крепко-накрепко замешано-перемешано, сжато и сбито здесь, на бывшей Колхозной площади, накрученено по-московски, причудливо и навечно. И дальше крутиться будет, да так, что не разберешь.

Памятная доска на пятиэтажке с мансардой в честь Юрия Визбора. Здесь он жил с 1942 по 1949 год

«А помнишь, друг, команду с нашего двора...»

Ну и, конечно, родная городская нелепица... Торчит она отовсюду.

Привычна, а потому вроде и не удивляет. Москвичи со стажем привыкли. Да и маловато их. Приезжим – совсем не до этого. И все-таки...

С Большой Сухаревской площадью все понятно. А вы попробуйте отыскать Малую! Ее и на карте не сразу найдешь. Что уж про местность говорить...

Ну никак эта Малая не походит на площадь.

Вот Панкрадьевский переулок... А переулка-то, собственно, и нет никакого, дорогие товарищи. Переулок предполагает два ряда домов и тропку между ними, правильно? А тут – ряд домов один-одинешенек в линию, а второй ряд сломан давным-давно в пользу площади. Так что Панкрадьевский – переулок из редких.

Или такое оптимистическое название – «Последний переулок». Это ж надо придумать! Последний переулок! Сказка, а не название... Ты где живешь? В Последнем переулке!

Он направо от Сретенки, если идти в центр. Он к Трубной бежит... Но ведь совсем не последний он. У него в соседях, что справа, что слева, переулки имеются. Один из них, однотипный с площадью, Большой Сухаревский, другой – Большой Головин. И напротив, через улицу – тоже Головин, но Малый, а еще здесь же есть Даев переулок. Почему же Последний назван Последним, если он со всех сторон окружен, так сказать, коллегами?

Сретенка, наверное, рекордсмен Москвы по прилегающим

к ней переулкам и тупикам!
Не такая уж она и длинная,
а скорее, короткая, эта Сретенка,
лежащая между Садовым и
Бульварным кольцом, минут
15 неспешного хода...

А переулков у нее в обе стороны – поди посчитай, если не собьешься. Ну уж точно более десятка!

Сказать вам – сколько? Нет. Не скажу. Боюсь, знаете ли, и сам ошибиться.

А сколько раньше в переулках этих было дворов, свежевыстиранного белья на веревках, игр в классики, прятки, футбол, волейбол, салочки, штандер, ножички, чижик; сколько выросло веселых задиристых парней и симпатичных девчонок, сколько коммунальных дрязг и ссор за домино на больших деревянных столах наблюдалось. Сколько походов в баню по выходным! И сколько было теплого единения людей, ощущавших себя одной большой семьей. Тепло теперь в большом дефиците.

Юрий Визбор точно подметил:
Да, уходит наше поколение,
Рудиментом в нынешних мирах.
Словно полужесткие крепления
Или радиолы во дворах.

Факультет
педагогики
и психологии
МПГУ в Малом
Сухаревском
переулке

На Садовом
непривычно
пусто. Видимо,
воскресное утро

И еще:
Я вплываю в свой сретенский двор,
Словно в порт, из которого
вышел...

И:
Отставить крики!
Тихо, Сретенка, не плачь!
Мы стали все твою общею
судьбой.

Ныне по сретенским дворам пройти-проехать не очень просто. Надо точно знать, как обойти высокие черные запирающиеся заборы и где именно понавешаны длинные оранжевые сторожа-шлагбаумы. Впрочем, так ведь по всей Москве. В пределах Садового кольца – особенно.

– Пешеходов на Сретенке почему-то стало меньше – говорю я.
– Зато тротуары расширили, – отвечает жена.

– А вывески какие? Прелесты! «Магазин усиленного питания»!
– Мне больше нравится «Трудовой мозоль», – отвечает жена.

– Косметический салон?
– Нет, это хозяйственный. И не здесь. В наших краях, – отвечает жена.
Самое главное на Сретенке – живо. Знаете, что для меня главное? Застройка прежняя жива, старомосковская, малоэтажная. Никакой новодел не мозолит глаза своим исполинским ростом.

Пьем кофе у Сретенских Ворот. Ворот, естественно, никаких рядом не наблюдается. Остальное – знакомо. Сретенка здесь, на нашем пути, заканчивается, а в смысле адресном, наоборот, начинается, счет домов от Кремля (!), рубится перпендикулярно Бульварным кольцом и плавно переходит в Большую Лубянку. Влево почти под прямым углом идет Сретенский бульвар, вправо

спускается на Трубу бульвар Рождественский. Ну а мы, по существу, находимся прямо на площади Сретенских Ворот, за которой не числится ни одного здания, тоже типичный штришок московский, площадь вроде бы есть, а домов на ней вроде бы нет. Вот – Успенская церковь, отстроенная заново после пожара 1812 года, в советские времена в ней располагался морской музей, вот дом, в котором в комисс

Последний
переулок совсем
не последний,
хоть и не первый
на Сретенке.

В здании
слева ранее
располагался
кинотеатр
«Уран»

сионном магазине работал Дима Семицветов, и вот там, чуть впереди, между этим домом и церковью, Юрий Деточкин неудачно пытался украсть его «Волгу», купив для начала операции сигареты «Друг», потому что «Беломор» тогда не завезли.

Ах, нет теперь сигарет «Друг», нет табачных палаток и нет желающих ездить на машине «Волга». Какие же мы старые старики! Мы любим фильм «Берегись автомобиля»!

Чтобы не грустить по этому поводу, вспоминаем старинные московские улицы, оканчивающие на «-ка». По очереди. Кто в ответ не придумает, не вспомнит, тот проиграл.

Сретенка, Лубянка, Полянка, Волхонка, Стромынка, Ленивка, Знаменка. А народ наш и улицу Дзержинского в свое время ласково переиницировал в Дзержинку. Варварка, Ордынка, Солянка, Ильинка, Петровка, Рождественка… Нет, в смартфон не надо подглядывать, это лишнее.

Сколько же мы увидели на Сретенке кафе, закусочных, фастфудных, баров, ресторанов и рестораций, точек, где кофе с собой и кофе навынос… Всюду, всюду они, доблестные друзья желудка! Не сосчитать. Вот простой булочкой не встретили. И книжного тоже.

И все же некий торговый дух над Сретенкой витает, он неистребим, прочен, его надо только почувствовать, он поселился здесь со временем большого Сухаревского рынка, о котором так смачно пишет Владимир Пиляровский. «После войны 1812 года, как только стали возвращаться в Москву москвичи и начали разыскивать свое разграбленное имущество, генерал-губернатор Растворин издал приказ, в котором объявил, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревской

башни». И в первое же воскресенье горы награбленного имущества запрудили огромную площадь, и хлынула Москва на невиданный рынок.

Это было торжественное открытие вековой Сухаревки».

Гениальный ход городской власти, не правда ли?

Приведу еще один фрагмент: «Сухаревка была особым миром, никогда более не повторяемым. Она вся в этом анекдоте:

Один из посетителей шмаровинских «сред», художник-реставратор, возвращался в одно из воскресений с дачи и прямо с вокзала, по обыкновению, заехал на Сухаревку, где и купил великолепную старую вазу, точь-в-точку под пару имеющейся у него.

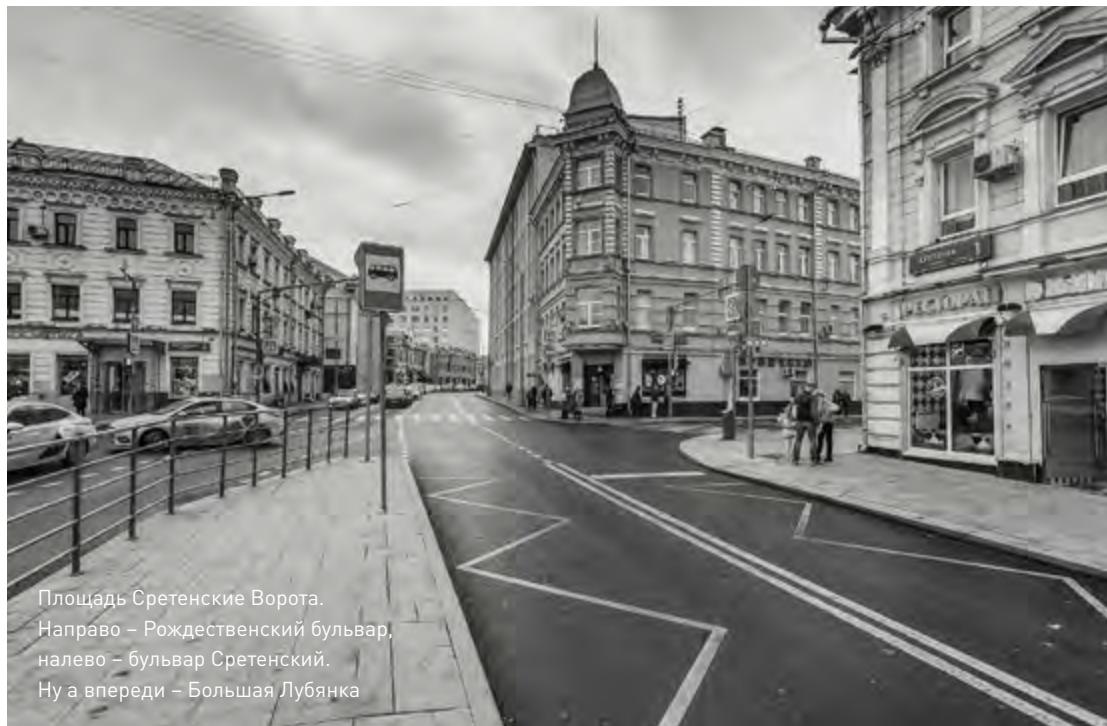
Можете себе представить радость настоящего любителя, приобретающего такое ценное сокровище!

А дома его встретила прислуга и сообщила, что накануне громилы обокрали его квартиру.

Он купил свою собственную вазу!»

А вот отрывок из мемуаров купца Ивана Слонова. В них все прозаичнее, без особого криминала: «В жизни москвичей, преимущественно бедного класса, Сухарева башня играет довольно видную роль, около нее и в ближайших к ней переулках находится много лавок, торгующих дешевым платьем, бельем, обувью, картузами и подержанной мебелью.

...Как известно, вскоре после отмены крепостного права, начался развал и обеднение дворянских гнезд, в то время на Сухаревку попадало множество старинных драгоценных вещей, продававшихся за бесценок. Туда приносили продавать стильную мебель, люстры, статуи, северский фарфор, gobelены, ковры, редкие книги, картины знаменитых художников и прочее, эти вещи продавались буквально за гроши. Поэтому многие антикварии и коллекционеры, такие как Перлов, Фирсанов, Иванов и другие, приобретали на Сухаревке за баснословно дешевые цены множество шедевров, оце-

ниваемых теперь знатоками в сотни тысяч рублей. Бывали случаи, когда сухаревские букинисты покупали за две-три сотни целые дворянские библиотеки и на другой же день продавали их за 8–10 тысяч рублей».

Нет-нет, не спорьте, разве можно сравнить Сретенку... ну, скажем, с Пречистенкой? Конечно нет, совсем иная флора и фауна в том воздухе растворена.

Итак, Пречистенка... Воздвиженка, Маросейка, Покровка...

Нет, Сретенка не отпускает, и мы берем по второй чашке. А перекуриваем мы на площади Сретенских Ворот – по очереди.

Ну, и немного исторической топонимики напоследок. Без топонимики как-то не солидно. Сретенка, одна из древнейших московских улиц, получила свое название от Сретенского монастыря, основанного в XIV веке как небольшая крепость. В свою

очередь, монастырь был основан в память о «сретении» – торжественной встрече жителями Москвы чудотворной иконы Владимирской Богородицы, принесенной из Владимира в Москву на руках для защиты от ожидавшегося нападения Тамерлана в 1395 году.

И ведь защитила икона! Славящийся своей жестокостью предводитель на Москву не пошел. Ну а Сухаревка, Сухаревская башня и все сухаревские переулки пошли от фамилии полковника стрелецких войск Лаврентия Сухарева. Именно полк Сухарева стал первым, не под-

державшим знаменитый Стрелецкий бунт 1689 года против молодого царя Петра. Царь верность Сухарева высоко оценил.

Новые каменные ворота в этих местах и прочие постройки были специально поименованы: «А начато то строение строить в лето 1692, а совершено в 1699, а в то время будущаго у того полка стольника и полковника Лаврентия Панкратьева Сухарева».

Позже над воротами был надстроен второй этаж, в нем расположилась первая русская математическая и мореходная

Храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках пережил на своем веку немало

школа, а еще позже была возведена и Сухаревская башня. Так полковник, сделавший однажды правильный выбор, на всегда прописался в московской картографии.

Ну а мы с женой вдруг передумали идти к Грибоедову, видимо, внутренне сообща осознав, что бульвары, пруды, метро, памятники Крупской, Шухову, Грибоедову – совсем иная история, иной столичный мирок, немножко другой город, и его стоит посетить и рассказать о нем отдельно, и что не надо суетиться, путать конституцию и севрюжатину с хреном.

Тем более что и синенький автобус до МЦК «ЗИЛ» аккуратно нарисовался на остановке, совсем к тому же пустой, свободный. Видно, никто не спешит пока уехать из центра и пересечь столицу с севера на юг.

Ну а мы-то как раз живем на юге. Сели в автобус, помахали Сретенке, Сухаревке и поехали – через весь город.

Уже в автобусе жена вдруг говорит: «Остоженка». И я ничего не могу придумать в ответ и проигрываю, таким образом, партию. ☺

Фрагмент исторической мостовой. Сретенка вся из фрагментов – булыжник, асфальт, плитка, церкви, фастфуд, бутики...

ПАПУАСЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ПОСЛЕ ВЫСАДКИ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ В ОКТЯБРЕ 1871 ГОДА У НИКОЛАЯ МИКЛУХО-МАКЛАЯ ПОЯВИЛСЯ ДРУГ. ПАПУАС ПО ИМЕНИ ТУЙ БЫЛ ЕДИНСТВЕННЫМ ИЗ ВСЕЙ ДЕРЕВНИ, КТО НЕ УБЕЖАЛ В ЛЕС ПРИ ВИДЕ «ВЕЛИКОЙ ЛОДКИ» С БЕЛЫМИ ЛЮДЬМИ. ДЛЯ РУССКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ТУЙ СТАЛ НАСТОЯЩИМ ПРОВОДНИКОМ В МИРЕ ПАПУАСОВ. НЕОЖИДАННО В ДЖАЯПУРЕ У НАС ПОЯВИЛСЯ СВОЙ «ТУЙ» – ПЕРВЫЙ ПАПУАС, ПОЛУЧИВШИЙ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ.

ДВЕ ПОЛОВИНЫ НОВОЙ ГВИНЕИ, разделенной между Индонезией и независимой Папуа – Новой Гвинеей (ПНГ), соединяет всего один пограничный переход. Находится он у села Скоу – на северном побережье

острова, в 50 километрах от индонезийской Джаяпуры. Минував его, мы планировали доехать до залива Астролябия, где в 1871 году причалил к острову Миклухо-Маклай.

Утром мы отправились на рынок Йотефа, откуда, как говори-

Туй из деревни Горенду.
Рисунок Николая Миклухо-Маклай

Продавцы на рынке Йотефа быстро вернулись к торговле после ливня

Ливень прекратился так же неожиданно, как и начался. Мы вышли на дорогу ловить машину. Стоять долго не пришлось, папуасы народ отзывчивый. Мы сели в машину, ехавшую в село Койя, что на полпути к Скоу. Водитель – папуас по имени Никки – немного понимал по-английски. Оказался он сотрудником крупной строительной компании, работал в ПНГ, Малайзии, Эмиратах.

Доехав до дома, Никки познакомил нас со своей женой (европейцы здесь – редкие гости) и затем отвез до самой границы. Освободившись от горячих объятий добродушного папуаса, мы столкнулись с хмурыми пограничниками. Поначалу

нас не хотели пускать, утверждая, что граница закрыта. Мы показали визы ПНГ, рекомендательное письмо. Нас отвели за пограничные ворота, принесли два стула и начали разбираться. Более двух часов мы вели переговоры и с местными офицерами, и с высокими чинами по телефону. В итоге нам объявили, что пропустить нас могут только при наличии специального разрешения из Джаяпуры и консульства ПНГ. К тому времени стемнело, пограничники сами вывезли нас обратно в город. Следующие два дня были выходными, разрешением мы заниматься не могли, решили погрузиться в городскую жизнь.

ли, ходит транспорт в Скоу. Шли через весь базар, удивляясь изобилию диковинных фруктов и овощей. Любопытство вызывали и средства народной медицины – разноцветные снадобья в бутылках. Продавали здесь и украшения с перьями птиц и зубами животных – детали традиционного папуасского наряда. Мы заметили, что подвески с зубом кабана носят даже молодые современные папуаски.

На автостанции мы расстроились: граница, как нам сообщили, закрыта, а единственный автобус в Скоу ушел час назад. Тут еще хлынул ливень – настоящий экваториальный! Рынок залило водой. Папуасы спрятались под навесами, товар подняли повыше, чтобы его не смыло. Мы укрылись под тентом кафе, где позавтракали дракон-фруктом.

Подвеску с кабаньим зубом носит на груди и сестра Эбиуса

«ЛАСТОЧКИН ГОРОД»

Ливни основательно прополоскали близлежащие горы: каналы и речушки, проходящие через город, наполнились водой цвета какао. Вместе с размытой почвой в город принесло и рыбу, которую пытались ловить горожане.

Вообще, быт большинства папуасов Джаяпуры слабо напоминает жизнь в современном мегаполисе. Многие не имеют нормальных домов, довольствуясь самостроем на склонах гор. Мы поселились как раз в таком «ласточkinом городе» у гостеприимной Одер Павики. Номеров домов здесь нет, адрес указывают GPS-координатами. Только остановившись здесь, мы поняли, что построен квартал основательно, времянкой не назовешь. Жители соорудили на склоне террасы, укрепили их многометровой «дикой» кладкой из булыжников, приладили бетонные ступени и проходы, сделали водопроводы, провели канализацию... Часть электрических столбов здесь стоит вполне легально: какие-то дома существуют официально. Только их не отличить от самостроя: все это разрозненные или слитые в длинную террасу двух-трехэтажные «гнезда» из цементных блоков. У дома Одер также пристроена большая террасадвор. По соседству мы заметили большие кресты из досок или бамбука — будто отмечающие погребения. Одер объяснила, что так папуасы отмечают не смерть, а жизнь вечную — кресты выставляют во время праздника Пасхи. Позже мы видели такие же кресты и во дворах больших церквей города. Установленные в ведра, залитые бетоном черные кресты под навесом ожидали очередной Пасхи.

Жить в «ласточkinом городе» оказалось вполне приятно: панорамные виды, дома и тропинки утопают в зелени деревьев. Просто поражают тонюсенькие бетельные пальмы высотой по 20 метров! Как их только не ломает и не уносит океанскими ураганами? Впрочем, как и все эти «ласточкины гнезда».

Поднимаемся
к дому Одер
крутым короткой
дорогой

Одер живет с родителями, работает медсестрой и немного говорит по-английски. Семья перебралась в Джаяпуру из горных районов Папуа много лет назад. Держат небольшое хозяйство: садик, два сарая и свинарник. На хоздворе готовят на костре, хотя в дом проведен газ. У семьи до сих пор в ходу привезенные из деревни каменные пестик и ступка, используемые для измельчения пряностей. Во дворе и в доме почти всегда есть гости, много детей. Посиделки у папуасов не скучные, наше при-

сутствие только прибавило веселья: пока я фотографировал присутствующих, они хохотали без остановки. И куда же без пенанга? Здесь все под рукой. Мальчик надел на ноги обвязку из пальмовых листьев, шустко забрался по гладкому стволу бетельной пальмы и у макушки отломал целый куст пенанга (в других частях Азии этот слабо-наркотический продукт называют бетельным орехом. — Прим. авт.). И хотя еще двадцать лет назад Всемирная организация здравоохранения вынесла пенанг вердикт как канцерогену первой степени, плод продолжает оставаться одним из самых популярных потребительских продуктов на Папуа. Жуют его и стар и млад. В городе в местах посиделок весь асфальт от плевков красный. Пенанг вызывает активное слюноотделение кроваво-красного цвета. Хорошо, что здесь частенько идет дождь и все смывает.

Во времена Миклухо-Маклая папуасы также жевали пенанг. Русский исследователь однажды тоже попробовал, но обжег себе язык из-за того, что добавил слишком много извести. После этого он отвергал любые попытки уговорить его «пожевать».

Рассказывают,
что бетельная
пальма
вырастает
на 4 метра в год.
Эта уже скоро
пойдет на дрова

ПАПЕДА – «КИСЕЛЬ ЖИЗНИ»

Мы к пенангу были равнодушны. Зато попробовали «папеду» – традиционную пищу прибрежных папуасов, настоящий «хлеб жизни». Это очень странное блюдо, на вид – крахмальный клейстер без всяких добавок, а на вкус – нечто пресное. В общем, клейстер клейстером, заготовка для киселя. Готовят папеду из муки саговой пальмы. Марселина, мама Одер, приготовила папеду за десять минут. Развела муку, довела до кипения – и готово. От привычного нам киселя папеда отличается фантастической тягучестью: из тарелки ложкой оттянуть папеду можно сантиметров на сорок! Чтобы переложить порцию из кастрюли в тарелку, папуасы ловко орудуют двумя ложками или традиционными бамбуковыми палочками. Едят папеду с чем-то пряным, часто с рыбой. Рыбный бульон любят наливать прямо в тарелку с папедой.

Николай Миклухо-Маклай попробовал папеду (в заливе Астrolия тогда ее называли «буам») через месяц пребывания на острове, когда подружился с папуасами. Кисель ему подали с кокосовой стружкой. Блюдо ему по-

нравилось, и в дальнейшем он ел его постоянно.

На местном рынке саговую муку продают в виде прессованных голов разного калибра. По виду они похожи на сахарные головы. Довелось увидеть и то, как делают саговую муку. На окраине города в лесистой низине у канала

Артель по переработке саго работает слаженно до автоматизма

Одер демонстрирует невероятную тягучесть папеды

с водой работала артель. Около 20 человек живо превращали толстые стволы саго в труху. Одни распиливали пальму, другие выдалбливали сердцевину своеобразной деревянной мотыгой. Большинство занималось тем, что укладывали измельченную древесину в деревянные желоба, проливали ее водой и отжимали через какую-то сетку. Растворенный крахмал оседает в резервуарах и по мере высыхания извлекается, досушивается, пакуется в мешки.

Моей жене «папуасский кисель» сразу не понравился. Одер это не удивило. Заменой ему стал «хлеб» с папуасских гор, где саго не растет, а основной пищей является батат. Вообще, мы к столу приносили больше экзотических фруктов, а семья Одер удивляла нас овощами. Ели мы салат с молодым бамбуком, вареные kostочки сладкого джекфрута, удивительные то ли стручки, то ли початки «лобио», корнеплод кассава (он же маниок), батат оранжевый, желтый, фиолетовый... Марселина, несмотря на серьезные недуги и трудности с передвижением, излучала оптимизм. Она целый день занималась хозяйством или вязала на спицах. А вечером уговаривала всех пой-

ти на пляж, где первой заходила в воду. После купания соседские дети частенько занимали гостиную. Рассевшись на полу, делали уроки и смотрели мультфильмы. Однажды это были советские мультфильмы! Как есть – на русском языке, без перевода. А еще дети говорили, что им очень нравится мультфильм «Маша и Медведь» – на индонезийском звучит как «Маша дан беруанг» (мультфильм идет с переводом). Главную героиню дети называли по-своему ласково: «Мася».

ВДОХНОВЛЕННЫЙ МИКЛУХО-МАКЛАЕМ

Джаяпурец Эбиус Когоя, вероятно, первый папуас, получивший высшее образование в России. Нашли мы его благодаря бывшему директору Российского культурного центра в Джакарте Виталию Глинкину. Эбиус стал для нас проводником в мир традиционной папуасской культуры – таким же, каким для Миклухо-Маклая был Туй из деревни Горенду. «Имя Миклухо-Маклая почти никто не знает среди папуасов, – говорит Эбиус, – и я ничего не знал. Только когда учился в университете в Джакарте, мне попалась статья о Миклухо-Маклае на индонезийском языке. Я был восхи-

«Улица»
в «ласточкином
городе»

Учеба в России
перевернула
жизнь Эбиуса

щен, какой это великий для нас человек! Когда кругом говорили, что папуасы не люди, он доказывал равенство всех на Земле. Смог приехать на Папуа, столько лет прожил здесь, полюбил папуасов. Мне так понравилась история Миклухо-Маклая, что захотелось обязательно побывать в России. Денег у меня не было, но появилась возможность поехать

по программе обучения. Я сам нашел эту программу в интернете, сдал тест и получил приглашение. Отец меня отговаривал, пугал коммунистами, расистами. Я ответил, что меня вдохновил Миклухо-Маклай. И Бог со мной!» Эбиусу 35 лет, он представитель племени дани, родился и вырос в деревне высокогорной долины Балием в центре острова. В семье было пять детей, сам Эбиус мечтает иметь семерых. Правда, сомневается, что мечта сбудется в ближайшее время, поскольку будущая «мама» тоже хочет учиться в России. «Мамой» Эбиус, как и многие папуасы, называет свою жену; сейчас она ждет второго ребенка. Еще интереснее папуасы называют сестер. На нашу встречу Эбиус пришел вместе с младшей сестрой, Эбеной, к которой обращался «мама адэ». Старшую сестру принято называть «мама тутя». Кстати, Эбена уже получила приглашение учиться в России – будет повышать уровень образования по специальности медсестры. В общем, Эбиус заражает учебой в России своих родных и друзей. Готовит желающих, обучая русскому языку. Хотя самого Эбиуса в свое время едва не отчислили за неспособность освоить русский язык.

ПАПУАСЫ В РОССИИ

В 2015 году Эбиус отправился учиться в Череповецкий физкультурный институт. В Джакарте Эбиус также учился на преподавателя физкультуры. С детства много бегал в родном краю, а в юности показывал хорошие результаты в легкой атлетике.

Перед учебой в Череповце Эбиусу предстояло пройти курс русского языка в Тульском университете. Так сложилось, что он задержался, опоздал к началу занятий и приступил к учебе только в конце ноября. Снег и мороз его не испугали, напротив – вызвали прилив вдохновения. В долине Болием он много раз видел снег, но никогда не брал его в руки. На родине Эбиуса снег появляется на недосягаемых горных вершинах и в папуасской культуре имеет сакральное значение. То, как он впервые прикоснулся к снегу в Туле, Эбиус описывает с восторженным трепетом.

А вот учить русский язык было непросто. «Особенно трудно было на занятиях по физике и химии, – рассказывает Эбиус. – Все уже ушли вперед, отдельно со мной никто не занимался. Однажды преподаватель химии очень серьезно стала ру-

гать за то, что я ничего не понимаю. Я на всякий случай записал ее слова на диктофон. Потом попросил брата перевести (имеется в виду «брат во Христе», индонезиец, учившийся в Туле – Прим. авт.). Оказалось, она меня домой отправляет за неуспеваемость! От стресса я неделю лежал больной. Брат как-то упросил директора подготовительного факультета, чтобы мне поменяли преподавателя. Тогда я решил во что бы то ни стало выучить русский язык. Каждый день вставал в четыре утра,

интересно было увидеть, какую рыбу принесли ливни в город. Но при нас «рыбак» ничего не поймал

изучал семь новых глаголов. Вечером повторял и шел на улицу опробовать новые слова с прохожими. Поначалу они ничего не понимали. Я повторял, переходил на другие слова. Тех, кого сильно отвлекал, угощал шоколадкой. Каждый день ходил в кафе, на рынок – спрашивал и записывал новые слова, то есть осваивал слова, которые я реально в жизни использую. По воскресеньям посещал церковь и группу по изучению Библии. Люди относились ко мне очень дружелюбно, гораздо лучше, чем в Джакарте. Думали, правда, что я африканец, не верили, что папуас. Через месяц занятий немного говорить стал, через два – дело пошло лучше. В итоге окончил курс с высшим баллом. В русском языке для меня самым сложным было множество глаголов. У нас в языке дани и в индонезийском глаголов гораздо меньше и в основном короткие слова. В русском – длинных глаголов много, окончания постоянно меняются».

В Череповецком университете Эбиусу пришлось не сбавлять интенсивности в освоении русского языка. Помимо изучения сложных предметов типа биохимии он стал тренировать легкоатлетов. Подготовил семерых чемпионов области...

Сейчас Эбиус занимается мелким бизнесом и подготовкой желающих учиться в России. Через него прошли десятки человек. Всего же, по его данным, в России отучились 50 папуасов. Сам он планирует снова отправиться на родину Миклухо-Маклай – на сей раз, чтобы переквалифицироваться на филолога. Вообще, Эбиус, в отличие от многих своих соплеменников, очень предпримчивый человек. В районе Экспо в Джаяпуре он купил участок земли и мечтает построить там центр русского языка. Для привлечения спонсоров создал Фонд имени Миклухо-Маклай. Также у него в планах открыть «Русское кафе». Русская кухня Эбиусу нравится, в числе любимых блюд – борщ, солянка и «плов с мясом».

«Мама адэ» – младшая сестра Эбиуса по имени Эбена

Сейчас в Джаяпуре работает всего один этнографический музей

ЗА ЧТО СЪЕЛИ РОКФЕЛЛЕРА

Пока же ничего такого русского в Джаяпуре нет, а имя Миклухо-Маклай не знают даже в этнографическом музее при Университете Чендравасих... Самая интересная и большая часть коллекции музея – экспонаты, собранные Майклом Рокфеллером в 1960–1961 годах в районе Асмат. После таинственного исчезновения молодого миллиардера-исследователя (по некоторым данным, его съели каннибалы) экспонаты так и не были отправлены в США, остались на Папуа.

Основа экспозиции – деревянная скульптура. В оригинальности и масштабности папуасским ваятелям не откажешь. Ничего подобного мы больше нигде на Новой Гвинее не увидели. Статуи предков с огромными фаллическими символами достигают 6 метров в высоту. Выточены они были из единого куска дерева и ставились в священных местах и по границе земель племени. Впечатляют танцевальные маски-костюмы из «страны мертвых». В случае серьезных недугов со здоровьем в этих костюмах отплясывали родственники больного перед мужским домом. Бытовые предметы в музее тоже есть: куритель-

Название университета «Чендравасих» означает «Райская птица»

Одиночное женское божество – единственная статуя, так изъеденная насекомыми

ные трубы, кинжалы из кости кенгуру, плащ из листьев и волокон коры дерева пандан. Расписные панно на коре деревьев использовались для декора жилища, а также в качестве деталей одежды «старшей жены». Странные на вид камни – на самом деле топоры,

имевшие большую ценность и дававшиеся в приданое.

Самый старый по виду экспонат – изъеденная насекомыми деревянная статуя – оказался не таким уж старым. Смотритель музея утверждал, что ей около ста лет. Это женское божество, которое стояло в паре с мужским. «Супруга» богини Рокфеллер успел отправить в нью-йоркский Метрополитен-музей. Но миллиардера съели не за это. Еще во время первой экспедиции, в начале 1961 года, он вел себя как дикарь, а не ученый. Если Миклухо-Маклай все время пытался мирить папуасов, то Рокфеллер подстрекал охотников за черепами добывать новые трофеи. За черепа он был готов хорошо заплатить, а главное – пытался снять битвы папуасов на кинопленку. Варварское поведение ученого подтвердила и европейская комиссия, прибывшая в Асмат. Американца отстранили от научной экспедиции, но через несколько месяцев он организовал собственную. 18 ноября 1961 года его катамаран потерпел крушение. Вся команда выбралась на берег и спаслась, пропал без вести только Майкл Рокфеллер. По слухам, его съели аборигены, помнившие его поведение во время первой экспедиции.

ОЗЕРО МИРНОГО ДРАКОНА

Нам посчастливилось побывать на ежегодном фестивале танцев, который проходит в Сентани – городе-спутнике Джаяпуры. На своих мотоциклах нас повезли туда Одер и ее подруга Белинда.

Большое озеро Сентани, на берегу которого находится городок, место примечательное. С одной стороны, Сентани – центр папуасских традиций. С другой – здесь можно полюбоваться удивительно красивыми пейзажами. Мы заехали на смотровую площадку и долго не могли оторваться от окружающих красот. Извержение

древнего вулкана образовало озеро и вздыбило его берега цепями холмов, напоминающими хвосты и лапы гигантского ящера. Видимо, не зря папуасская легенда связывает озеро с обиталищем дракона. От смотровой площадки по гребням холмов разбегаются тропинки. Ощущение такое, будто перед тобой – мифическое Средиземье Толкина. С той только разницей, что здесь нет ничего воинственного. Первый миссионер, побывавший на озере в конце XIX века, перевел название «Сентани» как «Мы живем в мире», что было удивительно на фоне постоян-

Современный папуасский танец поклонения солнцу

ных междоусобиц папуасских племен...

Танцевальный фестиваль проходил прямо на берегу озера на большой сцене. Молодежные коллективы окрестных городков и деревень показывали сцены из жизни в танце. Причем с социальным подтекстом, на злобу дня. Например, загрязнение рек. Зрителям порой было очень весело. Так, рассказ о некой местной рыбе вызывал безудержный смех, хотя «перевод» нам не показался смешным. Были также танцы и песни в традиционном стиле. Однако самым занятным для нас оказалась костюмы и то, как молодежь расписывала свои тела. Вот уж впрямь искусство! Роспись сопровождалась шуточками и подтруниваниями – такой веселый боди-арт.

«Фестиваль» продолжился на ночном шоссе. На обратном пути мы услышали из леса крики каких-то животных – с завываниями и странной икотой. Удивляло то, что, как бы быстро мы ни ехали, крики эти раздавались совсем рядом. Оказалось, так развлекаются местные папуасы. Перед нами, почти без света фар, ехал пикап, в кузове которого папуасы «тренировали голоса».

Костюмы на фестивале традиционными не назовешь, каждый коллектив сочиняет что-то свое, особенное

МЕЖДУ КОНТРАБАНДИСТАМИ И ДИПЛОМАТАМИ

Между тем мы продолжали попытки решить вопрос с переходом границы. Результат был неутешительный. Погранпереход закрыли по обоюдному решению стран, использоваться он может только в экстренных случаях. В консульстве ПНГ наши визы и предварительная переписка с визовым центром по поводу пересечения границы в Скоу никакого эффекта не вызывали, как и официальное письмо из журнала о проведении экспедиции.

Появилась идея переправиться в ПНГ морем. От Джаяпуры до ближайшего портового городка Ванимо в ПНГ всего 100 километров. В Ванимо есть и погранслужба, и консульство Индонезии.

В порту хозяин небольшого судна обещал переправить нас ночью. Но не тут-то было. Выяснили, что для официального пересечения границы нужно, чтобы и судно официально пересекало границу. А в Джаяпуре такими формально-

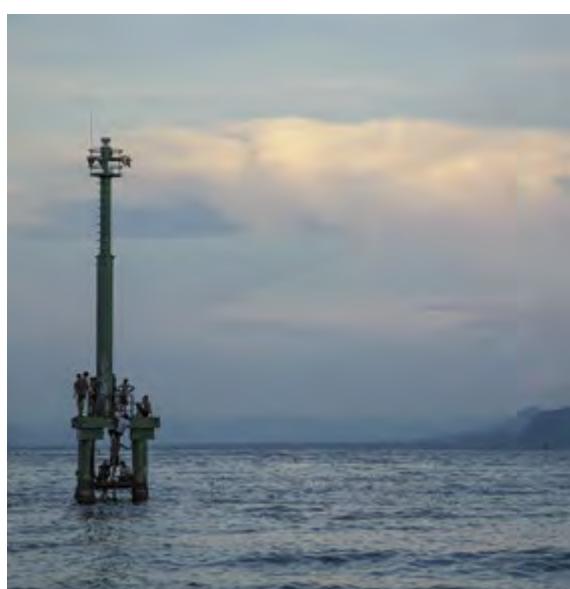
Флаг ПНГ
в лодке –
знак желающим
отправиться
за кордон

Доплыть
до маяка –
любимое
развлечение
молодежи
на пляже

стями себя не отягчают, гоняют в ПНГ ночами нелегально с контрабандистскими целями: возят соседям-папуасам всевозможные товары. Независимая папуасская жизнь обходится очень дорого. Цены в ПНГ в три-пять раз выше индонезийских. Мы решили все-таки воспользоваться сухопутным маршрутом. С помощью Эбиуса написали обращение к губернатору индоне-

зийского Папуа и через два дня получили разрешение. Согласовали даты выезда в ПНГ и возвращения. Но радовались мы недолго. Консул ПНГ отказался нам помочь пересечь границу. Местный губернатор ему не указ, а с нами он даже не захотел встретиться. Сказывались натянутые отношения Индонезии и ПНГ. Был еще вариант попросить вмешаться российского представителя в ПНГ. На это требовалось около недели, причем без всякой гарантии успеха. А время поджимало...

В итоге вместо ПНГ мы решили ехать в горы – окунуться в традиционную жизнь папуасов. В места, где нет электричества, где папуасы живут в хижинах и даже, как говорил Эбиус, ходят голые. Во всяком случае, современные этнографы ездят именно в горные районы индонезийского Папуа, тогда как в ПНГ добраться до подобной жизни гораздо труднее, а на побережье ее уже давно нет. Получилось путешествие, конечно, не буквально по стопам Миклухо-Маклая, но гораздо больше в духе его экспедиций.❶

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru